

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЛѢТЪ
КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Р. О А Д Е Е В А.

Съ приложеніемъ карты.

Тифлисъ.

Въ Военно - Походной Типографіи Главнаго Штаба
Кавказской Арміи.

1860.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
1) Общій очеркъ.	1.
2) Мюридизмъ	17.
3) Покореніе Кавказа.	63.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Тифлисъ 26-го Ноября 1859 года.**

Ценсоръ *И. Кайтмазовъ.*

О П Е Ч А Т К И.

напечатано:

читай:

стр. строк. сверху.

1.	23.	24.	военнѣхъ	военныхъ
5.	11.		самостоятельнымъ	самостоятельнымъ
14.	4.		обвивавшее	обвившее
59.	20.		съ 1853 по 1855	съ 1853 по 1856
68.	12.		ведется; война	ведется война
72.	17.		благосостояніемъ	благосостояніемъ
73.	10.		непосредственно	непосредственной
89.	6.		Микенъ-Дукъ	Мескенъ-Дукъ
—	11.		Мексендукской	Мескендукской
—	19.		Мексендукской	Мескендукской
95.	13.		предводитльствомъ	предводительствомъ
95.	30.		трещенѣ	трещинѣ.
104.	2.		увѣреностію	увѣренностію
111.	2.		н селеніе	населеніе.
119.	20.		прдводителями	предводителями
122.	26.		на энергію	на инерцію
124.	24.		стонвшіе	стонвшее.
—	27.		отроенный	отстроенный
136.	12.		абереки	абреки
137.	32.		въ сердцѣ	въ сердце
143.	15.		ходака	ходока.

I.

ОБЩІЙ ОЧЕРКЪ.

Въ прошломъ Сентябрѣ Россія прочитала съ удивленіемъ, едва вѣря своимъ глазамъ, телеграфическія донесенія Князя Барятинскаго ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, извѣщавшія «что восточный Кавказъ покоренъ отъ моря Каспійскаго до Военно-Грузинской дороги,» что «Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ;» Русское общество знало, хотя и смутно, что въ послѣднее время дѣла пошли на Кавказѣ хорошо, но далеко еще не ждало такого быстрого конца.

Кавказская война продолжалась шестьдесятъ лѣтъ. Россія привыкла мало по малу къ мысли, что такое положеніе дѣлъ естественно и должно длиться чуть ли не вѣчно, тѣмъ больше, что Кавказъ около полувѣка оставался въ совершенной тѣни и публика судила о немъ по нѣсколькимъ повѣстямъ, да рассказамъ людей, пріѣзжавшихъ на Пятигорскія воды. Съ 1845 года стали печатать въ газетахъ извлеченія изъ реляцій; но онѣ могли освѣтить дѣло только для человѣка знакомаго съ Кавказомъ. При чрезвычайномъ разнообразіи этой обширной страны, самый зрѣлый опытъ, пріобрѣтенный на одномъ изъ ея военныхъ театровъ, не даетъ еще никакой возможно-

сти правильно судить о другомъ; издали все сливалось въ одинъ неопредѣленный образъ, самыя коренныя измѣнѣнія въ положеніи вещей сглаживались и мыслищій русскій человѣкъ, незнакомый лично съ Кавказомъ, не могъ, разумѣется, связать разнорѣчащихъ событій и приходилъ по неволѣ, отыскивая рѣшенія этой задачи, къ самымъ невѣроятнымъ заключеніямъ. Наше общество, въ массѣ, не сознавало даже цѣли, для которой государство такъ настойчиво, съ такими пожертвованіями добивалось покоренія горъ. Страны, составляющія Кавказское намѣстничество, богатая природою, поставленная въ удивительномъ географическомъ положеніи для высокаго развитія въ будущемъ, все таки, съ чисто экономической точки зрѣнія, независимо отъ другихъ соображеній, не могли вознаградить понесенныхъ для обладанія ими жертвъ. На Кавказѣ рѣшался вопросъ не экономической, или, если даже отчасти экономической, то не заключенный въ предѣлахъ этой страны. Понятно, что для большинства общества этотъ вопросъ, необъяснимый прямой перспективой дѣла, оставался темнымъ. Покореніе восточныхъ горъ обрадовало Россію въ ея патріотизмѣ, какъ побѣда надъ упорнымъ врагомъ, независимо отъ громаднаго значенія этого событія, гораздо яснѣе понимаемаго до сихъ поръ за границей, чѣмъ у насъ. Утвержденіе безспорнаго русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ заключаетъ въ себѣ столько послѣдствій необходимыхъ или возможныхъ, прямыхъ и косвенныхъ, что покуда еще невозможно объять ихъ разомъ; они будутъ выказываться одно за другимъ, такую длин-

ною цѣлью, что развѣ слѣдующее поколѣніе будетъ знать весь объемъ событій 1859 года.

Покуда еще нельзя писать исторію русскаго владычества на Кавказѣ. Для исторіи такого долгаго и сложнаго періода нужна предварительная разработка матеріаловъ, завалившихъ въ продолженіи шестидесяти лѣтъ многіе архивы; къ этому недавно только приступила особая комиссія. Когда вибудь Россія прочтетъ полную исторію кавказской войны, составляющей одинъ изъ великихъ и занимательнѣйшихъ эпизодовъ нашей исторіи, не только по важности вопросовъ, рѣшенныхъ русскимъ оружіемъ въ этомъ отдаленномъ углу имперіи, но и по чрезвычайному напряженію чловѣческаго духа, которымъ борьба ознаменовалась съ обѣихъ сторонъ; по неслыханному упорству, съ которымъ она продолжалась десятки лѣтъ, непрерывно видоизмѣняясь въ своемъ характерѣ; по особой нравственной фізіономіи, если можно сказать, запечатлѣвшей сотни тысячъ Русскихъ, передвинутыхъ на Кавказъ. Приступать къ такому труду нельзя въ половину; но можно показать наглядно смыслъ событій кавказской войны въ ихъ причинахъ, движеніи и результатѣ. Въ этомъ состоитъ цѣль предстоящей книги. Каждый Русскій долженъ знать хотя въ главныхъ чертахъ что дѣлается на Кавказѣ, гдѣ бьются двѣсти тысячъ его соотечественниковъ.

Начало кавказской войны совпадаетъ съ первымъ годомъ текущаго столѣтія, когда Россія приняла подъ свою власть Грузинское царство. Это событіе опредѣлило новыя отношенія государства

къ полудикимъ племенамъ Кавказа; изъ заграничныхъ и чуждыхъ намъ они сдѣлались внутренними и Россія необходимо должна была подчинить ихъ своей власти. Отсюда возникла многолѣтняя и крововая борьба, до сихъ поръ еще не совсѣмъ конченная. Кавказъ потребовалъ большихъ жертвъ; но чего бы онъ ни стоилъ, ни одинъ Русскій не имѣетъ права на это жаловаться, потому что занятіе Закавказскихъ областей не было ни случайнымъ, ни произвольнымъ событіемъ въ русской исторіи. Оно подготовлялось вѣками, было вызвано великими государственными потребностями и исполнилось само собою. Еще въ шестнадцатомъ столѣтіи, когда русскій народъ уединенно выросталъ на берегахъ Оки и Волхова, отдѣленный отъ Кавказа дикою пустыней, священныя обязанности и великія надежды приковывали къ этому краю вниманіе первыхъ Царей. Домашняя борьба съ мусульманствомъ, давившимъ Россію со всѣхъ сторонъ, была рѣшена. Черезъ развалины татарскихъ царствъ, основанныхъ на русской почвѣ, московскому государству открылся обширный горизонтъ къ югу и востоку; тамъ, вдали, виднѣлись свободныя моря, богатая торговля, единовѣрные народы—Грузины и Кавказскіе горцы, тогда еще на половину Христіане, протягивавшіе руку Россіи. Съ одной стороны Волга выводила Русскихъ къ Каспійскому морю, окруженному богатыми народами, не имѣвшими ни одной лодки,—къ морю безъ хозяина; господство на этомъ морѣ необходимо вело современемъ къ владычеству надъ раздробленными и безсильными

владѣніями прикаспійскаго Кавказа. Европейская торговля, отыскивая доступъ къ золотымъ странамъ востока, сидилась пробить себѣ путь чрезъ Московское государство и сопредѣльные съ нимъ пустыни, и увлекала за собой Русскихъ на дорогу, и безъ того указанную естественнымъ положеніемъ ихъ земли. Съ другой стороны, въ Россію долетали стоны православной Грузіи, стоптанной варварскими нашествіями, изнеможенной безконечною борьбою, бившейся въ это время уже не за право быть самостоятельнымъ народомъ, а только за право неотречься отъ Христа. Мусульманское изувѣрство, распаленное предъ этимъ новымъ ученіемъ шитства, было въ полномъ разгарѣ. Отчаявшись преодолѣть твердость христіанскаго племени, Персіане систематически вырѣзывали населеніе цѣлыхъ областей. Начиная съ 16-го вѣка почти каждое грузинское семейство могло молиться мученикамъ своей крови. Въ Москву одну за другою привозили грузинскія святые, спасаемая отъ поруганія мусульманъ. И царь и простолюдинъ съ одинаковою скорбію слушали рассказы о неистовствахъ совершаемыхъ невѣрными надъ православнымъ населеніемъ Грузіи; самыя сердечныя чувства народа были задѣты и влекли Русскихъ на путь, уже указанный и политикой, и торговлей. И дѣйствительно, съ 16-го вѣка начались попытки русскихъ Царей, съ одной стороны поддержать изнемогавшую Грузію, съ другой утвердить свое торговое и политическое господство въ прикаспійскихъ странахъ. Эти попытки продолжались, развиваясь все въ большихъ размѣрахъ, до конца

18-го вѣка. Сначала онѣ представляли почти непреодолимые препятствія. Россія еще не соприкасалась съ Кавказомъ; между ними лежала обширная пустыня, наполненная кочевыми хищниками и шайками бездомныхъ удалцовъ, почти непроходимая. Но тѣмъ временемъ русскій народъ выросталъ, поселенія раздвигались, пустыня превращалась по немногу въ заселенныя области. Въ началѣ 18-го вѣка все пространство отъ Оки до устій Дона и отъ Казани до Астрахани было уже занято цѣпью селъ и городовъ. И съ этого времени начинается цѣлый рядъ Кавказскихъ походовъ, совершенныхъ при Петрѣ Великомъ, Екатеринѣ I-й, Аннѣ Иоановнѣ, Екатеринѣ II-й и Павлѣ Петровичѣ; они становились все чаще по мѣрѣ того, какъ Россія подвигалась къ Кавказу. Къ концу вѣка русское племя доросло до европейскихъ рубежей своей земли—Чернаго моря и подножія Кавказа. Закавказскія владѣнія не были уже въ отношеніи къ Россіи въ такомъ географическомъ положеніи, въ какомъ теперь находится Хива; планы Петра Великаго могли быть приведены въ исполненіе безъ тѣхъ затрудненій, которые имъ предстояли въ 1722 году. Въ это самое время новый погромъ и новыя неистовства со стороны мусульманъ постигли Грузію. Стоя на Терекѣ и на Кубани, Россія не могла ограничиться безплодными сожалѣніями, какъ въ 16-мъ вѣкѣ, слушая рассказы о томъ, какъ на Курскомъ мостѣ въ Тифлисѣ Персіяне заставляли православныхъ плевать въ чудотворный образъ Богородицы и свергали непокорныхъ (а непокорными были все) съ моста въ Куру, скоро запруженную

тѣлами; или какъ двѣ тысячи молельщиковъ Давидо-Гореджійской пустыни были по очереди подводимы подъ топоръ во время совершенія заутрени на свѣтлое воскресенье. Независимо отъ самыхъ существенныхъ интересовъ, по которымъ обладаніе Кавказомъ составляло уже тогда для Имперіи дѣло первой важности, съ одной стороны религіознаго вопроса, Россія не могла отказать православной Грузіи въ защитѣ, не переставая быть Россіей. Манифестомъ 18 Января 1801 года Павелъ Петровичъ принялъ Грузію въ число Русскихъ областей, по завѣщанію послѣдняго Грузинскаго Царя Георгія XIII.

Въ то время споръ за господство на Черномъ морѣ шелъ у насъ только съ одною Турціею. Но Турція была уже объявлена несостоятельною политически; она уже находилась подъ опекою Европы, которая ревниво блюла ея цѣлость, потому что не могла принять равнаго участія въ дѣлежѣ. Не смотря на это искусственное равновѣсіе, опертое на остріе иглы, между великими державами начиналась борьба за преобладающее вліяніе на Турцію и все принадлежащее ей. Европа проникала въ отжившую массу Азіи съ двухъ сторонъ, съ запада и юга; для нѣкоторыхъ Европейцевъ азіятскіе вопросы получили первостепенную, исключительную важность. Въ предѣлахъ Турціи, если не дѣйствительныхъ, то предполагаемыхъ дипломатически, заключались Черное море и Закавказье; это Государство простирало свои притязанія до берега Каспійскаго моря и легко могло осуществить ихъ первымъ успѣхомъ, одержаннымъ

надъ Персіянами. Но неясно очерченная масса Турецкой имперіи начинала уже переходить изъ одного вліянія подъ другое. Было очевидно, что споръ за Черное море, за всѣ воды и земли, на которыя простирались притязанія Турціи, рано или поздно, при первомъ удобномъ политическомъ сочетаніи, станетъ споромъ европейскимъ и будетъ обращенъ противъ насъ, потому что вопросы о западномъ вліяніи или господствѣ въ Азіи не терпятъ раздѣла; соперникъ тамъ смертеленъ для европейскаго могущества. Чье бы вліяніе или господство не простерлось на эти страны (между которыми были земли безъ хозяина, какъ на примѣръ весь Кавказскій перешеекъ), оно стало бы во враждебныя отношенія къ намъ. Между тѣмъ владычество на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, или въ случаѣ крайности, хоть нейтралитетъ этихъ морей, составляетъ жизненный вопросъ для всей южной половины Россіи, отъ Оки до Крыма, въ которой все болѣе и болѣе сосредоточиваются главныя силы Имперіи и личныя и матеріальныя. Эта половина государства создана, можно сказать, Чернымъ моремъ. До завоеваній Екатерины, она была въ такомъ же положеніи, какъ теперь Уральскій край и южная Сибирь, поселеніями вдвинутыми въ безвыходную степь; владѣніе берегомъ сдѣлало ее самостоятельной и самою богатою частью имперіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ, съ устройствомъ Закавказской желѣзной дороги, которая необходимо привлечетъ къ себѣ обширную трапезондтскую торговлю съ верхней Азіей, при быстромъ развитіи волжскаго и морскаго пароходства, при составившейся компаніи азіатской тор-

говли, пустынное Каспійское море создасть для юго-восточной Россіи тоже положеніе, какое Черное море уже создало для юго-западной. Но охранять свои южные бассейны Россія можетъ только съ Кавказскаго перешейка; континентальному государству, какъ наше, нельзя поддержать своего значенія, ни заставить уважать свою волю тамъ, куда его пушки не могутъ дойти по твердой почвѣ. Еслибъ горизонтъ Россіи замыкался къ югу снѣжными вершинами Кавказскаго хребта, весь западный материкъ Азіи находился бы совершенно внѣ нашего вліянія и при нынѣшнемъ безсиліи Турціи и Персіи, не долго бы дожидался хозяина или хозяевъ. Южныя Русскія области упирались бы не въ свободныя воды, но въ бассейны и земли, подчиненныя враждебному вліянію. Если этого не случилось и не случится, то потому только, что русское войско, стоящее на Кавказскомъ перешейкѣ, можетъ обхватить южные берега этихъ морей, протянувши руки въ обѣ стороны.

Враждебное вліяніе не остановилось бы на Кавказскомъ перешейкѣ. Рядъ водныхъ бассейновъ, вдвинутыхъ въ глубь азіятскаго материка, отъ Дарданеллъ до Аральскаго моря, съ его судоходнымъ притокомъ Аму-Дарьей, прорѣзывающимъ всю среднюю Азію почти до индійской границы—слишкомъ заманчивый путь для торговли, пробивающейся теперь чрезъ бездорожные хребты и высокія плоскости Арменіи и Азербейджана. Европейская торговля съ Азіей шла этимъ путемъ тысячи лѣтъ, была прервана Турками, когда они, взявши Константинополь, заперли Черное

море, и возобновилась бы въ началѣ этого вѣка, еслибъ Кавказскій перешеекъ оставался безъ владыки. Но кто не знаетъ что такое европейская торговля въ Азіи? Сопрیکосновеніе двухъ породъ столь не равныхъ силъ начинается тамъ ситцами, а кончается созданиемъ полвластной имперіи во 150 милліоновъ жителей. Еслибъ торговля нѣкоторыхъ европейцевъ установилась по направленію внутреннихъ азіатскихъ бассейновъ сама собою, до, или по-мимо нашего господства за Кавказомъ, путь ея былъ бы предѣломъ нашихъ отношеній къ Азіи. Все лежащее за чертой, протянутой отъ устья Кубани къ сѣверному берегу Аральскаго моря и дальше, было бы слито въ одну враждебную намъ группу и мы выиграли бы только то, что вся южная граница имперіи на нѣсколько тысячъ верстъ, отъ Крыма до Китая, сдѣлалась бы границей въ полномъ смыслѣ слова, потребовала бы крѣпостей и арміи для своего охраненія; чистая выгода въ смыслѣ «мирнаго развитія внутреннихъ силъ государства.» Для обороны Кавказской линіи пришлось бы вѣроятно употребить тѣже войска, какія занимаютъ ее теперь, но уже безъ всякой надежды на окончаніе этого положенія. Европейская торговля съ Персіей и внутренней Азіей, проходящая чрезъ Кавказскій перешеекъ, подчиненный Русскому господству, обѣщаетъ государству положительныя выгоды; таже самая торговля, прошедшая чрезъ Кавказъ независимый отъ насъ, создала бы для Россіи нескончаемый рядъ утратъ и опасностей. Кавказская армія держитъ въ своихъ рукахъ ключъ отъ востока; это до того извѣстно нашимъ недоброжелателямъ, что во время

постекшей войны нельзя было открыть англійской брошюры, чтобы не найти въ ней толковъ о средствѣ очистить Закавказье отъ Русскихъ. Но если отношенія къ востоку составляютъ вопросъ первой важности для другихъ, то для Россіи они осуществляютъ историческую необходимость, уклониться отъ которой не въ ея власти.

Россія на пространствѣ десяти тысячъ верстъ не соприкасается, но смѣшивается съ мусульманской и языческой Азіей. Предѣлы ея выдвигаются впередъ не въ слѣдствіе однихъ политическихъ расчетовъ, но по требованію домашняго управленія и внутренняго хозяйства, какъ обработанныя поля владѣльца, поселившася въ новой, никому не принадлежащей землѣ. За русскимъ рубежмъ и до самаго края земли все въ Азіи тлѣетъ и разрушается. Азіятскія общества держались вѣка, какъ трупъ, до котораго не касается возлухъ въ могилѣ, держались отсутствіемъ посторонней стихіи; какъ только живыя силы Европы дохнули на нихъ, они стали разсыпаться. Нынѣшніе народы западной половины Азіи давно уже перестали быть общественными организмами; они сдѣлались численнымъ собраніемъ мусульманъ, случайно, безъ малѣйшаго сочувствія соединенныхъ подъ тою или другою мѣстною властію. Исламизмъ проникъ во всѣ ихъ общественныя поры и совершенно вытѣснилъ народность, какъ известковый растворъ вытѣсняетъ мало-по-малу все вещество древней раковины, облекаясь въ ея форму; онъ овладѣлъ всѣмъ человѣкомъ и окаменилъ его въ однажды данной формѣ, не оставляя никакого мѣста ни об-

щественному, ни личному развитію, не проистекающему изъ корана. Гражданское устройство мусульманскихъ народовъ, ихъ судъ, финансы, личныя и семейныя отношенія установлены по шаріату, неизмѣнному до конца міра, какъ непреложное откровеніе. Личность человѣка усыплена въ мусульманствѣ еще болѣе, чѣмъ общество. Въ этомъ отношеніи исламизмъ вполне можетъ назваться разсудочной религіей; онъ объясняетъ міръ и ставитъ человѣку цѣль разсудительно, естественно, довольно близко ко всемірному преданію, понятно для всякаго ума и потому совершенно удовлетворительно; но въ тоже время безъ малѣйшаго нравственнаго идеала, который могъ бы освятить душу. Исламизмъ беретъ человѣческую природу какъ она есть, со всѣмъ ея свѣтомъ и со всею ея грязью, благословляетъ въ ней все одинаково, даетъ законный исходъ хорошему и дурному, обещающая продолженіе такого состоянія въ самой вѣчности. Обязанности, налагаемыя этой религіей, состоятъ въ легкой обрядности и ненависти къ невѣрнымъ. Мусульманинъ выноситъ изъ своей вѣры достаточное удовлетвореніе умственное и невозмутимое довольство самимъ собою. Это настроеніе необходимо разрѣшается на практикѣ крайнею апатією. Къ чему можетъ стремиться человѣкъ когда онъ есть уже все чѣмъ долженъ быть, человѣкъ, котораго не гложетъ сомнѣніе, но не манитъ также никакою идеалъ? Мусульманство прокатилось по землѣ огненнымъ потокомъ и теперь еще производитъ страшные пожары въ мѣстахъ, куда оно проникаетъ вновь, чему примѣромъ служитъ Кавказъ. Могущество перваго взрыва

мусульманства происходитъ именно отъ освященія дурныхъ сторонъ человѣческой природы—разнужданности страстей, звѣрства, фанатизма. Въ сущности исламизмъ есть религія страсти, ученіе въ полномъ смыслѣ поджигательное; онъ воспламеняетъ людей, удваиваетъ ихъ силы, дѣлаетъ ихъ способными къ великимъ вещамъ на столько, на сколько въ человѣкѣ или цѣломъ народѣ достаетъ горячаго матеріала. Когда нравственный пожаръ кончится, отъ мусульманства остается только пепель, одна бесплодная обрядность, общественный и умственный застой, апатія пьяницы съ похмѣлья. Въ три вѣка исламизмъ исчерпалъ до дна свое неглубокое содержаніе, и съ тѣхъ поръ застылъ какъ трупъ. Кто видѣлъ и знаетъ до какой степени нынѣшнимъ азіятцамъ чужды понятія объ отечествѣ, о всякомъ общественномъ интересѣ, о первыхъ обязанностяхъ гражданина; до какой степени они равнодушны къ тому, что люди называютъ своей землей, лишь бы не было возмущено ихъ личное спокойствіе; въ какой мѣрѣ они презираютъ свои правительства, не помышляя даже объ ихъ улучшеніи; какъ мало трогаютъ ихъ отечественныя событія,—тотъ не можетъ ни на минуту сомнѣваться, что послѣдній часъ пробилъ для этихъ человѣческихъ скопищъ, лишенныхъ всякой внутренней связи. Усилія нѣкоторыхъ мусульманскихъ правительствъ преобразовать государство на европейскій ладъ разрушили послѣднее основаніе этихъ дряхлыхъ народовъ—вѣру. Общественный законъ всѣхъ мусульманъ—шаріатъ, есть откровеніе; уничтожить или измѣнить его, значитъ отвергнуть слово Божіе. Реформы въ Азіи съ одной стороны от-

толкнули отъ власти массы, привели ихъ въ броженіе, создали мусульманское франмасонство, весьма похожее на мюридизмъ въ его началѣ, обвинявшее тайными ложами бѣольшую часть мусульманскаго міра; съ другой создали оффиціальный классъ образованныхъ мусульманъ, которые вѣрятъ въ однѣ только деньги, кто бы ихъ ни давалъ. Что будетъ съ Азіей, разгадать этого еще нельзя; но въ такомъ видѣ какъ теперь, она не можетъ существовать. Или въ ней совершится внутренній переворотъ, чего невидать и признака, или она сдѣлается добычей. Во всякомъ случаѣ Россія не можетъ допустить, чтобы безъ ея участія устроилась судьба цѣлой части свѣта, съ которой она слита почти безраздѣльно, съ которой она живетъ, можно сказать, подъ одной кровлей. Рѣшеніе спора христіанства съ исламизмомъ, покинутое Европою съ 14-го вѣка, съ того же времени какъ бы свыше предоставлено одной Россіи и сдѣлалось, сознательно или безсознательно, ея народнымъ дѣломъ. Всѣ ея сочувствія и всѣ интересы, даже независимо отъ ея воли, изъ вѣка въ вѣкъ періодически ставятъ ее лицомъ къ лицу противъ всевозможныхъ видоизмѣненій этого вопроса.

Но дѣйствительная связь Россіи съ Азіей, узелъ ихъ—на Кавказѣ. На всемъ остальномъ пространствѣ между осѣдой Азіей и русской границей отъ Амура до Каспійскаго моря тянется пустыня, которая къ концу вѣка будетъ уже, можетъ быть, нѣсколько населена и станетъ удобопроходимой; но до тѣхъ поръ многое можетъ случиться. Черезъ

Кавказскій перешеекъ и его домашній бассейнъ— Каспійское море, Россія соприкасается непосредственно со всей массой мусульманской Азіи. Съ Кавказскаго перешейка Россія можетъ достать всюду куда ей будетъ нужно; и здѣсь же именно полувѣковая борьба съ мусульманскимъ фанатизмомъ создала единственную армію, которая можетъ выносить, безъ разстройства, безконечныя лишенія азіятскихъ походовъ.

Для Россіи Кавказскій перешеекъ вмѣстѣ и мость, переброшенный съ русскаго берега въ сердце азіятскаго материка, и стѣна, которою заставлена средняя Азія отъ враждебнаго вліянія, и передовое укрѣпленіе, защищающее оба моря: Черное и Каспійское. Завятіе этого края было первою государственною необходимостію. Но покуда Русское племя доросло до подошвы Кавказа, все измѣнилось въ горахъ. Выбитый изъ европейской Россіи, исламизмъ работалъ неутомимо три вѣка, чтобы укрѣпить за собою естественную ограду Азіи и мусульманскаго міра—Кавказскій хребетъ,— и достигъ цѣли. Вмѣсто прежнихъ христіанскихъ племенъ, мы встрѣтили въ горахъ самое неистовое воплощеніе мусульманскаго фанатизма.— Шестьдесятъ лѣтъ продолжался штурмъ этой гигантской крѣпости; вся энергія стариннаго мусульманства, давно покинувшая разслабленный азіятскій міръ, сосредоточилась на его предѣлѣ, въ Кавказскихъ горахъ. Борьба была неистовая, пожертвованія страшныя. Россія не отставала и

преодоѣла, зная что великимъ народамъ, на пути къ назначенной имъ цѣли, полагаются и препятствія въ мѣру ихъ силы.

II.

М Ю Р И Д И З М Ъ.

Весной 1801 года генераль Кноррингъ привялъ Грузію подъ русскую власть. Въ это время всѣ страны Кавказа, и горы, и за-горныя области, находились въ состояніи совершеннѣйшаго хаоса; общество здѣсь распадалось не отъ внутренняго истлѣвія, но отъ безконечнаго и неслыханнаго внѣшняго насилія. Весь Кавказъ обращенъ былъ въ одинъ невольничій рынокъ. Стоитъ только вспомнить, что цѣлыя войска мамелюковъ и багдадскихъ гюрджей были поголовно составлены изъ Кавказскихъ невольниковъ; что первоначальные янычары имѣли такое же происхожденіе; что всѣ бѣлые невольники Турціи и Персіи вывозились съ Кавказа; что турецкіе гаремы были наполнены кавказскими женщинами и что этой причиной этнологія объясняетъ измѣненіе типа Османовой орды въ нынѣшній турецкій; стоятъ только соединить эти факты, чтобы представить себѣ положеніе, изъ котораго русская сила извлекла Кавказъ. Съ тѣхъ поръ какъ Грузинское царство, властвовавшее прежде надъ горами, было стоптано нашествіемъ Чынгисхановой орды, всякая мысль о правѣ и порядкѣ исчезла съ кавказскаго перешейка. Здѣшнія племена раздѣлились на двѣ стороны—на охотниковъ и на добычу,

смотря потому, гдѣ они жили—въ непроходимой тущобѣ, или на открытыхъ поляхъ. Но и это различіе современемъ исчезло. Приучаемые съ дѣтства къ ловлѣ людей, горцы такъ сроднились съ этимъ ремесломъ, что перенесли его въ собственные ущелья. Возвращаясь съ охоты въ чужомъ краю, они ставили ловушку сосѣду, крали его дѣтей, подъ часъ продавали собственныхъ. Землей и моремъ отправлялись съ Кавказа грузы невольниковъ, но только не черныхъ, какъ на Гвинейскомъ берегу, а людей европейскаго племени, по большей части христіявъ. Въ полномъ 18-мъ столѣтіи Кавказъ жилъ жизнью доисторическихъ временъ, когда такими же средствами закладывалась для древнихъ обществъ основа всемірнаго невольничества.

Принятіе Грузіи подъ русскую власть положило конецъ этому позору, но не разомъ. Чтобъ очистить Закавказье отъ лезгинскихъ шаекъ, надобно было, въ продолженіи 13-ти лѣтъ, истреблять ихъ, какъ истребляютъ хищныхъ звѣрей; а въ это время русскія силы за горами были не велики и заняты болѣе серіозною борьбою. Персія и Турція, раздѣленные три вѣка непримиримою враждою, возстали заодно противъ христіанскаго владычества за Кавказомъ; нашимъ войскамъ пришлось вести многолѣтнюю и упорную войну въ пропорціи одного противъ десяти. Къ счастью, въ это время мусульманскія государства уже отжили свой вѣкъ и сохраняли одну наружность прежняго могущества; первая встрѣча съ европейцами разблачила ихъ безспіе. Тѣмъ не менѣе

численныя силы Персіи и Турціи были такъ велики, усилія этихъ государствъ выбить насъ изъ Закавказья такъ настойчивы, что небольшой грузинскій корпусъ долженъ былъ почти весь сосредоточиться на южной границѣ; для защиты Закавказскихъ областей отъ горцевъ, оставалось нѣсколько баталіоновъ, которые не могли вносить войну въ горы и ограничивались по необходимости преслѣдованіемъ разбойничьихъ шаекъ внутри края. Наступательная война противъ горцевъ началась дѣйствительно только съ назначеніемъ главноуправляющимъ Кавказскимъ краемъ генерала Ермолова въ 1816 году.

Въ то время весь горный поясъ Кавказскаго перешейка вплоть отъ Чернаго до Каспійскаго моря въ длину, отъ Кубани и Терека до южнаго склона хребта въ ширину, былъ занятъ независимыми и враждебными намъ племенами. Только двѣ дороги связывали Закавказскія области съ Россіей: одна Дарьяльская, проложенная съ незапамятныхъ временъ по ущелью Терека чрезъ самую средину Кавказскаго хребта, другая по берегу Каспійскаго моря. И тамъ и здѣсь могли проходить лишь колонны, готовыя всякую минуту дать отпоръ непріятелю. Населеніе горъ, не смотря на коренныя различія между племенами по наружному типу и языку, всегда было провикнуто совершенно одинаковымъ характеромъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, кто бы они ни были: характеромъ людей, до того сроднившихся съ хищничествомъ, что оно перешло къ нимъ въ кровь, образовало изъ нихъ хищную породу, почти въ зооло-

гическомъ смыслѣ слова. Кавказскіе горы, въ теченіи тысячелѣтій, не заимствовали отъ окружающихъ народовъ ничего, кромѣ усовершенствованій въ оружіи; въ этомъ дѣлѣ они были въ высокой степени переимчивы; во всемъ прочемъ между ними и сосѣдями не происходило никакого умственного соприкосновенія. Обрывки племенъ, которыхъ слѣдъ давно исчезъ на землѣ, кавказскія общества сохранили въ своихъ бездонныхъ ущельяхъ первобытный образъ, какъ сохраняются остатки старины въ могилахъ. Ихъ раздѣляли отъ подгорныхъ жителей не только заоблачные хребты, но ряды вѣковъ, протекшихъ съ того времени, когда онѣ выдѣлились изъ человѣческой семьи. Безъ общенія съ сосѣдами, горскія племена не общались и между собою и по немногу каждое племя утратило чувство своего кровнаго единства, распалось на мелкія общества, ограниченныя пространствомъ одной горной долины. Тутъ было единственное отечество горца, единственный уголь на землѣ, въ которомъ онъ признавалъ за людьми право жить; на весь прочій міръ онъ смотрѣлъ враждебно и считалъ его законной добычей. Теперь только одна филологія можетъ возстановить историческій типъ племенъ заселившихъ Кавказъ, связать ихъ съ чѣмъ-нибудь существующимъ или существовавшимъ.—На изорванныхъ ребрахъ Кавказа остались слѣды всѣхъ переселеній бѣлой породы, историческихъ и доисторическихъ, какъ на колючемъ заборѣ шерсть отъ прогоняемыхъ стадъ. Эти обрывки зарылись въ недосягаемыя ущелья, окаменѣли въ своемъ первообразномъ видѣ и теперь представляютъ сборникъ

живыхъ образцовъ изъ эпохи, отъ которой не осталось людямъ ничего кромѣ нѣсколькихъ непонятныхъ преданій. Но пока еще наука не коснулась этого предмета, мы знаемъ наглядно, что Кавказскій хребетъ заселенъ семью совершенно различными народами. Дагестанъ, покорный и непокорный, занимають три племени, которыхъ русскіе окрестили общимъ названіемъ Лезгинъ, но которыя рознятся кореннымъ образомъ и языкомъ и наружнымъ видомъ. Первое племя—Цунта, живетъ вдоль становаго хребта, обращеннаго къ Грузіи; второе—Аварское, засѣло въ сѣверной части нагорнаго Дагестана; третье—Казикумухское, занимаетъ страну на востокъ отъ этихъ племенъ до Каспійскаго моря. На сѣверномъ склонѣ горнаго хребта, перерѣзывающаго группу восточнаго Кавказа діагонально отъ Ю. З. къ С. В., живетъ чеченское племя, которое называетъ себя Нохче. Средина Кавказскаго хребта, самая узкая и высокая, заселена Осетинами (Ировъ), племенемъ сравнительно новѣйшимъ, потому-что нѣкоторый, хотя и слабый слѣдъ его переселенія на Кавказъ, еще мерцаетъ въ исторіи. Вся западная группа Кавказа занята многочисленнымъ народомъ Адыговъ, обыкновенно называемыхъ Черкесами, которые заселили также и кабардинскую равнину, но уже въ позднѣйшіе вѣка. Наконецъ, въ углу между западнымъ хребтомъ, Чернымъ моремъ и Мингреліей основалось Абхазское племя.

Населеніе горъ, состоящее изъ этихъ семи первобытныхъ народовъ, простиралось въ старину довольно далеко во всѣ стороны по смѣжнымъ

равнинамъ; оно было заперто въ ущельяхъ Кавказа нашествіемъ татарской орды Чингисъ-хана, составившей послѣдній племенной наплывъ на кавказкомъ перешейкѣ. Татары заняли подгорныя страны съ трехъ сторонъ и въ срединѣ Кавказскаго хребта, между Осетинами и Адыгами вѣрзались въ глубину горъ, истребивъ туземцевъ. Но кромѣ того, въ нѣкоторыхъ долинахъ Кавказа, самыхъ дикихъ и недоступныхъ, на нѣкоторыхъ террасахъ, отдѣльно возвышающихся посреди хаоса скалъ и отроговъ, сохранились урывки племенъ въ одну, двѣ, три деревни, населенныя людьми, языка которыхъ никто не понимаетъ; такихъ исключеній можно насчитать довольно много. Различіе между племенами Кавказа состоитъ не только въ языкѣ, но и въ наружности; самый духовный складъ чело-вѣка весьма отличенъ и доказываетъ, что эти племена оторвались отъ своихъ корней на степени развитія, далеко не одинаковой. Между тѣмъ, какъ сильный народъ Адыговъ представляетъ общественное состояніе, поразительно сходное съ варварскимъ бытомъ V и VI вѣка, основанное на сознательномъ правѣ и потому заключающее въ себѣ зародыши возможнаго развитія, еслибъ этотъ народъ находился въ другомъ положеніи; въ тоже время бѣольшая часть Лезгинъ нагорнаго Дагестана и Чеченцы составляютъ типъ общества, до того распавшагося, что отъ него не осталось ничего кромѣ отдѣльныхъ лицъ, которыя тернятъ другъ друга только изъ страха кровной мести. Вліяніе исламизма, утвердившагося въ приморскомъ Дагестанѣ, еще при Аббасидахъ, наложило на восточныя лезгинскія племена нѣкоторый отгѣвокъ гражданскаго

устройства хотя тѣмъ, что подчинило ихъ наследственнымъ владѣтелямъ, которые могли своему подданному рѣзать голову безнаказанно и неопасаясь мести за кровь, если могли только съ нимъ сладить. Просвѣщеніе христіанствомъ южныхъ горскихъ племенъ Цунтинскаго и Осетинскаго, предпринятое въ славный періодъ Грузинскаго царства, исчезло вмѣстѣ съ значеніемъ Грузіи, не оставивъ въ первомъ племени даже слѣдовъ и оставивъ во второмъ однѣ смутныя воспоминанія. Все остальное населеніе горъ, особенно восточной половины Кавказа, оставалось цѣлыя тысячелѣтія недоступнымъ постороннему вліянію. Замкнутые въ своихъ неприступныхъ ущельяхъ, кавказскіе горцы сходили на равнину только для грабежа и убійства; дома дни ихъ проходили въ самой тупоумной праздности. И теперь горецъ, имѣющій какое-нибудь состояніе, съ утра до вечера неподвижно сидитъ въ дверяхъ сакли и рѣжетъ ножомъ палочку. Религія, если только до послѣдняго времени у восточныхъ кавказскихъ племенъ существовала другая религія кромѣ шаманства, давно была позабыта, не оставивъ и слѣда мысли о высшемъ мірѣ, и тѣни понятія о какой-либо обязанности, ничего кромѣ боязни нѣкоторыхъ нечистыхъ вліяній. Безъ надежды, безъ отвѣтственности и безъ мышленія, безъ отечества, кромѣ нѣсколькихъ домовъ своей деревни, живя разбоемъ и не боясь за него никакой отплаты въ своемъ полувоздушномъ гнѣздѣ, проводя такимъ образомъ вѣка за вѣками, кавказскій горецъ выдѣлалъ себѣ природу плотояднаго звѣря, который безсмысленно лежитъ на солнцѣ пока не чувствуетъ голода и потомъ терзаетъ

жертву безъ злобы и безъ угрызений. Съ 13-го вѣка развилась на Кавказѣ, какъ промышленность, охота за людьми для продажи и низвела понятія горца на послѣднюю степень растлѣнія; онъ сталъ понимать значеніе человѣка только въ смыслѣ промѣна на серебряную гайку. Совсѣмъ тѣмъ, это нужно замѣтить тутъ же, обращеніе кавказскихъ племенъ было только наружное. Горецъ былъ какъ ребенокъ воспитанный въ дурныхъ примѣрахъ, перенявшій ихъ безотчетно, но сохранившій еще всю свѣжесть своей спящей души; онъ никогда не упадалъ до степени гвинейскаго негра, сохраняя надъ нимъ неизмѣримыя преимущества своей чистой, богато одаренной яфетической породы. Мюридизмъ доказалъ какъ дѣвственная еще была душа этихъ людей, сколько пламени, самоотверженія, религіозности обнаружила въ нихъ первая общая идея, проникшая въ ихъ мысль. Всю энергію, развитую вѣками боевой жизни, горцы отдали на служеніе ей. До тѣхъ поръ они были воинами только для войны,—разбойниками или наемными солдатами. Единственныя войска, которыя востокъ, послѣ охлажденія перваго взрыва мусульманства, могъ противопоставлять европейцамъ, были всегда составлены изъ кавказцевъ; чистыя азійскія арміи никогда не могли выдержать европейскаго напора иначе, какъ при несоразмѣрномъ численномъ превосходствѣ. Въ отношеніи военной энергіи сравнивать кавказскихъ горцевъ съ алжирскими арабами или кабилами, изъ которыхъ французское краснбайство сдѣлало страшныхъ противниковъ, можетъ быть только смѣшно. Никогда Алжирцы, ни въ

какомъ числѣ не могли взять блокауза, защищаемаго 23-ю солдатами. Адыги и Лезгины брали голыми руками крѣпости, гдѣ сидѣлъ цѣлый кавказскій баталіонъ; они шли на картечь и штыки неустрашимыхъ людей, рѣшившихся умереть до одного, взрывавшихъ въ послѣднюю минуту пороховые магазины, и все таки—шли; заваливали ровъ и покрывали брустверь своими тѣлами, взлетали на воздухъ вмѣстѣ съ защитниками, но овладѣвали крѣпостію.

Въ осемисотыхъ годахъ разбой въ беззащитномъ подгорномъ краѣ былъ главнымъ ремесломъ горцевъ. Какіе договоры были возможны съ подобными людьми, раздѣленными въ добавокъ на сотни независимыхъ обществъ? Когда въ первое время русскаго владычества въ Грузіи, кавказское начальство потребовало отъ кюринскаго общества, сравнительно образованнѣйшаго между Лезгинами, чтобы оно увяло своихъ разбойниковъ, кюринскіе старшины отвѣчали: мы честные люди, земли пахать не любимъ, живемъ и будемъ жить разбоемъ, какъ жили наши отцы и дѣды. Какими средствами, кромѣ оружія, можно было обуздать горскія племена? а между тѣмъ, они отдѣляли Закавказскія области отъ Россіи сплошнымъ поясомъ въ 200 и 250 верстъ ширины, и мы не имѣли другихъ сообщеній съ новыми владѣніями, какъ чрезъ этотъ непріязненный край. Чтобы владѣть Закавказьемъ, надо было покорить Кавказъ.

Исполненіе этого дѣла въ самомъ началѣ было несравненно легче, чѣмъ теперь. Тогда непокорныя горы состояли изъ одной восточной груп-

ны; западный Кавказ номинально принадлежалъ еще Турціи и достаточно охранялся жившими на пограничной чертѣ Черноморскими и Линейными казаками, не отвлекая нашихъ силъ. Въ двадцатыхъ годахъ между горскими обществами не существовало никакой политической связи, даже рѣдко обнаруживалось сочувствіе. Когда шло дѣло о набѣгѣ въ наши предѣлы, удалцы изъ разныхъ племенъ стекались подѣ начальство извѣстнаго въ горахъ атамана и потомъ расходились по домамъ. Это былъ союзъ частныхъ людей, въ которомъ общества не принимали никакого участія. Не было въ виду добычи, не было и союза. Оттого, при нашемъ наступленіи, каждое общество защищалось и покорялось отдѣльно. Мусульманскаго фанатизма у горцевъ еще не существовало, какъ не существовало и самой религіи, кромѣ названія, и потому совѣсть ихъ не тревожилась, признавая власть гяуровъ. Защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Наконецъ, сила регулярнаго оружія противъ людей, не вылавшихъ ничего подобнаго, на первыхъ порахъ была неотразима. Въ двадцатыхъ годахъ горцы рѣшительно не выдерживали артиллерійскаго огня; не смотря на свою храбрость и ловкость, они были безсильны передъ сомкнутой массой, какъ передъ подвижною крѣпостью. Самые отважные разбойники не скоро и не легко превращаются въ воиновъ. При такомъ положеніи дѣла, отрядъ въ нѣсколько ротъ могъ считаться на Кавказѣ самостоятельнымъ и дѣйствовать наступательно противъ раздѣленнаго,

равнодушнаго и неустроенаго непріятеля. Затрудненіе состояло въ одномъ: въ безконечномъ раздробленіи военнаго театра на отдѣльныя клѣтки, требующія каждая самостоятельной операціи. Какъ бы ни было слабо сопротивленіе непріятеля, въ такой загроможденной мѣстности, какъ Кавказская, нельзя дѣлать прыжка черезъ нѣсколько клѣтокъ вдругъ. Чтобы перевалиться изъ одной завоеванной долины въ сосѣдную, черезъ едва проходимый горный хребетъ, нужно занять первую прочно, перенести въ нее самое основаніе приготавливаемой экспедиціи, иначе походъ будетъ только набѣгомъ; а какихъ результатовъ ждать отъ набѣга въ странѣ, гдѣ цѣлый день надо лѣзть на одну гору, останавливаясь поминутно чтобы перевести дыханіе? Идти впередъ—значитъ и значило на Кавказѣ подвигаться постепенно, прочно занимая каждую долину, для чего нужно одно изъ двухъ: или большую силу, или большое время. При первомъ условіи мы могли дѣйствовать безостановочно, подаваясь со всѣхъ сторонъ отъ окружности къ центру; при второмъ условіи, надо было ждать, чтобы вновь покоряемыя общества привыкли къ нашей власти, обратились бы въ послушныхъ данниковъ и тогда только, не боясь уже за свой тылъ, предпринимать дальнѣйшее завоеваніе. Въ ту пору предпочли положиться на время. Тогда ничто еще не предсказывало будущаго взрыва; по всей человѣческой вѣроятности можно было думать, что, какъ бы ни были медленны ваши дѣйствія, мы успѣемъ покорить горцевъ прежде, чѣмъ они измѣнятъ своимъ тысячелѣтнимъ привычкамъ; а между тѣмъ содержаніе войскъ на Кавказѣ стоило вдвое доро-

же чѣмъ въ Россіи. На этомъ основаніи Кавказ-
кій корпусъ былъ оставленъ въ прежнихъ си-
лахъ, не смотря на то, что сотни тысячъ русскихъ
солдатъ возвратились изъ за-границы. Сорокъ пять
тысячъ человѣкъ должны были дѣйствовать въ
одно и тоже время наступательно и оборонительно
противъ враждебной страны въ 1000 верстъ дли-
ною, обхватывая ее съ обѣихъ сторонъ. При та-
кихъ условіяхъ, дѣйствія съ нашей стороны не
могли быть рѣшительными, не смотря на раздроб-
ленность непріятеля. Генералъ Ермоловъ не имѣлъ
достаточно силъ для того, чтобы вести нѣсколько
операций разомъ и по неволѣ долженъ былъ огра-
ничиваться необходимѣйшими. Со всѣмъ тѣмъ,
много было совершено въ этотъ періодъ времени,
не даромъ оставшійся въ памяти Россіи. Занятіе
Шамхальскаго владѣнія, завоеваніе Кюринскаго и
Казикумухскаго ханствъ, Акуши, большой и ма-
лой Кабарды, погромъ Чечни, связали Закавказ-
скія области съ Россіей двумя широкими поясами
покорныхъ странъ, разрѣзали враждебный край
на двѣ отдѣльныя группы безъ сообщенія и силь-
но поколебали увѣренность горцевъ въ неодолимо-
сти ихъ убѣжищъ. Еще десять или пятнадцать лѣтъ
подобныхъ усилій, противъ подобнаго же непріятеля,
вѣроятно привели бы насъ къ желанной цѣли. Во-
сточный Кавказъ, окруженный со всѣхъ сторонъ
нашими владѣніями, поглощавшій наибольшую
часть нашихъ средствъ, былъ бы покоренъ. Но
у насъ не стало времени. Какъ только персидская
и турецкая войны отвлекли русскія силы къ южной
границѣ, религіозный заговоръ, нѣсколько лѣтъ уже
подрывавшій въ тайнѣ почву подъ нашими ногами,

вдругъ сбросилъ маску и увлекъ все населеніе горъ поголовно въ безпощадную битву противъ христіанъ. Положеніе русскаго владычества на Кавказѣ внезапно измѣнилось.

Вѣроятно еще не скоро сосчитаютъ милліоны рублей и тысячи людей, которыхъ стоитъ Россіи появленіе въ горахъ мюридизма. Вліяніе этого событія простерлось далеко, гораздо дальше, чѣмъ кажется съ перваго разу. Во всякомъ случаѣ, оно довольно важно для государства и въ прошедшемъ и въ будущемъ, чтобы постараться опредѣлить его смыслъ.

Мусульманство зашло на Кавказъ съ двухъ разныхъ стеронъ. Восточныя горы приняли его отъ Арабскаго халифата въ 7-мъ и 8-мъ вѣкѣ, западныя отъ Турціи въ 17-мъ и 18-мъ. Глубина корней, которые исламизмъ пустилъ на Кавказѣ, соотвѣтствуетъ относительной древности этихъ эпохъ: въ восточной половинѣ онъ проникъ массу народа, въ западной одно только высшее сословіе. Этотъ фактъ объясняетъ почему Лезгины такъ скоро увлеклись мюридизмомъ и почему Черкесы, не смотря на всѣ усилія проповѣдниковъ, такъ туго ему поддаются. Но и въ восточной группѣ не всѣ племена одинаково старые мусульмане. Магометанство въ этомъ краѣ долго ограничивалось однимъ приморскимъ Дагестаномъ, уравновѣшиваемое въ горахъ вліяніемъ христіанской Грузіи. Только съ паденіемъ Грузинскаго царства горскія общества стали по немногу приывать къ обрядамъ исламизма, но держались

ихъ еще далеко не въ ровной степени, когда началась на Кавказѣ мюридическая проповѣдь. Она разомъ увлекла старыхъ мусульманъ приморскаго Дагестана; но въ горахъ восторжествовала только послѣ серьезной борьбы. До этого времени мусульманство было распространено на Кавказѣ, цѣлыя столѣтія не оказывая никакого вліянія ни на общественное, ни на личное состояніе горцевъ; все что было сказано о племенахъ языческихъ, прилагается безъ перемѣны къ племенамъ мусульманскимъ; разница была только въ бритыхъ головахъ. Горцы потому и поддались исламу, что онъ оправдывалъ ихъ свирѣпый характеръ, придавалъ ему законное освященіе. Шариатъ проповѣдывалъ имъ личную месть дома, войну за вѣру на сосѣдей, потакалъ страстямъ. не тревожилъ спокойствія совѣсти никакимъ идеаломъ, ласкалъ надеждою соблазнительнаго рая, и все это за соблюденіе нѣсколькихъ ничтожныхъ обрядовъ. Исламизмъ дѣйствовалъ въ горахъ какъ и вездѣ. Шумное появленіе его на свѣтъ, имѣвшее безчисленныя матеріальныя послѣдствія, не имѣло никакого вліянія на духовную сторону человека, не внесло ни одного новаго побужденія въ жизнь покорившихся ему народовъ. Европейцы, наблюдавшіе черныя африканскія племена, принявшія исламу, были поражены кореннымъ безсиліемъ этой религіи въ нравственномъ отношеніи; ничто не отличаетъ негровъ мусульманъ отъ негровъ безвѣрныхъ, кромѣ чалмы на головѣ значительныхъ лицъ. Иначе и быть не можетъ. Мусульманство, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе ему благопріятствующимъ, или вовсе

вытравляетъ народность, оставляя на мѣстѣ ея одно численное собраніе единицъ, или остается только внѣшнимъ обрядомъ, безъ всякаго отношенія къ жизни. Язычники еще не гражданственны, принявшіе мусульманство, говорятъ Богъ, вмѣсто боги, совершаютъ пять умовеній въ день и продолжаютъ жить по прежнему. Коранъ внушаетъ имъ только невозмутимое довольство собою и фанатическую ненависть ко всему немусульманскому, апатію при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и первическій энтузіазмъ при взрывѣ фанатизма. Со всѣмъ тѣмъ, при первой, самой слабой степени развитія, какъ только мусульманинъ начинаетъ мыслить, онъ уже не можетъ смотрѣть на міръ глазами пантеиста язычника. Онъ видитъ въ природѣ уже совсѣмъ другое, чѣмъ законъ безпричинной необходимости, подъ властью котораго человѣкъ такъ равнодушно проводитъ жизнь въ полусонныхъ мечтаніяхъ. Озаренный идеєю единого Бога, Творца и Промыслителя, мусульманинъ не считаетъ себя минутнымъ проявленіемъ вѣчной силы, сознаетъ свою свободную личность и чувствуетъ естественное стремленіе къ высшему образцу. Но, обращаясь къ религіи за удовлетвореніемъ этой первой потребности пробужденной души, находитъ въ ней одинъ бесплодный догматизмъ, безъ любви и безъ нравственнаго идеала. Трудно человѣку помириться съ такимъ положеніемъ. Въ продолженіе вѣковъ лучшіе люди мусульманскаго міра силились открыть въ своемъ богословіи отвѣтъ на голосъ совѣсти и породили множество толковъ, безраз-

личныхъ въ отношеніи теологическомъ, но различныхъ въ опредѣленіи того кореннаго вопроса, какъ долженъ человѣкъ понимать свои обязанности передъ Богомъ. Жажда болѣе сердечнаго отношенія къ Творцу, чѣмъ исполненіе матеріальныхъ обрядовъ и не доискавшись въ своемъ законѣ любви, рьяные мусульманскіе учителя понеболѣ замѣняли ее усердіемъ, — напряженною ненавистію къ иновѣрцамъ и фанатическимъ преувеличеніемъ всѣхъ положеній вѣры. Мюридизмъ есть послѣднее историческое явленіе въ этомъ родѣ, самое преувеличенное изо всѣхъ.

Происхожденіе мюридизма пытались связать съ сектами Исмаэлитовъ и Гашишиновъ; появленіе его на Кавказѣ выводили изъ Бухары. Въ этомъ можетъ быть и есть основаніе, но только оно не нужно для объясненія этого ученія. Мюридизмъ могъ родиться на Кавказѣ, какъ и теперь рождаются въ Азіи разные мусульманскіе толки, отъ естественной потребности духа, возбужденной, но неудовлетворяемой кораномъ; а развился онъ въ такихъ размѣрахъ потому, что служилъ выраженіемъ главной страсти и главной черты исламизма, ненависти къ невѣрнымъ, въ странѣ занятой невѣрными. Мюридизмъ не создавалъ своего богословія; онъ разнится отъ вѣры, общей всѣмъ суннитамъ, только крайностію своихъ выводовъ. Проповѣдь его основана на особенномъ объясненіи тариката, части закона, содержащей ученіе объ обязанностяхъ человѣка. Но въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всякую степень мусульманскаго изуверства и, можно думать, досказалъ послѣд-

все слово исламизма. Мюридизмъ выключилъ изъ жизни человѣка все человѣческое и поставилъ ему два правила: ежеминутное приготовленіе къ вѣчности и непрерывную войну противъ невѣрныхъ, предоставляя на выборъ—смерть, или соблюденіе этихъ правилъ во всей ихъ фанатической жестокости. Шаріатъ былъ возстановленъ въ первобытномъ видѣ. Надъ людьми проведенъ безусловный уровень и различіе между ними опредѣлилось только духовными степенями. Поборники мюридизма шли къ своей цѣли кратчайшею дорогою и не дожидаясь, чтобы чувство религіознаго равенства утвердилось привычкою, предпочли утвердить его топоромъ. Владѣтели, дворяне, гдѣ они были, наслѣдственные старшины, люди уважаемыхъ родовъ или просто уважаемые лично до появленія мюридизма, были вырѣзаны одинъ за другимъ и въ горахъ дѣйствительно устроилось на время совершенное равенство, потому что не осталось никого, кромѣ черныхъ людей. За невѣсту, ктобъ она ни была, дочь ли перваго наиба или послѣдняго пастуха, вѣно опредѣлено неизмѣнно въ 1 р. с. Все что напоминало старину—пляски, пѣсни, игры, брячанье на балалайкѣ, были объявлены свѣтскими обрядами, достойными смерти. Безусловное повиновеніе старшему духовному, какъ въ монастырѣ, сдѣлалось первымъ долгомъ. Фанатизмъ и страхъ переломили людей, не признававшихъ до тѣхъ поръ ничего, кромѣ личнаго произвола. Пожертвованіе имуществомъ, жизнью и семействомъ, когда того требовала власть, равнумѣется считались ни во что. Стремясь порабо-

читать себя людей всѣмъ существомъ,—мыслью и совѣстью, мюридизмъ долженъ былъ подчинить ихъ всечасному надзору. Во всѣхъ горахъ надъ нѣсколькими домами были поставлены мюриды, передъ которыми открывались даже тайны азіятскаго терема; они отвѣчали за каждое дѣйствіе, за весь домашній бытъ подчиненныхъ имъ людей. Неукоснительное соблюденіе самыхъ мелочныхъ обрядовъ вѣры составляло, естественно, первый законъ новаго ученія; но оно этимъ не довольствовалось. Играя волею и привычками людей, мюридизмъ всякій день запрещалъ что нибудь: сегодня куреніе табаку, общее всѣмъ мусульманамъ; завтра употребленіе чеснока, безъ котораго горець жить не можетъ, и такъ далѣе. Тѣлесное наказаніе было насильно введено у людей, которые бывало считали стыдомъ, если кого нибудь можно было попрекнуть тѣмъ, что его высѣкли ребенкомъ. Подчинивъ себя человѣческую жизнь во всей ея цѣлости, обративъ, или стремясь по крайней мѣрѣ обратить своихъ послѣдователей въ слѣпныя орудія того, что онъ называлъ волею Божіею, мюридизмъ, кромѣ того, окружилъ себя еще присяжными поборниками—муртазигатами и мюридами, людьми оторванными отъ общества, предавшимися ему съ закрытыми глазами, принесшими клятву биться до послѣдняго издыханія и рѣзать всякаго на кого имъ укажутъ, кто бы онъ ни былъ, другъ ли, отецъ ли. Эти люди стали посвященными братьями духовнаго ордена, пастухами человѣческаго стада, покореннаго мюридизмомъ; имъ однимъ принадлежали власть и почетъ. Наконецъ въ главѣ этого чудовищнаго общества стоялъ

имама, посредникъ между Богомъ и вѣрующими. Мюриды понимали титулъ имама въ его первоначальномъ значеніи, въ смыслѣ наслѣдника пророка, вдохновеннаго свыше, проникающаго всѣ семь смысловъ корана, поставленнаго надъ землею для исполненія слова Божія: по этому, всякое распоряженіе власти являлось у нихъ облеченнымъ въ характеръ непогрѣшимости и всякій нарушитель былъ врагомъ Божиимъ. Конечнымъ послѣдствіемъ мюридизма было уничтоженіе въ человѣкѣ идеи о личной отвѣтственности. Передъ каждымъ поставленъ внѣшній законъ, въ буквальный исполненіи котораго онъ долженъ искать спасенія; къ каждому приставленъ учитель, отвѣчающій за то чтобы человѣкъ исполнялъ законъ и спасался, волею или неволею. Мюридизмъ раздѣлъ жизнь до нага и взамѣнъ всего, чего онъ лишилъ человѣка, наполнилъ его душу сумасбродствами мусульманскаго мистицизма. — Этимъ средствомъ онъ образовалъ невиданное до сихъ поръ политическое общество въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, передавшихъ въ руки власти и волю и совѣсть. Если не буквально, то по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, мюридизмъ осуществилъ этотъ идеалъ и сейчасъ же обратилъ созданное имъ братство въ военную машину противъ насъ. Населеніе горъ переродилось. Повелѣвая всѣмъ и всѣмъ безпрекословно, мюридизмъ замѣнялъ скудость своихъ средствъ энергіей и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячилѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалъ управленіе, общественную казну, провіантскіе магазины, пороховые заводы, артиллерію, крѣпости. вмѣсто отдѣльныхъ обществъ безъ свя-

ви и порядка, насъ встрѣтила въ горахъ сплошная масса, отражавшая каждый ударъ общимъ усиліемъ. Когда наши войска вступали въ земли какого нибудь общества, жители волею и неволею покидали на жертву свои дома и хлѣбъ своихъ семействъ и скрывались въ тущобахъ, куда каждый шагъ съ нашей стороны стоилъ огромныхъ потерь. Потомъ женщинъ и дѣтей, лишившихся деннаго пропитанія, размѣщали по сосѣднимъ деревнямъ и прокармливали какъ нибудь до будущей жатвы; а мушны, какъ стая голодныхъ волковъ, бросались въ наши предѣлы и жили разбоемъ. Умершіе съ голоду, какъ и падшіе на войнѣ, считались мучениками, достигшими наконецъ цѣли своей жизни. Мирныя и немірныя общества были почти въ одинаковой степени заражены ученіемъ несправительнаго таркката. Разница между ними состояла только въ относительной неприступности заселенныхъ ими мѣсть; однимъ этимъ они мѣряли свои отношенія къ Русскимъ. Но первое появленіе мюрдовъ почти всегда служило сигналомъ къ возстанію покорныхъ племенъ. Мирная деревня, только что пройденная русскою колонною, черезъ часъ, иногда, обращалась въ непріятельскую позицію. Гдѣ бы ни стоялъ русскій отрядъ, тылъ его не былъ никогда обезпеченъ. Неожиданно устремляясь то въ одну, то въ другую сторону, мюриды безпрестанно разжигали въ краѣ пожаръ и заставляли наши колонны бросать начатое дѣло и бѣжать назадъ, для защиты такихъ мѣсть, за которыя никогда прежде не опасались. Увлекаемые фанатизмомъ, горцы не думали о завтрашнемъ днѣ и безъ вздоха покидали отцовскій домъ и

маленькихъ дѣтей, чтобы пойти рѣзаться съ Русскими. И теперь еще, проѣзжая по Дагестану, видны всюду каменные остовы деревень самой прочной, вѣковой постройки, совершенно пустыя; жители ихъ были у Шамиля; они бросили и родовое жилище, и привольныя мѣста, чтобы забиться на голые утесы, жить чѣмъ Богъ послалъ, но встрѣчать гяура иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Этотъ разгаръ неистоваго фанатизма началъ потомъ остывать; но въ продолженіи пятнадцати лѣтъ кавказская земля буквально горѣла подъ русскими ногами. Мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь вырваться на волю. Еслибъ русская сила не обхватила его желѣзнымъ поясомъ, можно бытъ увѣреннымъ, что онъ разлился бы по мусульманской Азіи неудержимымъ потокомъ и теперь стремился бы къ осуществленію втораго халифата. Ужъ одинъ титулъ имама, принятый начальниками мюридовъ, достаточно показываетъ куда мѣтило новое ученіе.

Мюридизмъ, со всѣми оттѣнками, чрезъ которые онъ прошелъ, олицетворялся, можно сказать воплощался въ лицѣ четырехъ человекъ, по очереди предводившихъ его судьбою. Первый, былъ творецъ новаго ученія, мулла Магометъ, кадій Кюрпнскій. Онъ создалъ мысль и систему мюридизма, совершенно законченную, со всѣми ея послѣдствіями. Въ его сельской школѣ, въ деревнѣ Ярагларѣ, посреди русскихъ владѣній, родилась и созрѣла мысль будущей борьбы; оттуда она была разнесена проповѣдью по Дагестану. Въ маленькомъ садикѣ, который и теперь можно ви-

дѣтъ, нѣсколько темныхъ муллъ, учениковъ Магомета, держали въ 1828 году послѣдній совѣтъ, на которомъ было положено переобразовать исламизмъ и выбить Русскихъ съ Кавказа. Послѣдствія извѣстны. Мулла Магометъ былъ душею мюридизма, но самъ ни когда не выступалъ на сцену, не принималъ начальства, даже не проповѣдывалъ публично. Онъ только создалъ ученіе и приготовилъ людей. Всѣ предводители мюридизма вышли изъ его школы.

Знамя газавата, войны за вѣру, поднялъ его любимый ученикъ Кази-Мулла и разомъ увлекъ за собой весь приморскій Дагестанъ. Кази-Мулла былъ не глубокой богословъ и не хитрый политикъ, но человѣкъ обладавшій въ высшей степени качествомъ увлекающимъ массы—страстнымъ убѣжденіемъ. Когда онъ говорилъ въ народномъ собраніи или обращался къ войску во время боя, толпы покорялись ему какъ одинъ человѣкъ, жили только его волею. И теперь горцы, вспоминая о Кази-Муллѣ, говорятъ: «сердце человѣка прилипало къ его губамъ; онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю.» Рванувшись въ первой горячкѣ фанатизма въ открытую борьбу съ Русскими, мюридизмъ сначала все поднялъ вокругъ, выдержалъ много кровавыхъ сѣчь, заставилъ насъ напрячь силы, но наконецъ былъ сбитъ съ приморской страны и загнанъ въ горы, гдѣ еще немногія племена ему сочувствовали. Кази-Мулла погибъ на завалѣ въ Гимрахъ.

На нѣсколько лѣтъ мюридизмъ исчезъ съ глазъ, какъ будто его вовсе не бывало; о немъ забыли. Но въ это время онъ жилъ и работалъ

всѣми силами. Сбитый съ поля, онъ засѣлъ въ недоступныхъ для насъ горахъ и тамъ, обольщеніемъ и войною, измѣною и открытою силою, соединялъ мало по малу всѣ горскія племена подъ одну духовную власть. Предводителемъ его въ это время былъ Гамзатъ-бекъ, человекъ какъ будто нарочно созданный для подобной роли. Для мюридизма уже прошло время страстныхъ увлеченій и открытой борьбы. Ему приходилось пока дѣйствовать подземными путями, потихоньку, день за днемъ. Гамзатъ-бекъ, набожный, молчаливый и безжалостный, глубоко обдумывавшій свои предприятия и исполнявшій ихъ быстро и безъ огласки «для Бога, а не для себя.» какъ говорилъ онъ, въ три года достигъ цѣли, утвердилъ мюридизмъ въ горахъ на трупахъ друзей и недруговъ; ему это было все равно. Въ этотъ-то періодъ и были вырѣзаны лучшіе люди въ горахъ, для утвержденія всеобщаго равенства. Когда Гамзатъ-бекъ погибъ подъ ударами убійць, мстившихъ за кровь, мюридизмъ уже владѣлъ горами и могъ снова выйти на борьбу подъ начальствомъ новаго предводителя, Шамиля, также ученика муллы Магомета.

Утвердившись въ горахъ, мюридизмъ пересталъ быть религіозной партіей. Онъ образовалъ себѣ государство по своему образцу и Шамиль, первый изъ предводителей этого ученія, соединилъ въ своемъ лицѣ власть духовнаго начальника и народнаго правителя. Онъ дѣйствительно сталъ на высотѣ этого положенія, сллъ горцевъ въ одно общественное тѣло, создалъ средства, до него не виданныя, осуществилъ политическій идеалъ мю-

ридизма, чудовищный, конечно, по вѣрнѣй своей цѣли. Упрочиваясь постепенно, по мѣрѣ того, какъ укоренялась въ горахъ привычка къ повиновенію, и остывала фанатизмъ, власть Шамиля принимала оттънокъ обыкновеннаго азіятскаго деспотизма. Но въ первое время своего начальствованія, Шамиль былъ имамъ, религіозный вождь, болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; и въ это время происходила самая кровавая борьба съ мюридизмомъ, распространявшимся неудержимо во всѣ стороны, пока наконецъ дѣло не дошло до того, что въ 1843 г. Чечня была вырвана изъ нашихъ рукъ, наши раздробленные и слабыя войска сбиты съ поля въ Дагестанѣ, и 5-й пѣхотный корпусъ долженъ былъ двинуться съ Двѣстра на Кавказъ, для возстановленія проиграннаго дѣла.

Первый взрывъ мюридизма удивилъ конечно, но не озадачилъ кавказское начальство. Это былъ бунтъ покореннаго мусульманскаго населенія, дѣло нежданное, но всегда возможное и потому совершенно ясное. Сначала бунтъ имѣлъ просторъ, оттого что большая часть нашихъ войскъ была далеко, въ глубинѣ азіятской Турціи. Но по заключеніи мира, въ Дагестанъ двинули достаточныя силы и возмущеніе приморскаго края было задавлено двумя походами 1831 и 1832 годовъ. Тогда мюридизмъ скрылся въ непокорныхъ горахъ и мы потеряли его изъ виду. Считая все конченнымъ, не обращали уже никакого вниманія на внутреннія распри лезгинскихъ племенъ, распри которыми мюридизмъ въ нѣсколько лѣтъ подчинилъ себѣ весь горный Дагестанъ. Совершенное предъ тѣмъ по-

адрианопольскому трактату приобрѣтеніе западныхъ горъ отвлекло въ ту сторону главное вниманіе кавказскаго начальства. Подчиненіе русскому владычеству восточнаго берега Чернаго моря было, безъ сомнѣнія, чрезвычайно важнымъ событіемъ, предавая нашей безраздѣльной власти весь Кавказскій перешеекъ; и какъ договоръ былъ только буквою, которой черкесскія племена не хотѣли знать, то принудить ихъ къ покорности можно было однимъ оружіемъ. Въ продолженіе шести лѣтъ, съ 1832 по 1839 годъ, главныя силы кавказскаго корпуса, до тѣхъ поръ дѣйствовавшія на восточномъ Кавказѣ, были исключительно обращены противъ западныхъ горъ, со стороны Кубани и Чернаго моря. Въ Чечнѣ и Дагестанѣ остались незначительныя силы подъ управленіемъ мѣстныхъ начальствъ, лишенныхъ всякой самостоятельности. Въ настоящее время нельзя не видѣть, что такое внезапное измѣненіе образа дѣйствій было великою ошибкою. Конечно, имперія должна во чтобы ни стало покорить весь Кавказъ. Но завоеваніе западныхъ горъ не было первостепеннымъ и самымъ спѣшнымъ дѣломъ въ кавказской войнѣ. Черкесы живутъ въ углу страны, составляющей кавказское намѣстничество. Съ одной стороны они окружены русскимъ населеніемъ кавказской линіи, съ другой грузинскимъ населеніемъ Имеретіи и Мингреліи, твердо намъ преданнымъ. Какъ ни храбры горцы, они не могутъ одолѣть въ открытомъ бою регулярнаго войска и силою завладѣть какою-либо частію края. Ихъ вторженія опасны для насъ только тамъ, гдѣ они увлекаютъ за собою фанатическое туземное населеніе, противу-

оставляя нашему оружию безчисленные препятствия народной войны. Непокорные племена западнаго Кавказа, многочисленныя и отважныя, но окруженныя отовсюду христіанскими народами, не могут предпринять ничего подобнаго, и самую силу вещей безвыходно заключены въ своей землѣ, лежащей въ углу Кавказа, вдали отъ всѣхъ нашихъ сообщеній. Напротивъ того, непокорныя племена восточнаго Кавказа были для насъ чрезвычайно опасны. Два единственныя сухопутныя сообщенія Россіи съ Закавказьемъ, по Дарьяльскому ущелью и по Каспійскому прибрежью, идутъ у самой подошвы восточной группы горъ, обгибая ее, такъ что малѣйшій успѣхъ непріятеля въ ту или другую сторону пресѣкалъ путь, соединяющій государство съ его загорными областями. Восточная группа Кавказа лежитъ посреди мусульманской части намѣстничества, естественно сочувствовавшей единовѣрцамъ. Въ этихъ горахъ, наконецъ, только-что было поднято знамя газавата, войны за вѣру; оттуда раздался призывный кличъ всѣмъ мусульманамъ—стать грудью противъ владычества гяуровъ. Подобное положеніе, опасное и въ мирное время, могло стать гибельнымъ при вѣтшней азійской войнѣ; встрѣчая непріятеля съ лица, наши войска могли быть внезапно отрѣзаны съ тыла. Возстаніе, произведенное мюридизмомъ, было подавлено въ прикаспійскомъ краѣ; но было извѣстно также, что остатки его укрылись въ Лезгистанѣ. Послѣ примѣра 1831 гола, благоразуміе требовало продолжать настойчивѣе, чѣмъ когда-нибудь начатое покореніе восточныхъ горъ, еще по прежнему раздѣленныхъ на

мелкія общества и не ослабѣвать въ усиліяхъ до конца. Западному Кавказу пришла бы своя очередь. Но въ то время увлеклись новостію пріобрѣтенія и мыслию, несостоятельность которой выказалась вполнѣ въ 1854 году, о необходимости оградить эту часть владѣній, еще непокоренныхъ, со стороны Чернаго моря.— Въ продолженіе шестилѣтнихъ дѣйствій противъ западныхъ горъ мюридизмъ, явившійся въ Лезгистанѣ изгнанникомъ, но не преслѣдуемый съ нашей стороны, разросся въ страшную силу и покорилъ всю страну. Занятіе нашими войсками Аваріи, послѣ того какъ мюриды истребили фамилію аварскихъ хановъ, подчиненныхъ Россіи, снова поставило насъ лицомъ къ лицу съ мюридизмомъ. Надобно было оградить отъ враговъ эту область, ввинутую въ самое сердце горъ и подверженную нападенію со всѣхъ сторонъ. Военныя дѣйствія 1857 и 1858 годовъ, предпринятые мѣстными средствами дагестанскаго отряда, обнаружили силу, до которой доросъ мюридизмъ по нашей винѣ, и въ 1859 году заставили опять перенести главныя дѣйствія съ западнаго Кавказа на восточный.— Но дѣло было уже неисправимо. Генералъ Граббе взялъ, послѣ кровопролитной осады, Ахульго, резиденцію Шамиля, истребилъ при этомъ цвѣтъ горской молодежи, стекшейся подъ знамена имама, заставилъ самого Шамиля бѣжать на другой конецъ горъ, въ Шатой; но мюридизмъ до такой степени успѣлъ укорениться въ умахъ, до такой степени горцы потеряли уваженіе къ нашей силѣ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нанесеннаго Шамилю пораженія, Чечня, бывшая до того нейтральною, са-

ма возстала противъ насъ и признала власть имама. Мюридизмъ овладѣлъ всею восточною группою Кавказа и обратилъ силы ея на газаватъ, войну противъ невѣрныхъ. Нельзя уже было надѣяться подавить его въ горахъ иначе, какъ покоривъ самыя горы. Но для этого надобно было измѣнить всю систему войны. Мы имѣли теперь дѣло не съ обществами, ни чѣмъ не связанными между собою, сопротивлявшимся или покорявшимся отдѣльно; но съ государствомъ, самымъ воинственнымъ и фанатическимъ, покорствующимъ передъ властію, облеченною въ непогрѣшимость, и располагающимъ нѣсколькими десятками тысячъ воиновъ, защищенныхъ страшною мѣстностію; съ государствомъ, въ добавокъ, окруженнымъ сочувствующими ему племенами, готовыми, при каждомъ успѣхѣ единобѣрцевъ взяться за оружіе и поставить наши войска между двухъ огней.

Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла никакое вторженіе въ горы, предпринятое въ смыслѣ европейскаго похода, не могло имѣть успѣха, какія бы силы ни были для того употреблены. Цѣль подобнаго вторженія состоитъ въ томъ, чтобы разбить вооруженныя силы непріятеля, овладѣть главными центрами его земли и довести его до невозможности продолжать сопротивленіе, заставить принять наши условія. Въ Кавказскихъ горахъ, вооруженныя силы—всѣ жители, отъ двѣнадцати лѣтъ и до послѣдней дряхлости. Центровъ населенія тамъ никакихъ нѣтъ. Въ Чечнѣ жители разбросаны мелкими хуторами по дремучимъ лѣсамъ. Въ Дагестанѣ большихъ ауловъ доволь-

но много, но всё они-крѣпости; большая же часть населенія живетъ и тамъ въ маленькихъ деревушкахъ, по нѣскольку домовъ съ башнями, налѣпленныхъ, какъ птичьи гнѣзда, по ребрамъ скалъ и горнымъ карнизамъ. Къ чеченскому аулу надобно было продираться сквозь чашу, занятую непріателемъ, ловкимъ и быстрымъ, какъ лѣсные звѣри, и платить человѣкомъ за каждый шагъ пути. Дагестанскій аулъ надо было брать штурмомъ, карабаясь по отвѣсной тропинкѣ, подъ градомъ пуль и камней, сбрасываемыхъ со скалъ. Подлѣ чеченскаго хутора стоялъ другой хуторъ, подлѣ горнаго аула другой аульчикъ, съ которыми должно было повторять тоже самое. И тамъ, и здѣсь, въ нашихъ рукахъ оставались однѣ стѣны, потому-что жители всегда успѣвали уйти. Продовольствовать войско надо было изъ своихъ предѣловъ, ограничивая срокъ похода взятымъ провіантомъ, или посылать за нимъ колонну, съ опасностію что она будетъ истреблена, потому что пройденный путь смыкался за отрядомъ, какъ слѣдъ лодки въ водѣ. Жители, зная что вся цѣль похода—раззореніе, стояли за свое имущество съ ожесточеніемъ. Понятно, что при такой системѣ обороны, для разрушенія всѣхъ чеченскихъ хуторовъ и всѣхъ дагестанскихъ ауловъ, не могло стать никакой арміи, хоть бы она была многочисленнѣе Батыевой. Покориться же отдѣльно, для избѣжанія раззоренія, уже ни одно горское общество не могло, еслибъ и хотѣло; совокупныя силы мюридизма разгромили бы его. Для того, чтобы заставить какую-нибудь часть горъ признать нашу власть, необходимо было раскрыть ее постоянны-

ми сообщеніями, сдѣлать доступной во всякое время года, оградить туземное населеніе войсками, возвративъ имъ естественныя преимущества регулярнаго оружія уничтоженіемъ тѣхъ препятствій, которыя покровительствовали непріятелю. Однимъ словомъ, война должна была сдѣлаться методическою, состоять въ томъ, чтобы побуждать природу, побуждая людей на столько лишь, сколько было нужно для безпрепятственнаго производства нашихъ работъ.

Само собою разумѣется, что наступать подобнымъ образомъ отъ окружности къ центру, вездѣ разрабатывая мѣстность, было бы невозможно для самой многочисленной арміи, еслибъ пришлось наступать со всѣхъ сторонъ. Восточная группа горъ, которою въ то время овладѣлъ мюридизмъ, имѣетъ около девяти сотъ верстъ въ окружности. Все это горное пространство до такой степени загромождено хребтами, прорыто ущеліями, одѣто на половину непроницаемой чащей лѣсовъ, что даже на рельефной картѣ представляетъ совершенный хаосъ, въ которомъ глазъ съ трудомъ схватываетъ главныя очертанія. Нужно было бы употребить полвѣка, если не больше, и пожертвовать полумилліономъ солдатъ, чтобы сдѣлать доступной всю страну, хребетъ за хребтомъ, ущелье за ущельемъ, преодолевая на каждомъ шагу ожесточенное сопротивленіе горцевъ. Но не смотря на дѣйствительно хаотическій видъ, этотъ военный театръ имѣетъ, какъ и всякій другой, свои стратегическія линіи, владѣніе которыми рѣшаетъ владѣніе извѣстною частію края. Хребты, доступные

только лѣтомъ, разрѣзываютъ его на части почти самостоятельныя; рѣки, прорывающія бездонными пропастями высокій горбъ Кавказа, образуютъ линіи самой прочной обороны. Даже племенные дѣленія въ горахъ составляютъ такія же рѣзкія грани, какъ и природныя черты, но взаимной непріязни племенъ, сдержанной, но не уничтоженной мюридизмомъ; грани, которыя могли служить этапами завоеванію.—Стратегическія линіи существовали; но только для того, чтобы разглядѣть ихъ въ такой загроможденной мѣстности, нуженъ былъ глазъ полководца, котораго долго не появлялось на Кавказѣ; для того чтобы подойти къ нимъ какъ слѣдуетъ, нужно было совершенное знаніе здѣшней войны.—Но, если въ продолженіи осьмнадцати лѣтъ, съ того времени какъ главныя усилія были снова направлены противъ восточнаго Кавказа и до послѣдняго трехлѣтія, въ кавказской арміи не появлялось первокласнаго военнаго человека, который умѣлъ бы покорить горы, то конечно были умные и чрезвычайно опытные генералы, которые могли бы идти къ этой цѣли хоть медленно, но вѣрно, и во всякомъ случаѣ сдержатъ дальнѣйшій напоръ мюридизма. Но вотъ въ чемъ состоитъ главный недостатокъ человѣческой власти въ цѣломъ мірѣ:—полное пониманіе современности принадлежитъ только умамъ нервостепленнымъ, которыхъ мало на свѣтѣ; кругъ идей людей обыкновенныхъ, вотъ и умныхъ, также какъ и массы, опредѣляется не дѣйствительною современностію, но періодомъ непосредственно ей предшествовавшимъ, который успѣлъ уже высказать, согласить свои понятія и пропитать ими общее

мнѣніе. Если въ текущемъ періодѣ складывается что-нибудь новое и развивается быстро, очень умные люди все таки подступаютъ къ нему со старыми пріемами, покуда долгая неудача ихъ не забракуеть, и постоянно отстаютъ отъ дѣйствительнаго положенія вещей. Совершенно такъ случилось на Кавказѣ. Послѣ того, какъ юридиклизмъ покорилъ населеніе восточныхъ горъ и преобразовалъ его въ воинствующій мусульманскій орденъ, кавказскіе начальники долго еще не хотѣли понять, что двадцатилѣтніе труды для покоренія этой страны пропали, что объ нихъ надо забыть и приняться за дѣло вновь, какъ будто мы только-что пришли на Кавказъ; что противъ горцевъ, слившихся въ одно политическое цѣлое, нельзя дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали противъ горцевъ разъединенныхъ, не только генералъ Ермоловъ, но даже генералъ Розень въ 1832 году, принуждая общества къ покорности, погромомъ ихъ земли; что теперь уже отдѣльныя общества не могли покориться, еслибъ и хотѣли; что землю непокорныхъ горцевъ надобно было обрывать клочекъ по клочку, прочно утверждаясь въ занятой мѣстности. Для методической войны, конечно, нужны значительныя силы. Но вѣдь нашли же тогда 18 баталіоновъ для Черноморской береговой линіи, которую должно было бросить при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ; имѣли средства дѣлать сильныя экспедиціи за Кубанью, что несоставляло самой спѣшной потребности въ кавказской войнѣ; и даже въ Чечнѣ и Дагестанѣ собирали отряды въ 10 и 12 баталіоновъ такой же силы, какъ отряды, нынѣ покорившіе Кавказъ. За этими отряда-

ми не было столько резервовъ какъ теперь, правда; но этотъ недостатокъ резервовъ былъ причиною дѣйствовать медленно, а не причиною дѣйствовать фальшиво. Но воспоминаія предшествующаго періода слишкомъ сильно еще тяготѣли надъ рѣшеніями кавказскихъ вачальниковъ. Трудно было также и признаться, что огромныя жертвы, принесенныя для покоренія Кавказа, пропали даромъ, что за дѣло надо приниматься съизнова. Не признаваясь въ этомъ, на горцевъ устремились съ ожесточеніемъ, чтобы разомъ исправить ошибку многихъ лѣтъ. Главныя удары были направлены на Шамиля лично,— на его резиденціи и поборниковъ, въ надеждѣ испровергнуть мюридизмъ и разбить его власть надъ горцами. Но мюридизмъ былъ уже не партией, онъ былъ государствомъ. Наши войска вездѣ встрѣтили единодушное сопротивленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ неутомимо производили экспедиціи въ Чечню, Эчикерию и страны окружающія Аварію, съ тою цѣлію, чтобы раззореніемъ земель заставить горскія общества отложиться отъ Шамиля. Иногда войска углублялись довольно далеко въ непріятельскую страну, иногда съ первыхъ шаговъ упирались въ неодолимыя препятствія; но всегда эти экспедиціи имѣли одинъ и тотъ же результатъ: нѣсколько сожженныхъ мазанокъ, стоившихъ намъ нѣсколько сотъ, иногда нѣсколько тысячъ солдатъ. Эта непрерывная, но почти безвредная для горцевъ война, до того подняла ихъ духъ, что нѣсколько десятковъ человѣкъ, засѣвшихъ въ своей трущобѣ, не боялись завязывать дѣло съ колонною въ нѣсколько баталіо-

зовъ и отвѣчая однимъ выстрѣломъ на сто нашихъ, навосили намъ гораздо большую потерю, чѣмъ мы имѣли. Въ продолженіе этихъ годовъ случалось не разъ, что горцы, надѣясь на крѣпость своей земли, въ то самое время когда наши войска углублялись въ нее, бросались сами въ наши предѣлы, возмущали покорное населеніе и иногда утверждались совсѣмъ въ занятыхъ ими участкахъ. Кругъ охваченный мюридизмомъ расширялся медленно, но постоянно, вытѣсняя насъ шагъ за шагомъ съ восточнаго Кавказа.

Чтобы положить конецъ этому несчастному ходу дѣлъ, въ 1842 году былъ присланъ на Кавказъ бывший военный министръ князь Чернышевъ. Незнакомый съ положеніемъ страны, онъ не могъ замѣнить одной системы другою, и чтобы прекратить постоянныя неудачи, вовсе прекратилъ военныя дѣйствія. Мюридизму былъ данъ цѣлый годъ отдыха, въ продолженіи котораго онъ окончательно устроился. Въ 1843 году горцы сами ринулись изъ глубины своихъ ущелій, отняли у насъ Аварію и Кайсубу, не смотря на то, что населеніе этихъ странъ храбро стояло за насъ, истребили нѣсколько отрядовъ, взяли девять укрѣпленій и разлились по всему Дагестану, гдѣ въ нашихъ рукахъ остались только два пункта: Темиръ-Ханъ-Шура и укр. Низовое. Не смотря на то что войска Кавказскаго Корпуса постоянно усиливались съ 1831 года увеличеніемъ числа баталіоновъ въ полкахъ и сформированіемъ 47-ми новыхъ линейныхъ баталіоновъ, весной 1844 года пришлось двинуть на Кавказъ еще массу въ 40/т. штыковъ.

Въ этомъ году наши войска дѣйствовали противъ горцевъ не отрядами, а цѣлыми корпусами; и совсѣмъ тѣмъ, какъ ни странно сказать это теперь, нравственный перевѣсъ оставался на сторонѣ горцевъ. Войска хорошо знали свое превосходство; но начальники боялись рѣшиться на то чтобы то ни было, постоянно ожидая отъ мюридовъ какого нибудь необыкновеннаго и сокрушительнаго маневра; такъ приучили ихъ къ этому опасенію происшествія двухъ предшествовавшихъ годовъ. Событія кавказской войны до того обманывали самыя вѣроятныя ожиданія, что наконецъ даже опытные люди стали считать ее совершенно необычайнымъ явленіемъ, выходящимъ изъ всѣхъ правилъ и расчетовъ.

Но главная опасность для русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ состояла не столько въ неодоимости горъ, какъ въ настроеніи племенъ, окружающихъ горы. Еслибы враждебная намъ сила ограничивалась независимыми горцами, эту опасность можно было бы рассчитать математически и всегда противопоставить ей достаточныя средства. Но какъ уже сказано, вся разница между покорными и непокорными мусульманскими племенами состояла только въ относительной крѣпости ихъ земли; однимъ этимъ они мѣряли свои отношенія къ намъ. Всякое вторженіе мюридовъ влекло за собою возстаніе мирныхъ, такъ что въ случаѣ внѣшней войны невозможно было рассчитывать обширность пожара, который могъ разгорѣться въ нашемъ тылу. Все вокругъ мюридовъ не только сочувствовало имъ, но даже было на-

правляемо почти официально къ тому, чтобы при первой возможности протянуть имъ руку. Въ этомъ отношеніи управленіе краемъ было еще болѣе ошибочно, чѣмъ самый образъ веденія войны.

Въ мусульманствѣ вся общественная и частная жизнь людей, всѣ отношенія, опредѣлены разъ навсегда шаріатомъ; такъ что въ чисто мусульманскомъ духѣ всякое законодательство становится не возможнымъ: оно на вѣки утверждено неизмѣнною волею Божіею и всѣ люди, совершенно равные между собою, одинаково обязаны ему повиноваться. На практикѣ, въ мусульманскихъ земляхъ существуютъ многія нарушенія этого кореннаго закона; но правило неизмѣнно и мюридизмъ, подчинивъ все духовному закону безпрекословно, только довелъ до конца ученіе общее всѣмъ мусульманамъ. Истолкователями закона естественно должны быть духовные, которые этому учатся, и потому введеніе въ какую нибудь страну законоположенія по шаріату, предастъ всю власть надъ народомъ духовенству. Нѣчего и говорить, что на Кавказѣ мусульманское духовенство было въ тайнѣ предано мюридизму. Это ученіе осуществляло самыя задушевныя убѣжденія и желанія его. При прежнемъ племенномъ устройствѣ духовенство не пользовалось вліяніемъ. Горскія и подгорныя племена подчинялись или владѣтелямъ, или высшему сословію, или народному собранію; но вообще управлялись по древнему обычаю, иногда очень сложнымъ и уравновѣшеннымъ образомъ. Съ двадцатыхъ годовъ началось уничтоженіе властей созданныхъ народною жизнью и стало распростра-

ваться господство шаріата. Къ этому однаково стремились и кавказское начальство, и Шамиль съ своими послѣдователями. Мюридизмъ напрягалъ всѣ силы чтобы истребить мѣстныхъ правителей и высшія сословія, искоренить стародавніе народныя обычаи, раздѣлявшіе и отличавшіе племена, замѣняя ихъ повсемѣстнымъ владычествомъ шаріата и духовенства. Кавказское начальство дѣлало тоже самое въ покорныхъ обществахъ, но весьма понятной причинѣ: ему легче было основать народное управленіе на шаріатѣ, писанномъ законѣ, чѣмъ на неизвѣстныхъ племенныхъ обычаяхъ, которые надо было еще привести въ ясность и узаконить въ такое время, когда на Кавказѣ не существовало даже правильно организованныхъ мѣстныхъ властей. Но только по этой системѣ русскими руками обрабатывали почву, на которой потомъ сѣялъ мюридизмъ. Ученіе исправительнаго тариката разносилось по Кавказу лицами, состоявшими на русскомъ жалованьи. Чего было ждать отъ населенія, вооруженнаго и невѣжественнаго, которому ежедневно проповѣдывали самыя зажигательныя идеи, между тѣмъ какъ оно видѣло своими глазами безсиліе русскаго оружія противъ мюридизма, сбросившаго маску? Естественно, все подгорное населеніе ждало только удобнаго случая и мюридизмъ могъ питать самыя фантастическія надежды.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ главное начальство на Кавказѣ было ввѣрено покойному князю М. С. Воронцову, облеченному полномочными правами. Постоянныя неудачи предше-

ествовавшихъ походовъ приписывали тогда не ложной системѣ, но неискусному командованію лицъ, которымъ было ввѣрено начальство. Полагаясь на громкую извѣстность князя Воронцова, ждали самыхъ рѣшительныхъ успѣховъ съ перваго шага его на Кавказъ. Первоначальное военное предпріятіе князя Воронцова, даргинскій походъ, было рѣшено подѣ влияніемъ этихъ ожиданій и исполнено по образцу прежнихъ экспедицій, только въ большихъ размѣрахъ; но оно же было и послѣднимъ предпріятіемъ въ этомъ родѣ. Урокъ былъ достаточный. Походъ предпринятый въ горы съ многочисленнымъ и превосходнымъ войскомъ, снабженнымъ всевозможными средствами, одушевленнымъ личнымъ предводительствомъ знаменитаго и уполномоченнаго генерала, кончился потерей пяти тысячъ человѣкъ, и трехъ орудій, безъ малѣйшаго результата.—Съ этихъ поръ произошелъ переломъ въ кавказской войнѣ. Нельзя сказать, чтобы князь Воронцовъ замѣнилъ прежнія головомныя экспедиціи цѣльной системой, вполне примененной къ настоящему положенію дѣла. Во время его начальствованія, наступленіе происходило систематически только въ одномъ углу военного театра, на чеченской плоскости. Тамъ, въ первый разъ при мюридизмѣ добились положительнаго результата; хорошо соображенною и неуклонно исполняемою вырубкою просѣкъ черезъ лѣса, враждебное населеніе было выбито изъ малой Чечни и начата разработка большой.—На другихъ предѣлахъ непріятельской земли—въ Дагестанѣ, Владикавказскомъ округѣ и на Лезгинской линіи экспедиціи все еще происходили ощупью,

были попытками безъ твердо опредѣленной цѣли. Невозможно сказать, при самомъ большомъ желаніи, чтобы осады Гергебиля, Салтовъ и Чоха, походы въ Джурмутъ или Капучу, были звеньями какой нибудь общей системы, или ступенями, которыя бы подвигали насъ къ чему нибудь положительному. Со всеѣмъ тѣмъ, образъ дѣйствій князя Воронцова былъ проникнутъ одною общеою идеею и дѣйствительно произвелъ благодѣтельный переломъ въ кавказской войнѣ. Главный характеръ этого образа дѣйствій состоялъ въ томъ, что мы на время вовсе отказались отъ покоренія горъ, котораго прежде такъ настойчиво и такъ тщетно добивались, не отказываясь однакожъ дѣйствовать и пользоваться обстоятельствами, гдѣ это оказывалось возможнымъ. Экспедиціи стали вести осторожно, недалеко отъ нашихъ предѣловъ, не подвергая дѣйствующія войска большимъ случайностямъ. Кавказскій корпусъ, усиленный по отбытіи 5-го пѣхотнаго, новою дивизіею въ 20 баталіоновъ, сталъ вокругъ горъ тѣснѣе, потому что войска неотвлекались больше въ дальніе концы края или въ глубь непріятельской земли; непокорные горцы вездѣ увидѣли вокругъ себя желѣзную стѣну и такимъ образомъ положень былъ конецъ побѣдамъ и распространенію мюридизма, въ чемъ состояла великая заслуга князя Воронцова. Конечно въ десять лѣтъ можно было сдѣлать больше. Но также точно какъ до 1846 года, увлекаясь старыми воспоминаніями, хотѣли сломить горцевъ сразу, такъ, послѣ этого времени, напуганные необычайными успѣхами мюридовъ, стали опасаться ихъ чрезъ мѣру. Мы брали доро-

гою цѣною крѣпости, теряя для осады цѣлое лѣто и нѣсколько тысячъ солдатъ, съ тою цѣлію только чтобы занять непріятеля, и потомъ бросали ихъ; между тѣмъ какъ половина отряда, употребляемаго для осады, могла бы безъ потери разбить горцевъ, еслибъ они вздумали вторгнуться въ наши предѣлы. Соображеніями опять руководили впечатлѣнія не текущаго, но предшествовавшаго періода. Тѣмъ не менѣе, тѣсное десятилѣтнее обложенеіе подѣйствовало на непокорныхъ горцевъ. Хотя враждебное расположеніе подгорнаго населенія нисколько не ослабѣло, потому что зажигательное владычество шаріата и вліяніе духовенства были въ этотъ періодъ времени окончательно возведены въ систему, но фанатизмъ утратилъ отчасти свои неопредѣленныя надежды, составлявшія половину его силы. Непокорные, безвыходно запертые въ своихъ горахъ, не могли уже думать объ томъ чтобы сбить насъ съ Кавказа своими собственными силами и остыли сердцемъ. Власть основанная мюридизмомъ по немногу ослабѣла. Поборники ея сдѣлались значительными людьми и заняли мѣсто аристократіи, вырѣзанной ими въ тридцатыхъ годахъ. Шамиль привыкъ къ положенію азійскаго султана, заставилъ горскія общества признать своего сына наследникомъ по себѣ и сталъ думать объ основаніи владѣтельнаго дома. Отчаянныя предпріятія уже не привлекали устарѣвшихъ витязей мюридизма. Народъ, на первыхъ порахъ предавшійся всею душою новому ученію, охладѣлъ къ нему, когда испыталъ на дѣлѣ чудовищный деспотизмъ управленія, обѣщаннаго ему вначалѣ какъ идеалъ земной жизни.

Увлеченіе проходило по немногу, но мѣсто его заступали привычка и чрезвычайное развитіе политической власти, основанной мюридизмомъ. Матеріальныя средства горцевъ неимоверно возрасли;—они имѣли уже отличныя крѣпости, пороховыя заводы, литейныя,—замѣняя пылъ фанатической толпы общественнымъ и военнымъ устройствомъ. Восточный Кавказъ, какъ Протей, всякое десятилѣтіе мѣнялъ свой видъ, оставаясь въ одинаковой степени неодолимымъ для нашего оружія.

Къ концу управленія князя Воронцова военныя дѣйствія происходили исключительно на Чеченской плоскости, гдѣ начальствовалъ вышній главнокомандующій князь Барятинскій. Тамъ мы шли впередъ, постепенно раскрывая просѣками большую Чечню; тамъ же было положено начало разумному управленію туземнымъ населеніемъ, основанному на племенной самобытности, съ устраненіемъ возможности духовнаго элемента. Но дѣйствія начальника лѣваго фланга были ограничены и недостаточностію средствъ и подчиненностію его положенія. На остальномъ протяженіи враждебныхъ предѣловъ войска стояли, можно сказать, ружье у ноги, не смѣя ничего предпринять, но не смѣя также ослабить себя одною ротою. чтобъ снова не дать простора покушеніямъ мюридизма. Мысль о покореніи горъ, сначала отложенная на неопредѣленное время, стала исчезать совсѣмъ, даже въ умахъ людей посвятившихъ свою жизнь кавказской войнѣ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ очень немногіе люди, вѣрившіе

возможности побѣдить мюридизмъ, только удивляли, но никого не убѣждали своими словами. Пятидесятилѣтняя борьба на Кавказскомъ перешейкѣ привела къ тому результату, что имперія должна была приковать къ восточной группѣ горъ цѣлую армію, исключивъ ее не только изъ общаго итога русскихъ силъ, но даже изъ числа подвижныхъ силъ кавказскихъ, непредвидя, притомъ, никакого исхода изъ этого положенія.

Въ 1855-мъ году вспыхнула внѣшняя война. До тѣхъ поръ, борьба съ мюридизмомъ происходила среди глубокаго мира, позволявшаго имперіи свободно располагать своими силами. Тогда въ первый разъ предсталъ въ дѣйствительности вопросъ, давно уже тревожившій дальновидныхъ людей: каково будетъ наше положеніе, когда кавказскому корпусу придется, при внутренней войнѣ принявшей такіе громадныя размѣры, выдерживать еще натискъ внѣшнихъ силъ. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ бѣгатырствомъ кавказскихъ войскъ, нѣсколько разъ побѣждавшихъ въ четверо и въ пятеро сильнѣйшія регулярныя арміи. И однакожъ въ продолженіе трехъ лѣтъ войны участь русскаго владычества на Кавказѣ нѣсколько разъ, какъ говорится, висѣла на волоскѣ. Кавказскія войска должны были биться лицомъ въ обѣ стороны, встрѣчая непріятеля и съ сѣвера и съ юга, посреди населенія, ожидавшаго только перваго успѣха единовѣрцевъ. Устарѣвшіе предводители мюридизма, не предприняли въ это время ничего рѣшительнаго; но они могли предпринять и предприняли бы навѣрное, еслибъ наши оборонительныя ли-

ни съ ихъ стороны были ослаблены; излишняя увѣренность могла обратиться намъ въ гибель; стоило только вспомнить 1843 годъ. Не смотря на то, что кавказскія войска были усилены въ теченіи войны 4-мя дивизіями и вся масса ихъ простиралась до 270000 человекъ подъ ружьемъ, способныхъ, при своемъ превосходномъ качествѣ, сломить какого бы то ни было европейскаго врага, необходимость сдерживать внутренняго непріятеля до такой степени поглощала все силы кавказскаго корпуса, что на поляхъ сраженія въ Турціи, участь войны, отъ которой зависѣла участь Кавказа, рѣшалась въ 1853 году 9-ю, въ 1854 17-ю баталіонами. Эти отряды должны были биться въ пропорціи одного противъ пяти и побѣждать во чтобы ни стало, потому что съ мюридизмомъ въ тылу, отступленія не было; даже нерѣшенное дѣло имѣло бы для насъ все послѣдствія полного пораженія. Войска, дѣйствовавшія на Кавказской границѣ съ 1853 по 1855 годъ, были сильны духомъ и увѣренностію въ себѣ; но такъ слабы численностію, что небольшое еще приращеніе непріятеля, что было такъ легко для союзной арміи, неизмѣнно склонило бы вѣсы на его сторону. Теперь, послѣ паденія Шамиля можно сказать откровенно: несмотря на цѣлый рядъ подвиговъ истинно безпримѣрныхъ, мы удержались на Кавказѣ благодаря только тому обстоятельству, что Франція, располагавшая главными сухопутными силами въ истекшей войнѣ, чуждая собственно азіатскому вопросу, не имѣла интереса сбить насъ съ Кавказа; а когда Англійская армія была доведена въ 1856 году до такой численности что могла

начать самостоятельныя дѣйствія, внезапный мѣръ положилъ конецъ ея предпріятіямъ. При томъ положеніи которое создалъ намъ на Кавказѣ мюридизмъ, было болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы въ 1855 или 1856 году, изъ 270000 человѣкъ подъ ружьемъ составлявшихъ Кавказскій корпусъ, можно было безопасно отдѣлить силы, достаточныя для отраженія 50-ти тысячнаго европейскаго десанта. Зимой 1855—1856 года, въ трехмѣсячный срокъ немогли собрать за Сурамскимъ хребтомъ довольно войскъ чтобъ дать сраженіе Омеръ-Пашѣ, вторгнувшемуся въ Мингрелію съ 25000 Турокъ.

Истекшая война привела въ ясность положеніе русской силы на Кавказѣ, какъ и многія другіе вещи въ имперіи. Послѣ подобнаго примѣра нельзя уже было считать кавказскую борьбу дѣломъ мѣстнымъ, вліяніе котораго простирается только на одинъ уголъ русскихъ владѣній. На дѣлѣ оказалось, что эта борьба отымала у государства половину дѣйствующей силы, которою оно могло бы располагать для внѣшней войны. Изъ 270 тысячъ войска, неподвижно прикованнаго къ Кавказу съ 1854 до половины 1856 года, оборона Кавказа отъ внѣшнихъ враговъ, считая тутъ и всѣ гарнизоны пограничныхъ крѣпостей, занимала едвали 70 тысячъ человѣкъ; остальные 200 тысячъ представляли безплодную жертву, вынуждаемою отъ государства мюридизмомъ. При высокой стоимости войскъ на Кавказѣ, эти 200 тысячъ равнялись, для матеріальныхъ средствъ государства, покрайней мѣрѣ 500-мъ тыся-

чамъ въ Россіи, т. е. почти всей массѣ нашихъ дѣйствующихъ силъ, состоящихъ изъ гвардейскаго, гренадерскаго, резервнаго кавалерійскаго и 6-ти армейскихъ корпусовъ. Притомъ эти 200 тысячъ кавказскихъ солдатъ и казаковъ были не ополченіемъ или запасными баталіонами, которыхъ, пожалуй, въ случаѣ нужды можно набрать сколько угодно, но которые могутъ служить только для внутренней обороны края; это было первое войско въ свѣтѣ, именно тотъ элементъ котораго у насъ не доставало въ крымской войнѣ и который у союзниковъ состоялъ въ 20-ти тысячахъ алжирскихъ солдатъ, рѣшавшихъ всѣ дѣла. Отсутствіе такой массы отборнаго войска съ театра войны низводило дѣйствительную силу Русской имперіи въ силу государства не съ 70-ю а съ 30-ю миліонами жителей. Какой же былъ конечный результатъ этой безмѣрной жертвы? Тотъ, что при внѣшней войнѣ 270000 войска оказывались недостаточными для обороны Кавказа, покуда въ срединѣ его стоялъ вооруженный мюридизмъ.

Послѣ подобнаго опыта нельзя было колебаться. Русская имперія немогла бросить Кавказа, неотказываясь отъ половины своей исторіи, и прошедшей, и будущей; стало быть она должна была воспользоваться миромъ, чтобъ покорить горцевъ какъ можно скорѣе. Необходимость безотлагательнаго завоеванія горъ была признана, но это сознаніе еще нисколько не облегчало разрѣшеніе самой задачи. Для кавказской войны были употреблены такія силы, она прошла чрезъ столько системъ, удовлетворительныхъ на бумагѣ, но оказывавшихся

совершенно несостоятельными на дѣлѣ, что тутъ уже не было мѣста сомнѣнію. Для окончанія войны нужны были не однѣ силы и не одни военныя планы, какъ бы хорошо они ни были составлены; нуженъ былъ полководецъ. Оставалось только найти его.

III.

ПОКОРЕНІЕ КАВКАЗА.

Съ окончаніемъ заграничной войны ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ избралъ главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ генераль-адъютанта князя А. И. Барятинскаго, приготовленнаго къ этому званію долгой и дѣятельной службой на Кавказѣ. Въ распоряженіи новаго главнокомандующаго были оставлены, сверхъ силъ кавказскаго корпуса, черезъ нѣкоторое время переименованнаго въ армію, 13-я и 18-я пѣхотныя дивизіи; кромѣ того были сформированы еще три новые драгунскіе полка. Съ 1856 года правительство постоянно поддерживало на Кавказѣ силы и матеріальныя средства, достаточныя для самаго настойчиваго веденія войны.

Кавказское войско и кавказское населеніе приняли назначеніе князя Барятинскаго, съ единодушною радостію. Кто былъ тогда на Кавказѣ не забудетъ какой видъ праздника принимала вся страна, помѣръ того какъ распространялось это извѣстіе.— Общее чувство весьма понятно въ этомъ случаѣ; назначеніе Князя Барятинскаго было назначеніемъ естественнымъ, котораго весь Кавказъ же-

лалъ и ожидалъ. Особенность этой страны, столь отличной отъ другихъ частей имперіи, также какъ исключительный характеръ войскъ занимающихъ ее и воспитанныхъ въ ней, давно уже выразились рѣзкими и самостоятельными чертами, которыя надобно вполне понимать, для того чтобы разумно начальствовать на Кавказѣ. Одному Богу извѣстны всѣ послѣдствія, происшедшія отъ внесенія идей *à priori* въ управленіе Кавказомъ и веденіе кавказской войны со стороны людей, которымъ надобно было учиться, прежде чѣмъ брать на себя отвѣтственность распоряженій. Не зависимо отъ личности князя Барятинскаго, давно уже высокоцѣнимою, Кавказъ вѣрилъ ему какъ своему человѣку, который зналъ и людей и вещи и могъ прямо взяться за дѣло. Назначеніе его главнокомандующимъ произвело глубокое впечатлѣніе въ войскахъ, въ народѣ, въ непокорныхъ горахъ. Газета Кавказъ, наполнилась радостными отзывами совсѣхъ концовъ страны. Ей писали между прочимъ: «двѣсти тысячъ кавказскихъ солдатъ считаютъ «назначеніе Князя Барятинскаго наградою за свою «службу. Зброшенные въ край совершенно непо- «хожіи на остальную Россію, поставленные въ «исключительныхъ обстоятельствахъ, они по не- «волѣ должны были выдѣлать себѣ своеобразную «личность; и конечно никто объ этомъ не пожа- «лѣетъ, когда въ этой личности есть такіа черты «напримѣръ, что кавказскій солдатъ на царской «службѣ не считаетъ смерть или побѣду послѣд- «нею степенью энергіи война; что онъ поклянется «своему полководцу побѣдить и исполнить клятву «хоть бы противъ непріятели, въ четверо сильнѣй-

«шаго, потому что онъ не считаетъ никого силь-
«нѣ себя, пока оружіе у него въ рукахъ. Но чѣмъ
•развитіе и чѣмъ своеобразіе личность кавказ-
«скаго воина, тѣмъ важнѣе для него быть подъ
«рукою начальника, который его понимаетъ. Вотъ
«отчего, когда разисслась вѣсть о назначеніи кня-
«зя Барятинскаго командующимъ нашимъ кор-
«пусомъ, на всѣхъ концахъ Кавказа старые слу-
«живые говорили молодымъ товарищамъ: смотри-
«те, за Богомъ молитва, за Царемъ служба никог-
«да не пропадаютъ». Въ тоже время, въ первый
разъ отъ начала горской войны, имамъ мюридиз-
ма, встревоженный общимъ народнымъ опасеніемъ,
разослалъ по племенамъ объявленіе, что Русскіе
собираются въ два года покорить всѣ горы и что
теперь настала пора когда каждый истинный мусуль-
манниъ долженъ положить жизнь за вѣру.— Совсѣмъ
не такъ думали горцы при назначеніи прежнихъ глав-
нокомандующихъ, или лучше сказать, они вовсе
объ этомъ не думали, мало заботясь, среди
своихъ твердынь, кто начальствуетъ Русскими.
Но жизнь не рѣдко подтверждаетъ тотъ опытъ,
что великимъ событіямъ дѣйствительно какъ буд-
то предшествуетъ тѣнь ихъ, которую массы, всег-
да одаренныя дивнымъ инстинктомъ, уже ощуща-
ютъ, между тѣмъ какъ самые передовые люди
еще ничего не-видятъ. Такъ было при назначеніи
князя Барятинскаго главнокомандующимъ. До тѣхъ
поръ мысль о покореніи горъ мелькала только какъ
возможность, въ неопредѣленно далекомъ будущемъ.
Когда новый главнокомандующій принялъ началь-
ство, войска пошли въ походъ съ мыслию, что они дѣ-
лаютъ теперь не одну изъ безчисленныхъ экспеди-

цій, но начинаютъ завоеваніе горъ; между тѣмъ какъ тревожное ожиданіе рѣшительныхъ событій разлилось въ непокорномъ населеніи. Я не-знаю почему такое общее настроеніе овладѣло краемъ; военная слава князя Барятинскаго тогда небыла еще довольно утверждена, чтобы внушить подобную увѣренность; но это было такъ.

Одновременно съ своимъ назначеніемъ, князь Барятинскій исходатайствовалъ новое раздѣленіе военныхъ командованій на Кавказѣ. До тѣхъ поръ они существовали въ томъ же видѣ какъ были установлены до мюридизма, отвѣчая потребностямъ совсѣмъ другой эпохи, когда цѣлью военныхъ дѣйствій было только охраненіе нашихъ предѣловъ или наказаніе хищныхъ обществъ, ни чѣмъ несвязанныхъ между собою. Съ тѣхъ поръ племена восточнаго Кавказа слились въ одно политическое тѣло и непріятель, окруженный сѣтью мелкихъ командованій, сталъ сильнѣе каждаго изъ противопоставленныхъ ему военныхъ начальниковъ, такъ что дѣло вышло совсѣмъ на оборотъ: единство со стороны непріятеля и раздробленіе съ нашей. Приступая къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, надобно было на каждомъ самостоятельномъ военномъ театрѣ вручить власть самостоятельному начальнику. Въ августѣ 1856 года, по естественному дѣленію Кавказа, учреждены 5-ть командующихъ войсками, облеченныхъ правами корпусныхъ командировъ. Противъ Адыговъ западнаго Кавказа два: съ сѣверной стороны горъ—командующій войсками Праваго крыла, съ южной—Кутанскій генералъ-губернаторъ. Противъ мюридовъ восточной группы

три: одинъ на сѣверномъ еклонѣ—командующій войсками Лѣваго крыла, которому подчинены Чечня (бывшій лѣвый флангъ), Владикавказскій округъ и Кабарда (бывшій центръ); другой въ Дагестанѣ и ему ввѣренъ весь Прикаспійскій край; третій—на Лезгинской линіи, съ южной стороны горъ, обращенной къ Грузіи.—Дѣленіе это было произвольное. Каждый изъ означенныхъ большихъ отдѣловъ очерченъ самою природою, имѣя свои рѣзко отличныя климатическія и мѣстные условія, особое основаніе военное и продовольственное и передъ собою другаго непріятеля и отдѣльный военный театръ, который мѣстнымъ войскамъ нужно было разработать прежде, чѣмъ приступить къ совокупнымъ дѣйствиамъ.

Главнокомандующій не могъ самъ вести операцій пока они носили мѣстный характеръ; исполненіе своего плана онъ долженъ былъ предоставить помощникамъ, отъ таланта и энергіи которыхъ зависла половина успѣха. Выборъ корпусныхъ командировъ для кавказской войны былъ еще затруднительнѣе чѣмъ для европейской, потому что дѣйствія ихъ независимѣе; личность людей была въ этомъ случаѣ дѣломъ особой важности. Первымъ помощникомъ главнокомандующаго сталъ, разумѣется, начальникъ главнаго штаба арміи. Князь Барятинскій пригласилъ на это мѣсто генерала Милютина, который, не занимая еще до того времени высокихъ должностей, приобрѣлъ уже общую извѣстность какъ отличный офицеръ, какъ писатель и какъ творецъ военной статистики, возведенной имъ въ первый разъ въ науку.

Кромѣ чрезвычайно трудной должности начальника главнаго штаба такой разнородной арміи какъ кавказская, на генерала Милютина было возложено еще приведеніе въ систему новаго военнаго управленія Кавказомъ, котораго только главныя черты были обозначены учрежденіемъ командующихъ войсками. Въ военно-административномъ отношеніи можно было перечестъ почти всѣ годы русскаго владычества на Кавказѣ по разнымъ существовавшимъ въ то время учрежденіямъ, выражавшимъ каждое характеръ и потребности различной эпохи; между тѣмъ на Кавказѣ, гдѣ ведется война мѣстная, даже боевыя дѣйствія относятся къ общей администраціи, какъ приложеніе къ теоріи. Генераль Милютинъ развилъ по идеѣ главнокомандующаго новую систему военнаго управленія съ такою полнотою и стройностію, которая на долго останутся памятникомъ нынѣшнему Кавказскому начальству. Неоконченная во всѣхъ частяхъ еще и до нынѣ по чрезвычайной обширности труда, новая административная система обняла уже главныя предметы, положила основаніе разумному управленію горцами, и распредѣляя учрежденія по дѣйствительнымъ потребностямъ края, стала замѣнять живой организаціей прежнее единство бюрократизма или пропзвола, распространеннаго на разнообразнѣйшую въ мірѣ страну. Основаніемъ и образцомъ для новой системы послужило управленіе Чеченскимъ народомъ, устроенное княземъ Барятинскимъ въ бытность его начальникомъ лѣваго фланга и въ это время уже оправданное долготѣнимъ опытомъ. Совершеніе этого истинно-государственнаго труда, въ

которомъ генераль Милютинъ былъ единственнымъ помощникомъ главнокомандующаго, не могли замедлить ни походы, ни другія его безчисленныя занятія. Труды и дѣйствія генерала Милютина доставили ему рѣдкое нравственное положеніе: всеобщее уваженіе арміи и края, безъ малѣйшаго оттѣнка мнѣнія.

По плану главнокомандующаго, самыя обширныя и трудныя военныя дѣйствія предстояли командующему войсками Лѣваго крыла. На эту должность, вмѣстѣ съ новымъ раздѣленіемъ Кавказа, былъ назначенъ генераль (нынѣ генераль-адъютантъ и графъ) Евдокимовъ. Лѣсистая Чечня была классической страной неудачъ, чтобы не сказать пораженій, которыя мы испытывали отъ горцевъ; но покореніе должно было начаться отсюда; нашимъ войскамъ предстояло проникнуть въ глубь этой земли въ то время, когда мюридизмъ стоялъ еще во всей своей силѣ. При такомъ условіи, планъ главнокомандующаго могъ состояться только при совершенно безукоризненномъ исполненіи. Здѣшняя мѣстность была вездѣ мѣстностію ичкеринской и даргинской экспедицій; одинъ неловкій шагъ привелъ бы къ тѣмъ же результатамъ; а значительная неудача съ нашей стороны, только одна, снова отодвинула бы покореніе горъ на неопредѣленное время. Графъ Евдокимовъ исполнилъ планы главнокомандующаго съ рѣдкимъ совершенствомъ. Можно сказать положительно, что онъ ни разу въ продолженіе трехлѣтней войны не допустилъ горцевъ дать намъ дѣло тамъ, гдѣ они хотѣли, или гдѣ это могло быть

для нихъ выгоднымъ. Совершая предпріятія, повидимому самыя рискованныя, графъ Евдокимовъ всегда успѣвалъ рѣшить дѣло маневрами, спокойно копчалъ предположенныя работы и заставлялъ горскія скопища разойтись безъ боя, что болѣе всего роняло духъ въ непріятель. Его система дѣйствій, въ которой не штыкъ а топоръ былъ главнымъ орудіемъ завоеванія, по необходимости обременяла войска чрезмѣрными трудами и причиняла имъ такую же убыль отъ болѣзней, какъ прежде отъ огня; но нравственное послѣдствіе для войны той или другой потери со всѣмъ не одинаково. Снявши голову по волосамъ не плачутъ, а Кавказъ теперь покоренъ.

Въ Прикаспійскомъ краѣ былъ оставленъ прежній командующій войсками генераль-адъютантъ князь Орбеліанъ, опытный генералъ, пользовавшійся довѣріемъ и любовью войскъ. Черезъ годъ князь Орбеліанъ получилъ другое назначеніе и сдалъ свою должность генераль-адъютанту барону Врангелю, которому досталось окончить дѣло графа Евдокимова и въ послѣднемъ походѣ, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго, нанести смертельные удары мюридизму. Командующимъ войсками на Лезгивской линіи былъ назначенъ отважный баронъ Вревскій, сложившій голову въ этой войнѣ и по смерти его, молодой но уже опытный генералъ князь Меликовъ. Я ограничиваю этотъ обзоръ предметомъ сочиненія, восточнымъ Кавказомъ. Выборъ и распределеніе главныхъ начальниковъ, совершенно принаровленное къ характеру предстоявшихъ имъ дѣйствій,

обеспечивали точное исполненіе военного плана главнокомандующаго.

Главныя усилія были направлены противъ восточныхъ горъ, по причинамъ уже изложеннымъ выше. Эта часть Кавказа отрѣзывала нашу тыль, постоянно угрожая сообщеніямъ, и въ тоже время служила мюридизму крѣпостію, откуда онъ держалъ въ постоянномъ волненіи покорное мусульманское населеніе. Восточныя горы составляли главную опасность и главную препону для русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ. Князь Барятинскій оставилъ на западномъ Кавказѣ ограниченныя силы, достаточныя для того, чтобъ постепенно разрабатывать доступъ къ горамъ и исполнить всѣ пріуготовительныя работы къ сроку, когда кончится война на восточномъ. За тѣмъ, всѣ наличныя силы были двинуты противъ послѣдняго.

Планъ покоренія восточнаго Кавказа, задуманный княземъ Барятинскимъ еще за долго до назначенія главнокомандующимъ, былъ исполненъ въ три гола, слово въ слово и черта въ черту, какъ можетъ быть еще никогда не исполнялся военный планъ, что совершенно извѣстно людямъ читавшимъ письма или даже донесенія князя, писанныя за годъ и болѣе до событій; со временемъ, эта верность соображеній будетъ доказана исторіей. Планъ этотъ, въ главныхъ чертахъ но въ огромныхъ размѣрахъ, былъ похожъ на правильную осаду крѣпости, соединяя всѣ предшествованія системы въ должной постепенности.— Главныя средства обороны горцевъ находились не въ срединѣ ихъ зем-

ли, но по ея окружности. Пограничная черта была какъ брустверь, къ которому мы подходили открытые, между тѣмъ какъ непріятель сидѣлъ уже за сильными мѣстными преградами; на пограничной чертѣ были расположены крѣпости мюридовъ; на ней жило населеніе, воспитанное ежедневною войною, состоявшее поголовно изъ закаленныхъ воиновъ, обращенныхъ полувѣковою борьбою въ нашихъ личныхъ враговъ. Большой части этихъ препятствій не существовало въ глубинѣ горъ. Ставъ разъ въ самыхъ горахъ, мѣстныя преграды уравнивались для врага и для насъ; заранѣе устроенныхъ средствъ обороны тамъ не существовало; населеніе, удаленное отъ насъ и никогда не тревожимое, было гораздо менѣе воинственно, гораздо менѣе пропитано ненавистію къ намъ и болѣе дорожило своимъ благосостояніемъ, чѣмъ полукочевые абреки пограничныхъ обществъ. Главная задача состояла въ томъ, чтобы проложить себѣ обеспеченный путь въ средину горъ. Первымъ условіемъ для успѣха такого предпріятія былъ вѣрный выборъ пути наступленія. Затѣмъ оставалось дѣйствовать какъ при осадѣ: прочно занять подступы къ горамъ, подвигаться впередъ методически, сбивая съ обѣихъ сторонъ мѣшающія намъ преграды, твердо стать въ самыхъ горахъ, на избранныхъ пунктахъ, и тогда перейти къ быстрому наступленію всею массою войскъ, разрывая непріятельскую страну изъ средины и заставляя пограничную линію пасть безъ сопротивленія. Очевидно, что по самой сущности этой программы, завоеваніе должно было пройти чрезъ

три періода: періодъ пріуготовительный для занятія должныхъ подступовъ, періодъ методической войны въ горахъ и наконецъ, періодъ рѣшительнаго наступленія.

Сравненіе съ осадою крѣпости выражаетъ только общую идею плана. Исходъ зависѣлъ отъ вѣрнаго выбора предметныхъ пунктовъ и операціонныхъ линій, рѣшающихъ скоро и полно успѣхъ предпріятія. До тѣхъ поръ опредѣленіе непосредственно цѣли дѣйствій составляло камень преткновенія въ кавказской войнѣ. Постоянно оказывалось, что занятіе пунктовъ, считаемыхъ рѣшительными; не доставляло никакой пользы и мы сами бросали ихъ. Въ такой загроможденной мѣстности какъ кавказская, этотъ выборъ чрезвычайно труденъ; но въ немъ и выказалось умѣнье полководца.

Съ тѣхъ поръ какъ мюридизмъ соединилъ всѣ восточныя племена въ одинъ народъ, горскія общества стали частями организма, одинаково чувствовавшимъ удары, съ какой бы стороны они ни наносились; племенная самобытность уже на половину растаяла въ политическомъ единствѣ. Подчиненные обшей власти, передвигаемые толпами изъ одной части края въ другую для защиты своихъ предѣловъ, вынужденные мѣняться произведеніями исключительно между собою, потому что подгорный край былъ запертъ для нихъ, горцы отчасти стали уже гражданами одного государства. При такомъ состояніи общественнаго быта, покореніе значительныхъ племенъ съ одной какой-либо стороны должно было отозваться во всѣхъ горахъ, поколебать мужество и увѣренность всего населе-

нія. Завоеваніе Дагестана рѣшало нравственно участь Чечни и обратно. Стало быть, выборъ пути для наступленія зависѣлъ главнѣйше отъ относительной легкости съ какою можно было совершить вторую часть операціи—методическую войну въ горахъ.

Съ южной стороны непокорное населеніе было ограждено снѣжнымъ хребтомъ, чрезъ который перевалы протаиваютъ только на три лѣтніе мѣсяца. Въ остальное время года переходъ чрезъ этотъ хребетъ невозможенъ для массы войскъ. При наступленіи съ южной стороны, надобно было оставлять войска безъ сообщенія по 9-ти мѣсяцевъ въ году посреди сплошной массы враждебнаго населенія. На Лезгинской линіи были возможны только быстрыя вторженія лѣтомъ. Экспедиціями этого рода, какъ давно уже было доказано, нельзя покорить горцевъ; но войска всего надежнѣе прикрывали подгорный край, наступая на непріятеля; въ то же время онъ постепенно обезсиливали его ко времени рѣшительныхъ ударовъ. Для дѣйствительнаго наступленія оставался только выборъ между Дагестаномъ и Чечнею.

Десятилѣтнія экспедиціи на предѣлахъ непокорнаго Дагестана, съ Ахульго до Чоха, доказали тщетность подобныхъ попытокъ. Каждая деревня въ этой странѣ была Сарагосою. Мы брали укрепленный аулъ цѣною нѣсколькихъ тысячъ жертвъ, для того чтобъ открыть за нимъ цѣлый рядъ такихъ же ауловъ, требующихъ такихъ же жертвъ. Дагестанъ былъ гнѣздомъ мюридизма. Духовная власть рабски подчинила себѣ дагестан-

ское населеніе, овладѣла и мыслию и волею людей и царствовала надъ ними безпрекословно. Невозможно было надѣяться поколебать въ этой странѣ политическое могущество мюридизма, пока онъ стоялъ еще во всей цѣлости, располагая всѣми средствами горъ. Но еще меньше можно было надѣяться разбить открытою силою широкой поясъ крѣпостей и укрѣпленныхъ ауловъ, ограждавшихъ Дагестанъ съ нашей стороны, покуда жители ихъ готовы были защищаться съ рѣшительностію. Потери были бы такъ громадны въ подобномъ предиріятіи и успѣхъ такъ сомнителенъ, что нельзя было и предлагать его.

Чеченцы безспорно храбрѣйшій народъ въ восточныхъ горахъ. Походы въ ихъ землю всегда стоили намъ кровавыхъ жертвъ. Но это племя никогда не проникалось мюридизмомъ вполнѣ. Изъ всѣхъ восточныхъ горцевъ, Чеченцы больше всѣхъ сохраняли личную и общественную самостоятельность и заставили Шампля, властвовашаго въ Дагестанѣ деспотически, сдѣлать имъ тысячу уступокъ въ образѣ правленія, въ народныхъ повинностяхъ, въ обрядовой строгости вѣры. Газавать (война противъ невѣрныхъ) былъ для нихъ только предлогомъ отстаивать свою племенную независимость и производить набѣги. Многія тысячи Чеченцевъ изъ отложившихся въ 1840 году, съ тѣхъ поръ снова переселились къ намъ и пользовались подѣ образцовымъ управленіемъ, для нихъ созданнымъ, благосостояніемъ, соблазненнымъ ихъ одноплеменниковъ. Шамиль никогда не довѣрялъ Чеченцамъ и не считалъ ихъ прочно укрѣплен-

ными за собою. Распаденіе горскаго союза, основаннаго мюридизмомъ, всего скорѣе могло начаться съ Чечни. Въ военномъ отношеніи наступленіе въ этой странѣ было также удобнѣе. Въ Дагестанѣ мы встрѣчали сопротивленіе въ опредѣленныхъ пунктахъ, которыхъ нельзя было миновать, между тѣмъ какъ овладѣніе ими всегда стоило большихъ жертвъ. Въ Чечнѣ, и плоской и нагорной, почти нѣтъ мѣстъ, гдѣ непріятель могъ бы удержаться противъ нашего натиска; тамъ всегда происходило одно застрѣльщицье дѣло на движеніи, если только наши цѣпи были довольно сильны чтобы удержать натискъ непріятеля. Расчистивъ мѣстность въ извѣстныхъ направленіяхъ, по Чечнѣ можно было ходить безъ выстрѣла; а съ достаточными силами, при методическомъ образѣ дѣйствій, гораздо легче рубить просѣку въ лѣсу занятомъ непріателемъ, чѣмъ осаждать крѣпость, въ которой защитники сѣли на смерть; тѣмъ больше, что расчищенная мѣстность принадлежитъ намъ на всегда, между тѣмъ какъ взятый аулъ дотѣхъ поръ только нашъ, покуда занять. Можно было основательно рассчитывать, что въ извѣстный срокъ мы прорубимся сквозь лѣса, составляющіе оплотъ Чеченцевъ и раскрывъ ихъ жилища, заставимъ покориться этотъ воинственный но не фанатическій народъ, откроемъ чрезъ его землю доступъ въ самую глубь горъ и зайдемъ такимъ образомъ въ тылъ оплотамъ, которыми горцы уставляли свои предѣлы со стороны Дагестана.

До тѣхъ поръ экспедиціи производились перодически, въ извѣстное время года, смотря по

мѣстности; за тѣмъ войска распускались по квартирамъ. Это перемѣжка давала горцамъ отдыхъ, совершенно для нихъ необходимый, такъ какъ ихъ сила состоитъ въ народномъ ополченіи, которое должно кормиться собственнымъ трудомъ. Князь Барятинскій положилъ вести войну безостановочно, не давая горцамъ ни срока ни отдыха до совершеннаго покоренія. Въ тоже время онъ измѣнилъ самый характеръ занятія покоряемыхъ странъ. Вмѣсто городовъ, воздвигаемыхъ въ каждой новой штабъ-квартирѣ, устройство которыхъ на долго поглощало всю дѣятельность выдвинутыхъ войскъ, по плану князя Барятинскаго было положено на вновь занимаемыхъ пунктахъ устраивать только валъ, располагая войска въ баракахъ и кибиткахъ; сохранявъ такимъ образомъ силы войскъ для войны, бросать пунктъ исполнившій свое временное назначеніе и безостановочно идти впередъ; утверждаться же прочно лишь на тѣхъ пунктахъ, за которыми и послѣ покоренія горъ должна была оставаться неоспоримая стратегическая важность.

Расположеніе войскъ по отдѣламъ было соображено съ значительностію предполагаемыхъ дѣйствій. На Правомъ крылѣ и трехъ военныхъ отдѣлахъ восточнаго Кавказа, кромѣ линейныхъ баталіоновъ и казачьихъ войскъ, находилось по пѣхотной дивизіи, въ составѣ 21-го баталіона, равняющейся численностію двумъ вытѣшнимъ дѣйствующимъ дивизіямъ. Изъ прикомандированныхъ 13-й и 18-й дивизій, первая раздѣлена была по бригадѣ между Правымъ крыломъ, слишкомъ обширнымъ для одной дивизіи, и Лѣвымъ, откуда

предполагалось повести главное наступленіе. 18-я дивизія осталась за Кавказомъ, какъ резервъ и наличная сила для производства дорожныхъ работъ, необходимость которыхъ была указана истекшею войною. (Въ 1859 году 13-я пѣхотная дивизія возвратилась къ своему корпусу и была замѣнена Кавказскою резервною). Кутаисское генераль-губернаторство, не смотря на чрезвычайную важность этого края, прикрывающаго весь Кавказъ со стороны Чернаго моря и снѣжную надобность разработать его въ стратегическомъ отношеніи, могло быть занято, за недостаткомъ войскъ, только одною бригадою линейныхъ баталіоновъ.

Военныя дѣйствія были рассчитаны на основаніи изложенныхъ выше соображеній. На Лезгинской линіи наши отряды должны были ежегодно раззорять непріятельскія общества и довести ихъ къ рѣшительной мизутѣ до изнеможенія. Въ Прикаспійскомъ краѣ было положено прежде всего прочно завяты Салатавію, разъединявшую Дагестанъ съ восточною оконечностію лѣваго крыла, чтобы открыть путь въ горы съ сѣверной стороны и прочно связать оба войска къ тому времени, когда имъ придется дѣйствовать совокупно. На Лѣвомъ крылѣ рѣшено было сначала кончить покореніе чеченской плоскости, чтобы твердо стать у подножія горъ; за тѣмъ перенести войну въ самыя горы, никогда еще невидавшія русскихъ знаменъ; направить первый ударъ въ ущелье Аргува и занятіемъ его до снѣжнаго хребта отдѣлить малую Чечню отъ большой и отрѣзать весь

западный уголъ страны, подвластной мюридизму; потомъ перейти въ Ичкерію, гдѣ находилась резиденція Шамиля—Ведень и тѣмъ довершить покореніе чеченскаго племени. Когда эти завоеванія будутъ совершены и мы станемъ твердою ногою въ глубинѣ горъ, а Шамилю останется одинъ Дагестанъ, разомъ двинуть всю массу войскъ и кончить дѣло съ мюридизмомъ однимъ ударомъ.

Таковъ былъ въ главныхъ чертахъ военный планъ князя Барятинскаго, рѣшившій въ три года полувѣковую борьбу, окончанія которой не надѣялся уже ни войска бывшіяся противъ горцевъ, ни Россія.

Занятіе плоскости и предгорій (большой Чечни, Ауха и Салатавіи), было въ сущности только приуготовительнымъ дѣйствіемъ; оно еще не давало намъ видимаго перевѣса, но создавало уже новое положеніе, изъ котораго можно было перейти въ рѣшительное наступленіе. Періодъ этихъ приуготовительныхъ дѣйствій обнимаетъ осень 1856 и весь 1857 годъ.

Первую зиму съ ноября по апрѣль, войска лѣваго крыла подъ предводительствомъ генерала Евдокимова, въ четыре похода окончили съѣзъ въ большой Чечнѣ, начатую еще при князѣ Воронцовѣ и раскрыли эту страну по всѣмъ направленіямъ, преодолевая на каждомъ шагу сильное сопротивленіе Чеченцевъ, поддержанныхъ огромными сборами изъ Дагестана. Дремучіе лѣса были повалены въ одну зиму. Въ то же время особый отрядъ дѣйствовавшій на Кумыкской плос-

кости подъ начальствомъ генерала барона Николаи, расчистилъ входъ въ Аухъ. Туземное населеніе, разсыпанное по лѣсамъ мелкими хуторами, еще осталось покуда на своихъ мѣстахъ; но большая Чечня была уже какъ крѣпость съ отбитыми воротами, гарнизонъ которой долженъ положить оружіе по первому требованію.

Лѣтомъ 1857 года, войскамъ лѣваго крыла не предстояло похода. Дѣйствія должны были открыться со стороны Дагестана и Лезгинской линіи, гдѣ высокая мѣстность, полгода засыпанная снѣгами, бываетъ проходима только въ лѣтніе мѣсяцы. Въ этотъ періодъ времени надобно было устроить, сообразно съ новыми видами, матеріальное положеніе лѣваго крыла, гдѣ по расположенію укрѣпленій и дислокаціи войскъ, были перепутаны все системы, поочередно смѣнявшіяся въ кавказской войнѣ. Полкамъ лѣваго крыла приходилось отдохнуть въ послѣдній разъ и потомъ вступить въ непрерывный походъ до послѣдняго выстрѣла, который раздастся въ восточныхъ горахъ.

Отряды дагестанскій и лезгинскій вступили въ горы почти одновременно. Генералъ-адъютантъ князь Орбелианъ долженъ былъ основать въ Салатавіи постоянную штабъ-квартиру одного изъ своихъ полковъ, чтобы связать прямымъ сообщеніемъ Прикаспійскій край съ лѣвымъ крыломъ и дать дагестанскому войску опорный пунктъ для наступленія въ горы съ сѣверной стороны. Для исполненія этого плана надобно было преодолѣть упорное сопротивленіе горцевъ. Салатавія уже была наводнена непріятельскими скопищами подъ лич-

нымъ предводительствомъ Шамиля. Князь Орбелианъ быстро преодолѣлъ первое препятствіе—Теренгульскій оврагъ, столько разъ бесплодно орошаемый русскою кровію, и занялъ по другой сторонѣ позицію у стараго Буртуная, признанную удобной для возведенія штабъ-квартиры. Горцы, сбитые почти безъ бою съ первой позиціи, разсыпались вокругъ отряда и отрѣзали наши сообщенія завалами, устроенными по дорогѣ изъ Буртуная въ укр. Евгеніевское, откуда войска получали продовольствіе. Отряженная изъ лагеря колонна сбила ихъ съ этого пункта и раскрыла сообщенія, положивъ на мѣстѣ нѣсколько сотъ мюридовъ. Тогда Шамиль занялъ въ 4-хъ верстахъ отъ возводимой штабъ-квартиры непроходимую лѣсную мѣстность и сталъ съ своей стороны строить крѣпость, которая должна была постоянно блокировать нашу. Князь Орбелианъ не тревожилъ его въ этомъ убѣжищѣ до самой осени, заботясь только о скорѣйшемъ окончаніи предпринятыхъ работъ. Когда новая штабъ-квартира была достаточно устроена чтобъ принять на зиму войска, нашъ отрядъ внезапнымъ ночнымъ движеніемъ овладѣлъ неприятельскими укрѣпленіями и разметалъ ихъ. Въ Салатавіи былъ прочно водворенъ Дагестанскій пѣхотный полкъ; но разбѣжавшіеся по лѣсамъ Салатавцы еще не покорялись.

Въ тоже лѣто генераль Вревскій перешелъ становой хребетъ со стороны Кахетіи и въ нѣсколько недѣль разорилъ бѣльшую часть сильнаго Дидойскаго общества, сожигая аулы и вытаптывая хлѣба. Это былъ единственно возможный об-

разъ дѣйствій на Лезгинской линіи; отъ него ждали не покоренія, но только ослабленія горцевъ и безопасности нашихъ предѣловъ. Непомѣрные труды, сопряженные съ походомъ въ самую высокую и непроходимую часть Кавказа, невозможность везти съ собою достаточное продовольствіе, всегда чрезвычайно сокращали срокъ похода на Лезгинской линіи и дѣлали изъ него только большой набѣгъ. Отвлеченный салатавскими дѣлами, Шамиль предоставилъ оборону этой части края мѣстнымъ средствамъ и потому сопротивленіе непріятеля было слабо. Немногіе Дидойцы держались въ своихъ башняхъ и гибли. Уже къ концу похода, когда наши войска предприняли обратное движеніе, навручку опустошаемаго края явился съ сильнымъ скопищемъ сынъ Шамля—Кази-Магома и пытался обойти нашъ отрядъ. Но отбитый съ перваго шага онъ принужденъ былъ неподвижно смотрѣть съ высотъ на удалявшіяся войска, оставлявшія за собою одиѣ развалины. Дидойское населеніе, доведенное до крайности, должно было провести жестокую зиму безъ крова и пищи, живя подавнѣемъ сосѣднихъ обществъ. Но надежда на будущее еще не была достаточно потрясена въ душѣ горцевъ; изъ всей этой бѣдствующей массы, на этотъ разъ къ намъ никто не вышелъ.

Мюридизмъ такъ крѣпко сплотилъ общественное устройство горцевъ, что въ продолженіе цѣлаго года, съ осени 1856 до осени 1857 года, нанося имъ цѣлый рядъ пораженій и занимая мѣстность за мѣстностію, мы не покорили еще ни одного человѣка. Но рѣшимость обществъ, надъ кото-

рыми больше всего разражались наши удары, уже колебалась, особенно въ Чечнѣ, менѣе фанатической, чѣмъ другія племена. Съ открытія зимнихъ дѣйствій начался переломъ войны.

Генералу Евдокимову предстояло въ теченіе зимы сдѣлать первый шагъ въ горы—занятіемъ устья Аргунскаго ущелья; но этотъ походъ можно было совершить только при томъ условіи, чтобы въ тылу наступающихъ войскъ не оставалось непріятеля. Вторженію въ горы необходимо должно было предшествовать совершенное покореніе плоскости. Въ октябрѣ 1857 года генераль Евдокимовъ внезапно поднялся по р. Гойтѣ въ лѣсныя предгорія, гдѣ жило населеніе малой Чечни, сбитое съ плоскости еще экспедиціями генерала Фрейтага. Послѣ кровопролитнаго, хотя короткаго дѣла, горцы были разогнаны по лѣсамъ и жилища ихъ истреблены на всемъ пространствѣ между Гойтою и Аргуномъ. Очистивъ отъ непріятеля правую сторону предположенной операціонной линіи, генераль Евдокимовъ перешелъ въ большую Чечню и направился къ Мичику, показывая видъ, что все наши силы сосредоточиваются противъ Мичиковскаго общества. Скопища Шамиля стеклись для защиты этого наибства. Утвердивъ ихъ въ увѣренности что мы идемъ на Мичикъ, генераль Евдокимовъ быстро перешелъ Качкалыковскій хребетъ, соединился съ Кумыкскимъ отрядомъ и вторгнулся въ Аухъ, куда доступы были раскрыты еще съ прошлаго года. Эта страна была занята во всю глубину прежде чѣмъ горское сконище, стоявшее на Мичикѣ, узнало о цѣли нашего движенія. Горцамъ

пришлось не защищать свою землю, но сбивать насъ съ твердо занятыхъ позицій, что было имъ не подъ силу. Чеченскій отрядъ спокойно прорубилъ просѣку сквозь ауховскіе лѣса и заложилъ въ глубинѣ ихъ укрѣпленіе Кишень-Аухъ. Окончивъ это предпріятіе, генераль Евдокимовъ снова перешелъ въ большую Чечню, постоянно разъединяя своимъ движеніемъ чеченское населеніе, жившее къ сѣверу отъ большой подгорной просѣки, и шамидевскія скопища, которыя онъ оттѣснялъ въ лѣсныя горы, къ югу. Ставъ въ этомъ положеніи, онъ потребовалъ покорности отъ жителей большой Чечни. Страна ихъ, раскрытая просѣками еще съ прошлаго года, была доступна во всѣхъ направленіяхъ; между ними и мюридами стояло русское войско. Измученное 17-ти лѣтнею войною, всегда холодное къ дѣлу исправительнаго тариката, населеніе большой Чечни покорилось и было переселено на лѣвый берегъ Аргуна.

Обѣ стороны устья аргунской тѣсины были очищены отъ непріятеля, тылъ нашъ обезопасенъ, можно было наконецъ вступить въ горы. Въ январѣ 1858 года генераль Евдокимовъ подступилъ къ Аргунскимъ воротамъ, гдѣ непріятель сосредоточилъ свои силы въ крѣпкихъ завалахъ. Бой могъ быть чрезвычайно кровопролитнымъ; но искусное обходное движеніе предало намъ горскія укрѣпленія безъ потери. Овладевъ долиною, образуемою за Аргунскими воротами сліяніемъ двухъ рѣкъ этого имени—Чанты и Шаро-Аргуна, генераль Евдокимовъ заложилъ здѣсь укрѣпленіе, названное Аргунскимъ, которое должно было слу-

жить начальнымъ этапомъ въ завоеваніи горъ. Новое укрѣпленіе выросло изъ подъ сѣтѣга съ необыкновенною быстротою. Съ первую оттепелью главный чеченскій отрядъ могъ уже идти далѣе.

Влѣво отъ Аргунскаго укрѣпленія, съ берега Шаро-Аргуна, подымается высокая гряда Даргинъ-Дукъ, обросшая по скатамъ дремучимъ лѣсомъ, но голая на верху, соединяющаяся далѣе съ Андійскими горами и выводящая рядомъ высокихъ, удобно проходимыхъ горныхъ полянъ, въ тылъ Нчикеріи и находящемуся въ ней Веденю, столицѣ Шамиля. Окончивъ работы по возведенію укрѣпленія, генераль Евдокимовъ внезапно взобрался на вершину Даргинъ-Дука, предупредивъ сопротивленіе непріятеля въ мѣстности, которая при достаточной оборонѣ была бы непроходима; занявъ командующіе пункты, чеченскій отрядъ безъ выстрѣла прорубилъ просѣку, открывшую намъ свободный доступъ къ этой природной горной дорогѣ. Даргиндукская просѣка достигала одинаково двухъ цѣлей. Еслибъ признано было выгоднѣйшимъ обойти Нчикерію, она вела насъ въ тылъ этой страны удобною дорогою; еслибъ найдено было лучшимъ дѣйствовать въ другомъ направленіи, опасность, которой подвергалъ горцевъ вновь открытый путь, приковывала все таки ихъ вниманіе и силы къ Даргинъ-Дуку, что значительно облегчало наши предпріятія.

Какъ только чеченскій отрядъ возвратился съ хребта въ Аргунскую долину, горцы сейчасъ же заняли Даргинъ-Дукъ сильнымъ скопищемъ и стали

преграждать просѣку рвами и укрѣпленіями. Оставляя ихъ спокойно сидѣть на этой высотѣ, генераль Евдокимовъ устремился чрезъ Аргунскую долину въ тылъ ауламъ малыхъ чеченцевъ, которымъ еще прошлою осенью былъ нанесенъ сильный ударъ. Это племя поняло свою участь и покорилось. Ему нельзя было уходить дальше въ горы, гдѣ за нимъ жили другія общества, дорожившія своею землею. Жители малой Чечни, больше 10-ти лѣтъ укрывавшіеся въ лѣсныхъ предгоріяхъ и производившіе оттуда непрерывные набѣги въ наши предѣлы, были выселены на свои прежнія мѣста, между горами и Сунжей.

Покореніемъ малой Чечни кончились зимнія дѣйствія съ 1857 на 1858 годъ; сѣверныя плоскости и предгорія были завоеваны, входъ въ горы открытъ. Съ лѣтомъ начался походъ въ глубину горъ, сокрушившіе мюридизмъ въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ. Но, несмотря на смѣлое направленіе нашихъ войскъ въ сердце трудобъ, до того времени неизвѣстныхъ и считавшихся недоступными, эти экспедиціи надобно было въ продолженіе еще цѣлаго года производить методически, разработывая мѣстность на каждомъ шагѣ и считая нашею только ту землю, на которой непріятель не могъ больше сопротивляться. Горскій союзъ, початый только по краямъ, былъ еще слишкомъ силенъ, чтобъ наступать на него открыто.

Въ іюнь, войска должны были двинуться въ горы съ трехъ сторонъ. Чеченскій отрядъ вверхъ по ущелью Чанты-Аргуна; дагестанскій отъ Бур-

туная къ Мичкалу, угрожая вторженіемъ въ Андію; лезгинскій чрезъ Капучу во внутреннія горы Лезгистана, лежащія на востокъ отъ Дидойскаго общества. Главная операція была возложена на чеченскій отрядъ, которому предстояло занять теченіе Аргуна до сибъжнаго хребта. Дагестанскій отрядъ совершалъ только диверсію. Лезгинскій отрядъ вмѣстѣ и развлекалъ непріятеля и продолжалъ начатое предпріятіе—разореніе непокорныхъ обществъ южнаго Лезгистана.

Между тѣмъ старый имамъ, стѣсненный какъ ему еще никогда не доводилось, видя невозможность удержать наши стремленія съ лица, старался возобновить средство столько разъ ему удававшееся прежде,—возвѣсть народное возстаніе въ нашемъ тылу. Мюридическая пропаганда работала среди мирнаго населенія, какъ въ сороковыхъ годахъ; но на сторонѣ горцевъ уже небыло увлеченія удачи, и самые жаркіе приверженцы исправительнаго тариката не смѣли начать возстанія. Въ это время приказано было Назрановскому обществу, живущему подъ Владикавказомъ и давно мирному, но безпокойному и хищническому, селиться большими аулами по примѣру Чеченцевъ, въ слѣдствіе доказанной невозможности управлять горскимъ населеніемъ, разсыпаннымъ мелкими хуторами. Поджигаемые агентами Шамиля, Назрановцы возмутились. Радостный кликъ отвѣчалъ ихъ возстанію во всѣхъ горахъ; до тѣхъ поръ довольно бывало искры для произведенія пожара. Шамиль, готовый заранѣе, устремился къ Назрану черезъ малую Чечню, надѣясь что-и это племя, только что

покоренное, увлечется примѣромъ сосѣдей. Но съ нашей стороны также были приняты мѣры заблаговременно. Колонны, тѣсною сѣтью окружавшія подгорье, мгновенно стянулись къ пункту гдѣ Шамиль вышелъ на равнину и отбросили его назадъ. Въ то же время Назрань былъ усмирень оружіемъ. Движенія, вынужденныя этимъ происшествіемъ, не замедлили ни однимъ днемъ предположенной экспедиціи.

Чеченскому отряду предстояло побѣдить мѣстность самую неприступную, можетъ быть, на всемъ Кавказѣ. Выше по Аргуну лежитъ богатая Шатоевская долина, занятіе которой на половину рѣшало дѣло; но она была за хребтомъ и къ ней вела только одна тропинка, по правому обрыву глухой тѣсины, прорытой Аргуномъ въ высочайшихъ горахъ. Одинъ заваль могъ остановить здѣсь цѣлую армію. Кругомъ и горы и ущелье одѣты дремучимъ лѣсомъ, безъ слѣда и дороги. Покуда собирался отрядъ, наши войска сдѣлали нѣсколько демонстрацій къ подошвѣ Даргинь-Дука, окончательно убѣдившихъ горцевъ, что русскіе пойдутъ по этому пути. Главное непріятельское скопище расположилось надъ даргиндукской просѣлкой откуда оно уже никакъ не могло поспѣть во-время на шатоевскую дорогу; но ущелье Чавты-Аргуна было такъ же занято партией въ нѣсколько сотъ человѣкъ, совершенно достаточной чтобъ не пропустить насъ. Генераль Евдокимовъ повелъ въ ущелье просѣлку; горскіе наибы, хорошо зная непроходимость этой мѣстности, приняли наши работы за демонстрацію и еще бдительнѣе стали

стеречь Даргиня-Дукъ. Тогда генераль Евдокимовъ перевелъ ночью отрядъ на лѣвый берегъ Аргуна по мосту, скрытно устроенному въ глубокомъ корытѣ рѣки, и съ разсвѣтомъ устремился къ Шатоевской долинь, безъ дороги, прямо черезъ лѣсной хребетъ Микенъ-Дукъ. Движеніе чеченскаго отряда было основано только на тайнѣ и расчетѣ времени, необходимаго горцамъ, для того чтобъ перейти Аргунъ и взобраться на высокіи хребетъ; потому что встрѣча значительнаго числа непріятеля въ Мексендукскомъ лѣсу была бы для насъ пораженіемъ. Расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно. Дрались только нѣсколько мѣстныхъ жителей и голова отряда уже вышла на Варандинскую поляну, когда противъ нея показалась первая запыхавшаяся толпа горцевъ. Мюриды должны были безъ боя воротиться въ ущелье.

Главное препятствіе было пройдено; но за отрядомъ разстилался Мексендукскій лѣсъ, черезъ который надобно было проложить сообщеніе. Почти цѣлый мѣсяцъ войска чеченскаго отряда работали на дороге назадъ, по обходному ими ущелью, и впередъ, къ Шатоевской долинь. Въ это время наши колонны вступили въ горы и съ другихъ сторонъ. Дегестанскій отрядъ подъ предводительствомъ генераль-адъютанта барона Врангеля, заступившаго мѣсто князя Орбеліана, двинулся къ Мичикалу, разрушая завалы, ограждавшіе доступъ въ Андію. Генераль Вревскій съ лезгинскимъ отрядомъ перешелъ снѣжный хребетъ и проникъ въ Капучинское общество, между тѣмъ какъ другой не большой отрядъ дѣйствовалъ съ

той же стороны на встрѣчу генералу Евдокимову, на верховьяхъ Аргуна. Атакованный разомъ нѣсколькими массами, опытный предводитель мюридизма сейчасъ же понялъ откуда ему нанесется главный ударъ и оставляя своимъ наибамамъ начальство въ другихъ пунктахъ, обратился съ сыновьями и главнымъ скопищемъ противъ генерала Евдокимова. Горцы заняли у аула большія Варанды чрезвычайно сильную позицію, прикрывавшую единственный доступъ къ Шатовской долины. Но Шамиль, наученный опытомъ, не довѣрялъ больше крѣпкимъ позиціямъ; зная къ чему приведетъ дальнѣйшее движеніе Русскихъ въ глубь страны, онъ рѣшился остановить его вторженіемъ въ наши предѣлы. Оставя половину своего многочисленнаго скопища на позиціи передъ Шатоемъ, имамъ устремился съ другою половиною къ Владикавказу, гдѣ онъ надѣялся пайти союзниковъ въ Назрановцахъ; при счастіи, Шамиль могъ тамъ взять верхъ надъ нашими слабыми войсками, что повело бы къ возстанію племенъ всего центрального Кавказа, еще вѣрившихъ мюридизму. Но счастіе давно уже измѣнило старому военачальнику; его отважное намѣреніе обратилось ему въ гибель. Предприимая походъ въ глубь горъ, генералъ Евдокимовъ расположилъ на плоскости колонны такимъ образомъ, что онѣ взаимно поддерживали одна другую и могли сосредоточиться на всякомъ угрожаемомъ пунктѣ. Въ одинъ и тотъ же день Шамиль, спустившійся на плоскость близъ Владикавказа, былъ на голову разбитъ генераломъ Мищенко; а генералъ Евдокимовъ, пользуясь отсутствіемъ имама, разсѣялъ скопище занимавшее

Варандинскую позицію и овладѣль Шатоемъ. Шамилъ былъ отрѣзанъ и долженъ былъ подняться по Аргуну почти до снѣжнаго хребта, для того только, чтобы бѣжать домой.

Тогда все нагорное чеченское населеніе, общество за обществомъ, возстало противъ мюридизма. Предупреждая движеніе нашихъ колоннъ, жители аргунскаго края стали вездѣ изгонять или рѣзать своихъ наибовъ, духовныхъ и всѣхъ Дагестанцевъ, чтобы они ни были. Чеченскія племена одиъ за другими присылали къ генералу Евдокимову депутатовъ съ изъявленіемъ покорности. Это движеніе распространилось далеко, даже на такія племена, которыхъ мы не могли поддержать за отдаленностію и которымъ, по этому, должны были сами совѣтовать, чтобы онѣ подождали болѣе благоприятнаго времени. Чеченцы метили мюридизму за осьмнадцатилѣтній гнетъ, давившій ихъ своевольную личность, и съ свойственною имъ пылкію искренно протягивали намъ руку. Изъ всего чеченскаго народонаселенія, у Шамиля осталась только Ичикерія, которою онъ управлялъ лично, и полу-чеченское, полу-тавлинское общество Чаберлой. Но онъ немогъ уже сомнѣваться, что и эти племена, при первомъ появленіи Русскихъ, последуютъ общему движенію.

Въ концѣ октября 1858 года обширное пространство горъ отъ военно-грузинской дороги до Шарэ - Аргуна признавало русскую власть. Для свободнаго движенія войскъ вдоль Чанты-Аргунской долины была разработана удобная до-

рога, прикрытая тремя укрѣпленіями; въ ШатоѢ водворена штабъ-квартира Навагинскаго пѣхотнаго полка. Оставалось только раскрыть вновь пріобрѣтенный край продольными путями и привести въ порядок мелкія разбойничьи общества, населявшія его западную оконечность.

Пока происходили дѣйствія на АргунѢ, генералъ баронъ Вревскій перевалился за снѣжный хребетъ и чрезъ общество Капучу вторгнулся во внутреннія земли Анкратля, куда еще никогда не проникало русское оружіе. Главныя силы Шамия были далеко; но многочисленное мѣстное населеніе, помня прошлогоднее опустошеніе Дидойскаго общества и опасаясь подобной участи для себя, стеклось подъ знамена своихъ наибовъ, съ ожесточеніемъ осаривая каждый шагъ у наступающаго отряда. Препятствія противопологаемыя въ этомъ краѣ нашему движенію природою и упорствомъ жителей, были чрезвычайны. Заоблачныя хребты, бездонныя обрывы, лѣса, каменные аулы составляли почти непроходимый лабиринтъ, гдѣ каждая десятина земли была крѣпостію для Лезгинъ. Все время похода наши войска должны были пробиваться впередъ открытою силою, штурмуя огражденные завалами кручи, колеблющіяся мостики, повѣшенные надъ бездвой, и аулы съ башнями, вѣнчающіе вершину почти отвѣсныхъ скалъ. Не смотря на упорное сопротивленіе Лезгинъ, защищавшихъ такую мѣстность, нашъ отрядъ въ теченіи 5-ти недѣль опустошилъ семь обществъ Анкратля, разорилъ болѣе сорока каменныхъ ауловъ и взялъ три укрѣпленія съ артиллеріей. Но

услѣхъ этой экспедиціи дорого намъ стоилъ. На приступъ аула Китури генераль Вревскій и нѣсколько отличныхъ офицеровъ были смертельно ранены. Принявши начальство надъ отрядомъ полковникъ Коргановъ продолжалъ наступленіе, разорилъ послѣдніе лидойскіе аулы, оставшіеся на восточныхъ предѣлахъ этого общества отъ прошлагодняго истребленія, и за тѣмъ только спустился съ горъ. Двукратное опустошеніе и потеря вѣры въ Шамиля, все лѣто терпѣвшаго пораженія, произвели свое дѣйствіе на жителей неприступнаго Лезгистана. Видя невозможность отразить наши удары и не смѣя принести покорность въ своей землѣ, которой съ наступленіемъ осени мы не могли оградить, четыре тысячи Анцухцевъ и Капучинцевъ выселились съ горъ въ наши предѣлы.

Движеніе генераль-адъютанта барона Врангеля къ Мичикалу было, какъ уже сказано, только демонстраціей, назначенной для отвлеченія силъ и вниманія Шамиля отъ Шатоя. Для рѣшительнаго наступленія со стороны Дагестана еще не пришло время. Въ 1858 году дагестанскимъ войскамъ предстояло много невидныхъ, хотя весьма важныхъ трудовъ; надобно было вполнѣ достигнуть цѣли, для которой была занята Салатавія, разработкою изъ Буртувая путей на Аухъ и на Кумыкскую плоскость. Завоеваніемъ Салатавіи связывались въ одну дѣйствующую силу, сосредоточенную противъ сѣверной стороны горъ, войска Прикаспійскаго края и Лѣваго крыла; но для того чтобы они связывались дѣйствительно, надобно

было провести изъ Буртуная къ оконечностямъ страны нѣсколько просѣкъ, собрать разсѣянное и до тѣхъ поръ еще враждебное салатавское население и покорить Духовцевъ, упорно державшихся въ своихъ лѣсныхъ хуторахъ. Салатавскій отрядъ былъ занятъ исполненіемъ этихъ предпріятій все лѣто 1858 года и всю слѣдующую зиму. Кромѣ дѣйствій въ Салатавін, дагестанскимъ войскамъ приходилось еще охранять длинную пограничную линію отъ Сулака до снѣжнаго хребта. Съ основаніемъ Буртуная, главныя силы Прикаспійскаго края были стянуты въ сѣверо-западномъ углу этой страны, отчего необходимо ослабѣли оборонительныя средства собственнаго Дагестана; а между тѣмъ, какъ ни былъ стѣсненъ непріятель, онъ располагалъ еще большими силами, и необходимость отчаянныхъ мѣръ могла устремить его на покорный Дагестанъ, какъ устремляла въ этомъ году къ сторушъ Владикавказа. Въ Прикаспійскомъ краѣ надобно было дѣйствовать весьма осторожно.

Главныя дѣйствія зимою, какъ и истекшимъ лѣтомъ, предстояли генералу Евдокимову. Съ занятіемъ аргунскаго края, войска лѣваго крыла были раскинуты на слишкомъ обширномъ пространствѣ, а между тѣмъ на нихъ лежало исполненіе самыхъ важныхъ предпріятій. Главнокомандующій усилилъ лѣвое крыло 8-ю баталіонами изъ грендерской и 18-й пѣхотной дивизій. При этомъ подкрѣпленіи генераль Евдокимовъ могъ раздѣлить свои силы. Оставляя на Аргунѣ отрядъ, достаточный для прикрытія послѣдвѣяго завоеванія и новыхъ чеченскихъ поселеній, онъ сосредоточилъ

другія войска въ Галашкахъ, на западной оконечности страны, занятой Чеченскимъ племенемъ, у предѣловъ военно-осетинскаго округа. Галашевскій отрядъ приступилъ къ разработкѣ этой глухой страны, составлявшей до тѣхъ поръ одну безвыходную дебрию, въ которой гнѣздились разбойничьи деревушки и бѣглецы со всего лѣваго крыла. Войска расчистили просѣки; но имъ невозможно было достигнуть малочисленное населеніе абрековъ, скрытое по самымъ дикимъ мѣстамъ. Для этого генераль Евдокимовъ послалъ въ горы двѣ тысячи набѣдниковъ изъ только что покореннаго населенія малой Чечни, подъ предводительствомъ ихъ наба. Чеченцы разсыпались по лѣсамъ, истребили упорствовавшихъ разбойниковъ, а прочіихъ заставили выселиться на плоскость. Къ концу года эта часть края была раскрыта и успокоена.

Покуда генераль Евдокимовъ находился въ предѣлахъ военно-осетинскаго округа, Шамиль, съ дѣятельностію возрастающею по мѣрѣ обрушивавшихся на него бѣдствій, задумалъ новый походъ, въ надеждѣ изгнать насъ изъ вновь завоеваннаго аргунскаго края. Выше Шатоевскаго укрѣпленія было заложено укрѣпленіе Евдокимовское, составлявшее верхній пунктъ нашей линіи по Аргуну; далѣе начинаются отроги снѣжнаго хребта, преграждающіе всякій путь войску въ эту пору года. Между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями Аргунъ течетъ въ каменной трещинѣ неизмѣримой глубины, въ которой вьется, изгибаясь по карнизамъ скалъ, единственная тропинка, со-

общающая два укрѣпленія. Шамиль расположилъ въ предгоріяхъ большой Чечни сильное скопище, съ цѣлю привлечь къ этой сторонѣ наши войска, а съ другой партіей бросился внезапно къ ущелью между Шатоевскимъ и Евдокимовскимъ укрѣпленіями; онъ надѣялся захватить ущелье, разрѣзавъ наши силы растянутыя по Аргуну и открыть себѣ доступъ въ за-Аргунскій край, гдѣ быстрыя движенія были не возможны для регулярныхъ войскъ въ эту пору года. Оставленнымъ въ Чечнѣ силамъ онъ приказалъ, при первомъ извѣстіи объ успѣхѣ его предпріятія, устремиться къ этому же пункту. Планъ Шамиля былъ соображенъ съ истинно-военнымъ взглядомъ и могъ поставить насъ въ затруднительное положеніе. Но мюриды дѣйствовали посреди чеченскаго населенія, разорвавшаго уже нравственно союзъ съ ними. Ихъ движенія не могли оставаться для насъ тайною. Шамиль встрѣтилъ баталіоны на пунктахъ, которые онъ надѣялся захватить печально, и долженъ былъ отказаться отъ своего смѣлаго предпріятія.

Для полнаго покоренія всего Чеченскаго племени оставалось только овладѣть Ичкеріей. Шамиль предвидѣлъ куда направятся наши силы и цѣлый годъ занимался укрѣпленіемъ своей столицы—Веденя. Не надѣясь на туземцевъ, онъ созвалъ для защиты Ичкеріи сборы изъ всего Дагестана. Передъ Рождествомъ генераль Евдокимовъ двинулъ въ Ичкерію три отряда. Первый отрядъ, подъ его личнымъ предводительствомъ, вступилъ въ ущелье Басса изъ Шали; второй, подъ начальствомъ полковника Бажанова, направился къ этой

же рѣкъ горами изъ укрѣпленія Аргунскаго; князь Мирскій привелъ третій отрядъ съ Кумыкской плоскости черезъ большую Чечню. Къ Новому году отряды сошлись на Бассѣ. Наши войска, по мѣрѣ движенія впередъ, рубили лѣсъ и прокладывали дорогу. Дагестанцы дрались упорно, никогда неуступая безъ боя чужой для нихъ земли; но ичкеринскіе Чеченцы оказывали сопротивленіе только подъ глазами тяготѣвшихъ надъ ними союзниковъ и сейчасъ же сдавались, какъ скоро Дагестанцы бывали принуждены отступить отъ ихъ жилищъ. Въ три недѣли до тысячи семействъ этого племени было выселено на плоскость. Подвигаясь вверхъ по ущелью Басса, чеченскій отрядъ подступилъ къ сильной позиціи въ урочищѣ Таузень, заблаговременно укрѣпленной непріателемъ. Генералъ Евдокимовъ отрядилъ колонну въ обходъ заваловъ по горамъ, засыпаннымъ глубокими снѣгами; когда появленіе ея на хребтѣ, выше Таузена, распространило между горцами колебаніе, генералъ Кемфертъ, подступившій къ позиціи съ фронта, сбиль ихъ однимъ быстрымъ ударомъ. Послѣ этого дѣла, разработка мѣстности потребовала опять значительнаго времени. Въ началѣ февраля ущелье Басса было расчищено до аула Алистанжи, пункта, откуда дорога въ Ведень выходитъ изъ ущелья на горы. Эта часть страны представляла горцамъ все удобства для самой сильной обороны. Генералъ Евдокимовъ предпочелъ пробиться до Веденя разомъ и поставить войска въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ непріятельскою крѣпостію, а потомъ уже разрабатывать дорогу въ тылъ. Особая колонна

была направлена по хребтамъ для обходнаго движенія, фланкировавшаго линію покоторой слѣдовало наступать главнымъ силамъ. Этотъ маневръ, совершенный нечаянно и чрезвычайно быстро, открылъ отряду путь къ Веденю. Наши войска заняли гору, въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленной резиденціи Шамиля. Здѣсь чеченскій отрядъ долженъ былъ остановиться на продолжительный срокъ, пока въ тылу позиціи не откроется удобное сообщеніе до нашихъ предѣловъ. Сбивъ горцевъ съ окрестныхъ высотъ, генераль Евдокимовъ окружилъ свои лагери засѣками и приступилъ къ устройству дороги назадъ, по пройденному пути. Ненастное время года дѣлало работы чрезвычайно затруднительными. Между тѣмъ войска, расположенныя передъ Веденемъ, заложили постоянную крѣпость, которая возвышалась по немногу въ виду непріятельской. Дорога къ Бассу, нѣсколько разъ смываемая дождями, была кончена и обсохла только къ половинѣ марта. Тогда лишь, съ прибытіемъ къ отряду артиллеріи (чеченскій отрядъ имѣлъ до тѣхъ поръ съ собою однѣ горныя орудія), можно было приступить къ осадѣ.

Ведень расположенъ въ долинѣ, при сліянніи двухъ глубокихъ овраговъ ограждающихъ его съ сѣверной стороны, откуда пришли наши войска. Съ востока его огибаеть цѣпь бугровъ, постепенно понижающихся отъ хребта; на ней былъ устроенъ горцами рядъ сомкнутыхъ редутовъ. Горскія укрѣпленія состояли изъ толстыхъ и высокихъ брустверовъ, сложенныхъ изъ бревенъ пересыпанныхъ землей, съ прикрытіемъ для стрѣлковъ, рва-

ми. полисадами, блиндажами и туръ-бастіонами. Ведень былъ занятъ гарнизономъ изъ семи тысячъ человекъ, подъ начальствомъ 14-ти наибовъ, подчиненныхъ сыну Шамиля—Кази-Магомъ. 17-го и 18-го марта заложены первыя траншеи, одна съ западной стороны крѣпости, другая противъ отдѣльнаго укрѣпленія, названнаго Андійскимъ, замыкавшимъ съ нашей стороны линію редутовъ. Особая колонна была поставлена для прерванія сообщеній непріятельскаго гарнизона съ Ичикеріей; ему оставалось отступленіе только на Андію, которое было незаставлено нарочно, чтобъ не доводить сопротивленія горцевъ до крайности. Главныя силы непріятельскихъ укрѣпленій заключались въ линіи редутовъ, окружавшихъ Ведень съ востока; онѣ командовали собственно крѣпостію, такъ что и штурмовать ее и держаться въ ней послѣ штурма, надобно было подъ ихъ огнемъ. Для того чтобъ сбить эту линію, слѣдовало только стать на одной высотѣ съ нею, занявъ одинъ изъ редутовъ. Въ послѣднихъ числахъ марта атака была доведена съ западной стороны до оврага, откуда наша артиллерія обстрѣливала подножіе редутовъ, обращенное къ крѣпости, и разрывала непріятельскій гарнизонъ на двѣ половины безъ сообщенія; съ восточной она подвинулась на 60 шаговъ къ Андійскому редуту; 1-го апрѣля назначена была штурмовая колонна подъ начальствомъ генерала Кемферта. На закатѣ, послѣ сильной кононады, засыпавшей Андійскій редутъ снарядами, онъ былъ атакованъ и взятъ мгновенно. Случилось какъ рассчитывалъ генералъ Евдокимовъ. Гарнизонъ осѣдняго редута, видя несравненно превосходнѣй-

нія силы атакующихъ возлѣ себя и на одной высотѣ, счелъ сопротивленіе невозможнымъ и отступилъ въ редутъ лежацій далѣе. Это отступленіе сообщилось всей линіи и черезъ два часа редуты были брошены непріателемъ. Съ этой минуты крѣпость была открыта прицѣльному огню сверху. Движеніе колонны полковника Черткова по ущелью Хулхулау, на единственную линію отступленія остававшуюся горцамъ, покончило дѣло. Непріатель зажегъ крѣпость и ушелъ на гору. Послѣ кровавыхъ штурмовъ предшествовавшей эпохи, стоившихъ столько тысячъ людей, штурмъ рѣшившій участь Веденя обошелся въ 26 человекъ выбывшихъ изъ строя.

Пока продолжалась осада Веденя, генералъ-адъютантъ баронъ Врангель вступилъ въ Ичкерію съ востока, для проложенія просѣкъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, по которымъ наши войска отступали изъ Дарго въ 1845 году. Новыя просѣки были проложены съ этой стороны. Къ началу лѣта, непрерывными дѣйствіями чеченскаго и сала-тавскаго отрядовъ, разбросившихъ колонны по всѣмъ направленіямъ, Ичкерія была раскрыта и покорены населенія этой страны, Ауха и выходцы большой Чечни, скрывшіеся отъ нашей власти въ лѣсныхъ предгоріяхъ. Большая Чечня снова заселилась своими прежними жителями собранными въ большіе аулы. Совершенная безопасность, даже для одиночнаго путника, водворилась на всемъ пространствѣ только-что покореннаго края.

Сейчасъ же послѣ покоренія Веденя значительное Чаберловское общество, послѣдняя че-

ченская земля Шамиля, не дожидаясь русскихъ колоннъ, само возстало противъ его власти, выгнало мюридовъ и прислало депутацію генералу Евдокимову.

Весь чеченскій народъ былъ покоренъ до послѣдней деревни. Шамилю оставался одинъ Дагестанъ. Но покуда Дагестанъ стоялъ подъ знаменемъ мюридизма, наше господство на Кавказѣ оставалось столь же шаткимъ при владѣннн Чечнею, какъ и безъ нея. Въ Дагестанѣ заключалась вся нравственная сила мусульманскаго возстанія.

Этотъ обширный, малоизвѣстный въ своихъ глубинахъ, неприступный край, населенный воинственными и изувѣрно-фанатическими племенами, рабски покорствующими передъ духовною властію, могъ отстаивать свою независимость и безъ содѣйствія Чечни, какъ это было доказано прежними годами. Во время ахульгинскаго похода, еще до возстанія Чеченцевъ, когда мы владѣли въ срединѣ горъ преданными намъ Аваріей и Койсубу, когда далеко еще не всѣ дагестанскія племена стояли за мюридизмъ, противъ Шамиля были направлены съ двухъ сторонъ главныя силы Кавказскаго корпуса. Въ то время русскія войска положили пять тысячъ человѣкъ передъ одной деревней, разрушеніемъ которой ограничился результатъ похода. Теперь Шамилю повиновался весь Дагестанъ, устроенный и обставленный крѣпостями; силы мюридизма были гораздо значительнѣе чѣмъ въ 1859 году. Разница состояла только въ относительномъ положеніи нашемъ и непріятельскомъ; но въ этой разницѣ уже заклю-

чалась вся послѣдующая судьба войны. Завоеванія двухъ предыдущихъ годовъ измѣнили кореннымъ образомъ стратегическія условія наступленія на Дагестанъ и глубоко потрясли увѣренность горскаго населенія въ неодолимости его убѣжищъ. До сихъ поръ мы могли проникать въ Дагестанъ только съ двухъ сторонъ: съ южной и восточной. Южная сторона защищена снѣжнымъ хребтомъ, за которымъ нельзя было утвердиться; восточная—широкой оборонительной полосой, гдѣ продолжительная война, обратила каждую деревню въ крѣпость. И тамъ и здѣсь наступающія войска должны были тѣснить горцевъ отъ окружности къ центру, въ неизвѣданныя глубины края, слишкомъ обширнаго, чтобъ его можно было пройти въ одинъ разъ; съ каждымъ шагомъ внутрь страны, силы горцевъ возрастали, а для насъ увеличивались затрудненія продовольствія и сообщенія. Эти условія до сихъ поръ дѣлали возможною въ горахъ только войну методическую. Съ завоеваніемъ Аргунскаго края и Ичикеріи, мы открыли наступленію третью сторону Дагестана, гдѣ ничто не было приготовлено для энергической обороны—ни люди, ни жилища ихъ; поставили свое военное основаніе подлѣ той самой неизвѣстной глубины горъ, на которую опирались пограничныя племена. Опытъ лезгинскихъ походовъ показалъ уже какъ было слабо сопротивленіе горцевъ внутри Дагестана,—отрядъ который тамъ бралъ штурмомъ по три аула въ день, былъ бы недостаточенъ для осады одной деревни на пограничной восточной полосѣ. Во всякомъ случаѣ, съ стѣвренной стороны, открытой послѣдними завоеваніями,

Дагестанъ былъ естественно не сильнѣе чѣмъ лезгинская линія, съ которой сняли бы прикрытіе снѣжнаго хребта. Но, кромѣ того, вступая въ Дагестанъ съ этой стороны, мы съ перваго шага овладѣвали самымъ сердцемъ края и тѣснили горцевъ уже не отъ окружности къ срединѣ, но изъ средины къ окружности, опрокидывая ихъ на наши пограничныя линіи и заходя въ тылъ ихъ оплотамъ. Это новое стратегическое положеніе было послѣдствіемъ и цѣлью всѣхъ предыдущихъ походовъ. Пока происходило завоеваніе Чечни, войска Прикаспійскаго края упрочивались въ Салатавіи; къ лѣту 1859 года прежній базисъ наступленія на Дагестанъ со стороны моря былъ уже брошенъ; оба войска, лѣваго крыла и дагестанское, сосредоточились на одной линіи, въ твердо занятыхъ пунктахъ, противъ сѣверной, вновь раскрытой стороны горъ. Только отрядъ Лезгинской линіи, дѣйствовавшій со стороны Грузіи, по необходимости составлялъ совершенно отдѣльную массу.

Увѣренность въ себя горскаго населенія, такъ долго составлявшая силу мюридизма, была глубоко потрясена послѣдними событіями. Въ 1858 и первыхъ мѣсяцахъ 1859 года всѣ пораженія обрушивались на Тавлинцевъ, такъ какъ чеченское населеніе, имѣвшее уже свою очередь, по возможности уклонялось отъ боя и покорялось при первомъ успѣхѣ съ нашей стороны. Тавлинцы извѣдали достаточно въ чужомъ краю, на сколько самыя сильныя позиціи, увѣренныя ихъ оборонѣ, удерживали въ послѣднее время русскія войска; они не могли ждать для себя ничего другаго и до-

ма. Народный энтузіазмъ и рѣшимость защищаться до послѣдняго поддерживался увѣренностію въ возможности отбиться; съ паденіемъ этой увѣренности, необходимо должна была ослабѣть и энергія массы. Оставался Шамиль съ своею прочно-утвержденною властію, за которую стояли все присяжные лица мюридизма, то есть вся мыслящая часть населенія, выходящая изъ народной толпы. Шамиль располагалъ еще большими силами; онъ могъ выставить противъ насъ много тысячъ храбрыхъ воиновъ, имѣлъ вѣрныхъ и опытныхъ помощниковъ, неприступныя крѣпости, значительныя матеріальныя средства. Но въ это время, съ ослабленіемъ надежды отбиться отъ Русскихъ, каждый горецъ естественно сталъ думать о себѣ лично, о своемъ семействѣ и имуществѣ. Не подлежало омиѣнію что толпы, собравныя подъ глазами Шамиля или его главныхъ наивовъ, будутъ драться рѣшительно; но съ ослабленіемъ народной вѣры въ успѣхъ, эти толпы становились войсками въ опредѣленномъ смыслѣ слова, войсками, за которыми не сражался уже каждый камень; на нихъ можно было наступать по чисто-стратегическимъ соображеніямъ, какъ во всякой другой войнѣ и рѣшить дѣло быстрымъ вторженіемъ.

Теперь это ясно. Но въ прошломъ іюнѣ Дагестанъ представлялся еще такую непроходимую тущобою, такъ была свѣжа память кровавыхъ и безполезныхъ попытокъ, двадцать лѣтъ сряду повторявшихся противъ этой земли, что казалось невозможнымъ кончить дѣло однимъ ра-

зомъ. Никто не сомнѣвался, что теперь стало возможнымъ сломить Дагестанъ; но сломить его въ нѣсколько пріемовъ, методически, какъ это происходило въ Чечнѣ, рассчитывая дѣйствія на известное число лѣтъ. Всѣ были тогда убѣждены въ этомъ, положительно всѣ, кромѣ одного человѣка; къ счастью этотъ человѣкъ былъ главнокомандующій. Завоеваніе Дагестана совершилось въ пять недѣль, и Кавказъ навсегда избавился отъ мюридизма, грызшаго, какъ язва, его внутренности. (*)

Общее наступленіе предположено было начать со всѣхъ сторонъ одновременно, въ первыхъ числахъ іюля. Главный чеченскій отрядъ, въ числѣ 14-ти тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, подъ личнымъ начальствомъ графа Евдокимова, былъ сосредоточенъ около Веденя; другой небольшой отрядъ лѣваго крыла, полковника Кауфмана, готовился выступить изъ Шатоя. Въ Прикаспійскомъ краѣ главный отрядъ, салатавскій, въ составѣ около 9-ти тысячъ, которыя должны были впоследствии еще усилиться, собрался въ Буртунаѣ. Всѣмъ этимъ войскамъ, составлявшимъ массу около 25-ти тысячъ штыковъ и коней, назначено было произвести наступленіе съ сѣвер-

(*) Понятно, что источники, изъ которыхъ почерпнуто это показаніе, какъ и многія другія въ этомъ сочиненіи, въ настоящее время еще не могутъ быть обнародованы. Но самъ фактъ совершенно извѣстенъ лицамъ, сколько нибудь посвященнымъ въ планы совершившагося покоренія. Когда будетъ написана исторія кавказской войны, это обстоятельство станетъ внѣ всякаго сомнѣнія.

ной стороны горъ. Восточная сторона Дагестана, обращенная къ Каспійскому морю, охранялась отрядомъ въ пять баталіоновъ, расположеннымъ на Турчидагѣ подь начальствомъ генерала князя Тарханова, готовымъ сейчасъ перейти въ наступленіе. Изъ Темаръ-Ханъ-Шуры также готовы были двинуться, въ случаѣ надобности, около 2-хъ тысячъ человекъ въ промежутокъ между сала-тавскимъ и турчидагскимъ отрядами. Эти три отряда состояли въ распоряженіи генераль-адъютанта барона Врангеля, находившагося при сала-тавскомъ отрядѣ. На Лезгинской линіи, подь начальствомъ командующаго войсками генерала князя Меликова, сосредоточился на горѣ Нахалистави отрядъ въ 7000 человекъ, фланкируемый двумя небольшими отрядами со стороны крѣпости новыхъ Закаталъ и Тушетія, подь предводительствомъ князя Шаликова и князя Челокаева. Вся масса войскъ, собранная съ величайшими усиліями для наступленія въ горы съ трехъ сторонъ, не превышала 40 тысячъ человекъ подь ружьемъ изъ 240 тысячъ, составлявшихъ въ эти мѣсяцы Кавказскую армию (изъ 160-ти, если не считать войскъ праваго крыла и Кутаисскаго генераль-губернаторства). Разительный примѣръ локализованія, можно сказать поглощенія войскъ, для потребностей мелкой обороны и занятія края, бывшихъ послѣдствіемъ кавказской войны.

Дѣйствія трехъ отрядовъ—чеченскаго, дагестанскаго и лезгинскаго, фланкируемыхъ завистѣвшими отъ нихъ второстепенными колоннами, были подчинены одному общему плану; по каждый

командующій войсками былъ самостоятеленъ на своемъ военномъ театрѣ и руководствовался мѣстными соображеніями для достиженія поставленныхъ ему цѣлей. Наибольшая сила оборонительной системы непріятеля состояла въ линіи Андійскаго-Койсу, прикрывавшей непокорныя горы съ сѣвера, отъ снѣжнаго хребта до Сулака, прочно укрѣпленной и занятой многочисленными скопищами горцевъ. Эта линія останавливала наступленіе чеченскаго и дагестанскаго отрядовъ почти съ перваго ихъ шага въ горы. Лезгинскій отрядъ, дѣйствовавшій съ южной стороны, находился нѣкоторымъ образомъ въ тылу этой линіи, но отдѣленный отъ нея обширнымъ пространствомъ самыхъ недоступныхъ горъ, въ которыя наши войска еще никогда не пытались проникнуть. Но плану князя Барятинскаго, отряды должны были сойтись противъ средняго теченія Андійскаго-Койсу, разрушая совокупнымъ усиленіемъ оборонительную линію горцевъ. Главная, хотя пассивная роль въ общемъ наступленіи принадлежала чеченскому отряду, направшему противъ самой неприступной части непріятельской линіи; къ этимъ войскамъ прибылъ самъ главнокомандующій, чтобы находиться въ центрѣ дѣйствій. Чеченскій отрядъ, многочисленнѣйшій изъ трехъ, шелъ кратчайшимъ путемъ къ среднему теченію Андійскаго-Койсу; черезъ нѣсколько времени, съ углубленіемъ въ горы другихъ колоннъ, онъ долженъ былъ стать связующей и опорной массой для вѣхъ наступающихъ войскъ. Присутствіе въ чеченскомъ отрядѣ главнокомандующаго и самое направленіе отряда, — въ сердце непокорной земли, — необходи-

мо заставляло мюридовъ обратить все вниманіе на эту часть нашихъ силъ, ждать рѣшительнаго удара только отъ нея и сообразовать свои дѣйствія съ ея дѣйствіями. Подвигаясь медленно, ничѣмъ не обнаруживая своихъ намѣреній, главнокомандующій приводилъ Шамиля въ недоумѣніе и заставлялъ его держать въ массѣ свои главныя силы; тѣмъ легче фланговые отряды могли нанести горцамъ внезапный ударъ. Достаточно было одному изъ нихъ достигнуть праваго берега Андійскаго-Койсу, чтобъ испровергнуть всю оборонительную систему непріятеля. По всей вѣроятности, дѣйствующая роль должна была выпасть на долю дагестанскаго отряда. Онъ наступалъ рядомъ съ чеченскимъ; успѣхъ съ каждой стороны былъ общимъ. Въ нижней части теченія Койсу непріятель имѣлъ менѣе силъ чѣмъ въ средней. За рѣкой, противъ Гумбета, лежатъ Койсубу и Аварія, общества твердо-стоявшія за насъ въ 1843 году и претерпѣвшія потомъ долгое гоненіе отъ Шамиля. Прорвавшись за рѣку въ нижней части теченія, мы прямо вступали въ этотъ край, единственный въ Дагестанѣ, на дружелюбіе котораго можно было разсчитывать немедленно. Съ возстаніемъ Аваріи, въ Дагестанѣ должно было начаться такое же разложеніе, какое предало намъ Чечню. Во всякомъ случаѣ, съ содѣйствіемъ или безъ содѣствія Аваріи, разъ прорвавшись за рѣку, дагестанскому отряду стоило только протянуть правый флангъ вверхъ по ея берегу чтобъ взять въ тылъ укрѣпленія, нагроможденныя горцами противъ Технуцала. Тогда чеченскій отрядъ могъ свободно перейти Койсу и протянуть руку лезгинскому, ко-

торый до тѣхъ поръ былъ отдѣленъ, какъ бездною, отъ силъ дѣйствующихъ съ сѣвера. Но, если бы дагестанскій отрядъ встрѣтилъ съ своей стороны препятствія неопредѣлимые, то въ этой крайности лезгинскій отрядъ могъ проникнуть въ глубину горъ и выйти въ тылъ непріятельской линіи, хотя съ гораздо большимъ рискомъ и значительною тратою времени. Во всякомъ случаѣ, тотъ или другой долженъ былъ обойти Шамяля и овладѣть переправами черезъ Койсу. — Тогда всѣ три отряда соединились въ сердце горъ и походъ борьбы становился несомнѣннымъ; оставалось только быстро преслѣдовать Шамяля, не давая ему утвердиться въ какой-либо части края.

По этому плану, чеченскій отрядъ долженъ былъ въ началѣ похода дѣйствовать методически, разрабатывая дорогу изъ Веденя въ Андю; лезгинскій отрядъ — продолжать систему, которой онъ держался уже два года, — разорять непріятельскій край, подвигаясь понемногу въ глубь горъ; рѣшительное наступленіе съ перваго шага предстояло только дагестанскому отряду. Какъ на графа Евдокимова было возложено исполненіе плановъ главнокомандующаго въ методической войнѣ, такъ теперь возлагалось на барона Врангеля нанести мюридизму быстрые и окончательные удары.

Сѣверная сторона Дагестана, на которую наступали соединенныя силы лѣваго крыла и прикаспійскаго края, ограждена по всему протяженію чрезвычайно высокими, но не снѣжнымъ хребтомъ, который тянется сплошною стѣною къ сѣ-

веро-востоку, отъ предѣловъ Хевсуріи до Салатавіи, отдѣляя чеченское населеніе отъ тавлинскаго. За хребтомъ, на разстояніи отъ 15 до 20 верстъ, течетъ въ глубочайшей пропасти Андійское-Койсу. Черезъ хребетъ нѣтъ ни одного ущелья; надобно лѣзть на его вершину и потомъ опять спускаться въ страшную глубину. Черезъ рѣку переправы существуютъ только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ пробиты тропинки, ведущія къ руслу наискось, по отвѣснымъ скаламъ. Длинная полоса между хребтомъ и рѣкою разрѣзана на нѣсколько отдѣльныхъ клѣтокъ контръ-форсами хребта, упирающимися въ самый берегъ Койсу. Шамиль устроилъ съ глубокимъ военнымъ взглядомъ оборону этой страны. Войска лѣваго крыла и прикаспійскаго края должны были наступать отдѣльно, имѣя особое основаніе военное и продовольственное, одно въ недавно-покоренной Ичкеріи, другое въ Салатавіи. Передъ чеченскимъ отрядомъ лежала Андія, передъ дагестанскимъ Гумбетъ, раздѣленные высокимъ контръ-форсомъ, черезъ который эти страны сообщаются только по двумъ путямъ: верхнимъ, черезъ такъ называемыя Андійскія ворота и нижнимъ, надъ рѣкою. Шамиль укрѣпилъ правый берегъ Койсу и этотъ перпендикулярный къ рѣкѣ контръ-форсъ. Противъ Технуцальской долины, около аула Конхидатль, куда долженъ былъ спуститься чеченскій отрядъ и гдѣ рѣка течетъ въ плоскихъ берегахъ, на противоположной сторонѣ была устроена горцами цѣлая система укрѣпленій, каменныхъ стѣнъ съ бойницами и батареями, въ 8 верстъ длиною. Брать силою эти укрѣпленія, которымъ бѣшеная рѣка служи-

ла природнымъ рвомъ, могло считаться почти невозможнымъ. Далѣе, на значительномъ разстояніи, Койсу непроходимъ по самой мѣстности. Противъ Гумбета, на пути наступленія дагестанскаго отряда, Шамиль укрѣпилъ Согритлохскій мостъ блиндированными галлереями, скрытыми въ скалахъ и недосыгаемыми ни съ какой стороны, даже для артиллерійскаго огня. Мосты черезъ Койсу онъ оставилъ только въ недоступныхъ для насъ мѣстахъ, оградивъ ихъ завалами. На остальномъ теченіи не только мосты были сняты, но даже скалы надъ рѣкою оборваны отвѣсно. Верхній путь, соединяющій Андію и Технуцалъ съ Гумбетомъ, былъ перерѣзанъ башнями и завалами въ Андійскихъ воротахъ и на сосѣднихъ тропицахъ. На нижнемъ пути, въ томъ мѣстѣ гдѣ контрфорсъ упирается въ рѣку, Шамиль сильно укрѣпилъ Килитлинскую гору и расположился на ней съ главными силами, какъ въ центральномъ пунктѣ. Все населеніе Андіи, Технуцала и Гумбета было принуждено перевести семейства и стада на другой берегъ рѣки и сжечь свои аулы. При такомъ расположеніи обороны, все стратегическія выгоды были на сторонѣ горцевъ. Съ первымъ шагомъ въ непріятельскую землю, дагестанскій и чеченскій отряды разъединялись занятымъ горцами контрфорсомъ и упирались въ препятствіе почти неодолимое.—Андійское-Койсу; между тѣмъ какъ непріятель могъ отказываться отъ боя когда хотѣлъ, запираясь въ своихъ укрѣпленіяхъ; могъ также устремлять противъ разъединенныхъ отрядовъ или колоннъ, отряжаемыхъ ими, всю массу своихъ силъ, нисколько не опасаясь за тылъ

и фланги. Лежавшій передъ нашими отрядами военный театръ представлялъ шахматную доску, въ которой всѣ границы между клѣтками во власти непріятеля. Мы имѣли только одно преимущество—тактическое превосходство нашихъ войскъ. Если можно было найти случай гдѣ-нибудь воспользоваться этимъ преимуществомъ и только въ одномъ пунктѣ прорвать оборонительную сѣть непріятеля, дѣло было выиграно, потому-что горцы не могли возратить себѣ утраченной выгоды открытымъ боемъ. Предстоявшія дѣйствія были рассчитаны на этомъ соображеніи.

Къ 1-му іюля въ крѣпости Грозной собрались: начальникъ главнаго штаба, начальники спеціальныхъ оружій арміи и походный штабъ. 4-го іюля прибылъ къ войскамъ главнокомандующій, прямо изъ Петербурга, куда онъ уѣзжалъ на короткое время. Черезъ нѣсколько дней началось наступленіе.

14 іюля главный чеченскій отрядъ выступилъ изъ Ведевя и расположился у озера Яніамъ. Два дни сряду потомъ главнокомандующій производилъ рекогносцировки къ сторонѣ Андій. 17-го отрядъ перешелъ къ озеру Ретло. 18-го снова была большая рекогносцировка. Въ это время Шамиль жегъ андійскія и техвупальскія деревни. 22-го чеченскій отрядъ опять подвинулся впередъ и сталъ на краю андійскаго хребта, надъ долиною Техвучала. При каждой стоянкѣ войска разрабатывали черезъ горы удобную колесную дорогу. Шамиль напряженно слѣдилъ за дѣйствіями главнаго отряда изъ своихъ укрѣпленныхъ позицій. Тѣмъ

временемъ участь первой половины похода была уже рѣшена на другомъ пунктѣ.

Генераль-адъютантъ баронъ Врангель въ первыхъ числахъ іюля занялъ съ бою позицію у Мичикала, на сѣверной подошвѣ гумбетовскаго хребта. Получивъ здѣсь послѣднія инструкціи главнокомандующаго, онъ двинулся впередъ въ тотъ же день какъ и чеченскій отрядъ, 14-го іюля. За хребтомъ, на дорогѣ отряда, горцы заняли крѣпкій аулъ Аргуани, взятіе котораго въ 1839 году стоило намъ 800 человекъ; но дагестанскій отрядъ, достигнувъ послѣднихъ вершинъ хребта, направился по отрогу выходящему въ тылъ деревни. Горцы должны были бросить эту позицію безъ боя. Съ высотъ около Аргуани открылось расположеніе половины, по крайней мѣрѣ, шамилевыхъ скопищъ. Онѣ тѣснились у Андійскихъ воротъ и по всему контръ-форсу, ожидая очевидно, что дагестанскій отрядъ будетъ силою открывать сообщеніе съ чеченскимъ. За рѣкой никого не было видно; владѣя нѣсколькими мостами, горцы могли безпрепятственно переходить съ одного берега на другой и потому не озаботились предварительно занять противуположную сторону. Баронъ Врангель, не теряя минуты, воспользовался этою оплошностію. Не смотря на чрезвычайное утомленіе войскъ послѣ усиленнаго перехода по горамъ, зная что у его дагестанскихъ солдатъ всегда станетъ силы когда впереди есть нужное дѣло, баронъ Врангель сейчасъ же двинулъ къ согритлохскому мосту колонну подъ начальствомъ генерала Ракуссы. Эти войска нашли мостъ снятымъ и вокругъ такую мѣст-

ность, что къ рѣкѣ можно было подойти только правильными работами, подъ убійственнымъ непріятельскимъ огнемъ; поэтому онѣ не могли перейти рѣку немедленно. Но на другое утро найдено было, въ верстѣ ниже, мѣсто, на которое горцы не обратили вниманія и гдѣ было возможно, хотя съ величайшими затрудненіями, накинута мостъ. Выше и ниже совершенно отвѣсныя берега не позволяли даже спуститься къ водѣ. Прибывъ на передовую позицію, генералъ Врангель рѣшилъ переправляться въ этомъ пунктѣ. Войска заняли высоты лѣваго берега, командующаго правымъ только въ одномъ этомъ мѣстѣ, и сейчасъ же покрыли ихъ завалами для стрѣлковъ и артиллеріи, прежде чѣмъ непріятель успѣлъ занять противоположную сторону значительными силами. Съ этой минуты мы владѣли переправой; нашъ огонь засыпалъ другой берегъ до такой степени, что когда опоздавшія скопища горцевъ прибыли къ Согритло и привезли свои пушки, онѣ не могли уже ни спуститься къ рѣкѣ, ни строить противъ насъ заваловъ, ни ударить въ голову переходящей колоннѣ; все дѣйствіе ихъ ограничилось тѣмъ, что они съ окрестныхъ горъ обстрѣливали лагерь и переправу. Оставалось только сладить съ бѣшенною рѣкою; но это была самая трудная часть дѣла. Всѣ матеріальныя средства для переправы, принесенныя на солдатскихъ рукахъ, состояли въ веревкахъ и нѣсколькихъ доскахъ. Два дни работа не удавалась. Нѣсколько человекъ переправились въ люлькѣ, скользившей надъ пучиной по канату и засѣли въ пещерѣ противоположнаго берега, вырѣзавъ защищавшихъ ее мюридовъ. Но по канату нельзя

было переправить отряда, а между тѣмъ горекія екопища съ-часу-на-часъ усиливались и покрыли всѣ окрестныя горы. Только на третій день черезъ Койсу была перекинута зыбкая веревочная плетенка (*) въ 15-ть сажень длиною и нѣсколько вершковъ шириной, по которой люди должны были переходить въ одиночку. На разсвѣтъ нѣсколько ротъ стянулись на другомъ берегу и смѣло пошли въ тылъ галереямъ, ограждавшимъ согритлохскій мостъ. Не смотря на чрезвычайное численное превосходство, горцы уклонились отъ открытаго боя и отступили на горы. Въ Согритло, гдѣ скалы надъ рѣкою почти сходятся, немедленно былъ устроенъ постоянный мостъ.

Чтобъ открыть доступъ въ Аварію, оставалось взять ахъ-кентскую гору, круто поднимающуюся надъ рѣкой и уже огражденную завалами. 21-го іюля, какъ только сообщеніе между двумя берегами было прочно установлено, баронъ Врангель двинулъ впередъ штурмовую колонну, подъ начальствомъ генерала Ракуссы. Войскамъ надобно было подняться по извилистой тропинкѣ на два чрезвычайно высокіе уступа и черезъ густой лѣсъ, у подошвы отвѣснаго каменнаго гребня, взойти на вершину, отъ которой рядъ высокихъ горныхъ подянь тянется до самой Аваріи. Войска двинулись передъ разсвѣтомъ, взобрались на первый уступъ, сбивая непріятеля снизу вверхъ, провались черезъ лѣсъ; но тутъ увидѣли передъ собой крѣпкіе завалы съ бойницами и туръ-бастіонами, къ которымъ нельзя было подойти ина-

(*) Подполковникомъ Девелемъ.

че какъ медленно карабкаясь на крутизну, подъ прицѣльнымъ огнемъ горцевъ; успѣхъ штурма былъ сомнительный, а потеря неизбѣжно была бы огромная. Съ быстротою и увѣренностію въ себѣ, отличающимися кавказскаго солдата, баталіоны повернулись направо и полѣзли прямо на гребень, подъ которымъ шли. Люди взбирались на отвѣсную крутизну подсаживая другъ друга, цѣпляясь за ращелины и растенія проросшія въ скалу, подъ градомъ сбрасываемыхъ на голову имъ камней; черезъ часъ передніе баталіоны были уже на вершинѣ; горцы бѣжали съ обойденныхъ заваловъ.— Въ тотъ же вечеръ дагестанскому отряду покорился аулъ Цатаныхъ, гдѣ прежде было наше укрѣпленіе, взятое въ 1843 году Шамилемъ.

22-го іюля весь дагестанскій отрядъ расположился на горахъ, у аула Ахкентъ. Когда войска разбивали палатки, цатаныхцы прискакали въ лагерь просить помощи противъ угрожавшей имъ партіи мюридовъ. Партія оказалась депутаціей всѣхъ аварскихъ селеній, присланной къ барону Врангелю. Аварцы говорили: «мы уже шестнадцать лѣтъ грыземъ желѣзо Шамиля, дожидаясь, «чтобъ вы протянули намъ руку. Теперь пришелъ конецъ его царству.»

Покуда баронъ Врангель паступалъ со стороны Андійскаго-Койсу, собранныя въ Темиръ-Ханъ-Шуръ войска, соединившись съ турчидагскимъ отрядомъ, вошли подъ начальствомъ генерала Манюкина на хребетъ ограждающій Койсубулинское общество съ восточной стороны и разрушили горское укрѣпленіе Бурундукъ-Калс. Съ 22-го числа

койсубулинцы перестали сопротивляться; пограничная крѣпость Улли-Кале открыла намъ ворота. Генераль Манюкинъ занялъ гарнизонами эту крѣпость и многіе пункты на пути и приступилъ къ устройству переправы черезъ Аварское-Койсу, чтобы открыть барону Врангелю прямое сообщеніе съ Темиръ-Хавъ-Шурою.

Въ вѣсколько дней Аварія и Койсубу были приведены въ подданство русскому престолу. Въ-стѣ съ этимъ дружелюбнымъ населеніемъ покорилось самое враждебное, гумбетовское, неуклонно стоявшее за мюридизмъ со дня его появленія на Кавказѣ. Въ Койсубу и Гумбетѣ было возстановлено народное управленіе, подавленное мюридизмомъ. Власть надъ Аваріей, по предварительному разрѣшенію ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, вручена Ибрагимъ-хану Мехтулинскому, ближайшему родственнику угасшаго Аварскаго дома. Покорившіеся жители сейчасъ же выставили ополченіе противъ мюридовъ. Но, кромѣ того, съ завоеваніемъ сѣверо-западной части горъ, дагестанскій отрядъ могъ располагать мѣстными перевозочными средствами, которые жители охотно предлагали и тѣмъ чрезвычайно облегчили главное затрудненіе горной войны,— продовольствіе войскъ. Жительскіе транспорты могли передвигать склады провіанта всюду, гдѣ была въ нихъ надобность, не требуя никакого прикрытія. Съ этимъ пособіемъ, быстро и искусно организованнымъ, дагестанскій отрядъ получилъ подвижность, о какой прежде нельзя было и думать; непроходимая мѣстность горъ раскрылась для него.

Съ занятіемъ Койсубу и Аваріи оборонительная линія горцевъ падала сама собою; дагестанскій отрядъ могъ въ два перехода зайти ей въ тыль. 18-го іюля Шамиль прискакалъ съ килитлинской горы къ Согритло, чтобъ удостовѣриться въ переходѣ русскихъ черезъ Койсу, и видѣлъ своими глазами наши баталіоны на правомъ берегу. Съ этой минуты предводителю мюридизма оставалось одно изъ двухъ: или запереться въ завалахъ килитлинской горы, откуда ему уже не было выхода, но гдѣ его не легко было взять; или сейчасъ же очистить берега Койсу и отступить со всѣмъ скопищемъ въ Карату (ставшую столицей горъ послѣ паденія Веденя), пока въ окружавшей его толпѣ не начался еще разбродъ. Подъ глазами имама горцы не положили бы оружія и Шамиль могъ продлить еще нѣсколько времени свое владычество надъ народомъ. Но тотъ и другой шагъ доказывали безсиліе мюридизма передъ русскимъ оружіемъ. Шамиль колебался нѣсколько дней и потерялъ все разомъ. Вѣсть объ изъявленіи покорности аварцами и койсубулинцами мгновенно разнеслась по горамъ и вызвала наружу чувства, давно накупѣвшія на серцѣ народа; каждый сталъ думать о своей личной безопасности, отказываясь приносить жертвы очевидно проигранному дѣлу. Установленные мюридизмомъ власти лишились всякаго значенія въ глазахъ толпы. Народная партія, тридцать лѣтъ безмолствовавшая передъ духовнымъ деспотизмомъ, вдругъ выступила впередъ и вездѣ взяла верхъ. Политическое могущество мюридизма рухнуло въ три дня.

Съ этой минуты русскіе лагеря наполнились бывшими предводителями горцевъ и народными депутаціями. Значительные люди наперерывъ другъ передъ другомъ торонились заявить преданность новой власти, въ надеждѣ сохранить пріобрѣтенное положеніе; общества спѣшили принести покорность, чтобъ избавиться отъ погрома и опеки бывшихъ начальниковъ, полетѣвшихъ къ ставкѣ побѣдителя. Все, имѣвшее какое-нибудь положеніе, устремилось куда было ближе, — къ главнокомандующему, барону Врангелю или князю Меликову. Не много достоинства и характера выказали въ этомъ переломѣ люди, тридцать лѣтъ удивлявшіе Россію своею непреклонною твердостью; но къ такимъ явленіямъ при общественныхъ переломахъ исторіи уже не привыкать, ни въ Европѣ ни въ Азіи.

Когда Шамиль, послѣ нѣсколькихъ дней колебанія, рѣшился наконецъ отступить въ Карату; собранныя имъ толпы не признавали уже ничьей власти. Люди, принадлежавшіе къ покорившимся обществамъ, первые бросили ввѣренныя имъ посты и воротились домой; ихъ примѣръ увлекъ прочихъ. Только что Шамиль съѣхалъ съ киличской горы, ввѣривъ оборону крѣпости одному изъ наибовъ, занимавшій ее гарнизонъ разграбилъ склады провіанта и разбѣжался. Изъ нѣсколькихъ тысячъ горцевъ занимавшихъ берегъ Койсу, только нѣсколько десятковъ челоѣкъ послѣдовали за Шамилемъ. Каратинцы, не смотря на свою крѣпкую мѣстность, отказались защищаться. Всѣ средства сопротивленія разомъ изсякли для Ша-

мля. Видя свое дѣло окончательно проиграннымъ въ сѣверномъ Дагестанѣ, онъ рѣшился броситься на юго-востокъ, въ тогъ поясъ крѣпостей и воинственнаго населенія, о который до сихъ поръ разбивались всѣ усилія русскихъ. Дальновидный имамъ давно уже приготовилъ себѣ въ этомъ краѣ убѣжище, на неприступной горѣ Гунибѣ. Явившись въ пору въ Андалалѣ, Шамиль могъ надѣяться удержать въ повиновеніи многочисленное и фанатическое населеніе этой страны и если не поправить, то по крайней мѣрѣ затянуть дѣла на неопредѣленное время.—Андалалъ огражденъ природою со всѣхъ сторонъ: съ юга—снѣжными горами, съ востока и сѣвера—бездонными пропастями, въ которыхъ текутъ три Койсу. Населеніе этой части горъ сгруппировано въ огромныхъ каменныхъ аулахъ, которые могутъ, каждый, выдержать правильную осаду. Утвердившись въ срединѣ Андалала на гунибской горѣ, дѣйствительно не приступной при достаточныхъ средствахъ обороны, Шамиль могъ поддерживать рѣшительность окрестнаго населенія, привлечь въ Андалалъ толпы фанатиковъ и преданныхъ ему людей изъ всѣхъ горъ, и противопоставить намъ сопротивленіе, котораго никакими силами нельзя было сломить сразу. Остаткамъ мюридизма надобно было только удержать оружіе въ рукахъ до наступленія зимы. Наши войска не могли продолжать похода по горамъ, засыпаннымъ снѣгами, за невозможностію продовольствовать лошадей и Шамиль, остался бы съ глазу на глазъ съ населеніемъ, двадцать пять лѣтъ дрожавшимъ передъ его именемъ. Въ Андалалѣ долженъ былъ рѣшиться исходъ войны.

Покореніе Аваріи отозвалось въ этомъ краѣ, какъ и въ другихъ. Враждебная Шамилю партія сейчасъ же выступила впередъ; но во главѣ ея сталъ не приверженецъ старины, а одинъ изъ основателей мюридизма, цѣлый годъ боровшійся съ Шамилемъ, за верховную власть, извѣстный Кибитъ-Магома. Лишенный оффиціального значенія, но чрезвычайно вліятельный въ горахъ, этотъ человекъ увлекъ за собой населеніе Тилитля, одного изъ главныхъ андалальскихъ ауловъ, и послалъ депутацію къ генералу Врангелю. Поборники мюридизма были однакожь еще сильны въ Андалалѣ и прочіе аулы молчали. Исходъ дѣла зависѣлъ отъ того, какая партія возметъ тамъ верхъ. Получивъ депутацію Кибитъ-Магомы, баронъ Врангель немедленно двинулъ къ предѣламъ Андалала князя Тарханова, стоявшаго на восточномъ рубежѣ Дагестана; но въ турчидагскомъ отрядѣ, послѣ завятія столькихъ пунктовъ, оставалось очень немного людей. Князь Тархановъ, извѣстный своею рѣшительностію, двинулся прямо къ Чоху, одной изъ главныхъ твердынь Шамиля, взбунтовалъ населеніе аула, заставилъ мюридовъ бѣжать изъ крѣпости и ввелъ въ нее русскій гарнизонъ; но Чохъ поглотилъ его послѣднія силы; дальше ему не съ чѣмъ было итти. Другія войска дагестанскаго отряда были разбросаны быстрымъ вторженіемъ по Гумбету, Койсубу и Аваріи; правыя колонны его протянулись къ Каратѣ, для открытія сообщенія съ чеченскимъ отрядомъ. Тѣмъ временемъ Шамиль ускакалъ съ многими приверженцами изъ Караты въ Андалалъ. Два раза ограбленный на дорогѣ, отброшен-

ный въ леса Караха людьми Кибигъ-Магомы, онъ успѣлъ однакожь добраться до Гуниба. При отсутствіе имама на неприступномъ Гунибѣ, посреди Андалала, котораго главные аулы еще не изъявили покорности, снова запутывало дѣло и требовало самыхъ быстрыхъ мѣръ.

Сообщеніе между дагестанскимъ и чеченскимъ отрядами черезъ Карату было открыто 27-го іюля. Черезъ три дня потомъ, въ главный отрядъ прибылъ генераль-адъютантъ баронъ Врангель. Съ обѣихъ сторонъ путь въ глубину горъ былъ свободенъ. Главнокомандующій рѣшился немедленно двинуть на Андалалъ всѣ наличныя силы, какими только могъ располагать, чтобы подавить въ этомъ краѣ приверженцевъ имама прежде чѣмъ они успѣютъ соединиться; тѣсно окружить Гунибъ и запереть на немъ безвыходно Шамиля съ его послѣдними мюридами. При видѣ развитыхъ нами силъ, партія Кибигъ-Магомы должна была взять верхъ въ Андалалѣ; но все зависѣло отъ быстроты дѣйствій.

Главнокомандующій былъ увѣренъ въ спокойствіи вновь покорившагося населенія, которое не могло послѣ такого крутаго перелома снова перейти черезъ нѣсколько дней во враждебный станъ. Полагаясь на энергію, если не на вѣрность толпы, князь Бяратинскій двинулъ въ Андалалъ всѣ колонны разбѣянные по Аваріи, Гумбету, Койсубу и Кара-Койсу, оставляя въ только что завоеванныхъ горахъ лишь нѣсколько ротъ, для прикрытія мостовъ и складовъ провіанта. Изъ чеченскаго отряда была направлена тудаже колонна черезъ

Карату. Главное затрудненіе при этомъ непредвидѣнномъ сосредоточеніи войскъ въ юго-западномъ углу горъ, состояло въ ихъ продовольствіи. Заготовленные для похода провіантскіе склады дагестанскихъ войскъ находились въ Салатавін; на предѣлахъ Андалала ничего не было запасено. Немедленно были приняты чрезвычайныя мѣры. Энергическое исполненіе ихъ начальникомъ штаба Прикаспійскаго края княземъ Мирскимъ позволило развить военную операцію со всею самостоятельностью, безъ малѣйшей потери времени; мѣстными средствами найденными въ горахъ, черводарскимъ транспортомъ, полковыми выюками, войска собранныя въ Андалалѣ продовольствовались со дня на день черезъ хребты Гумбета, Койсубу и Аваріи; между тѣмъ какъ обозы, внезапно сформированныя въ покорномъ Дагестанѣ, вывозили запасенный въ горахъ провіантъ къ ближайшимъ пунктамъ, откуда, послѣ первыхъ дней, андалальскій отрядъ долженъ былъ уже правильно продовольствоваться.

Со вступленіемъ значительныхъ силъ въ Андалалъ, враждебная Шамилю партія немедленно восторжествовала. Вся страна и окружающія ее горныя общества изъявили покорность передъ барономъ Врангелемъ. Наши войска тѣсно обложили Шамиля, засѣвшего съ нѣсколькими стами отчаянныхъ людей на недоступной вершинѣ Гуниба.

Двинувъ генераль-адъютанта Врангеля въ Андалалъ, главнокомандующій спустился 4-го августа съ чеченскимъ отрядомъ въ долину Технуцала.

и сталъ лагеремъ на Андійскомъ-Койсу, около селенія Конхидатль, противъ покинутыхъ горскихъ укрѣпленій. На другой день въ конхидатльскій лагерь прибылъ съ кавалеріей командующій войсками лезгинской линіи генералъ князь Меликовъ.

Покуда происходили описанныя дѣйствія въ сѣверномъ и западномъ Дагестанѣ, лезгинскій отрядъ наступалъ на страны лежащія по истокамъ Андійскаго-Койсу, въ самыхъ дикихъ, едва проходимыхъ горахъ. Князь Меликовъ двинулся въ походъ ранѣе другихъ отрядовъ. Стянувъ свою главную массу у подножія горы Шахались-Тави, онъ сталъ 6-го іюля на хребтѣ, разграничивающемъ Дидойское и Капучинское общества, устроивая здѣсь вагенбургъ и работывая дорогу къ планхевскимъ деревнямъ. Въ то же время вышли на горы боковыя колонны, въ двухъ оконечностяхъ лезгинской линіи: тушинская—въ верхнее ущелье Андійскаго-Койсу, закательская—противъ истоковъ Аварскаго-Койсу. Оставивъ тяжести въ вагенбургѣ, князь Меликовъ перешелъ на хребетъ Бешо и предпринялъ оттуда рядъ движеній противъ лезгинскихъ обществъ. Онъ разорилъ поочередно селеніе Китури, сгонившіе въ прошломъ году жизни генералу Вревскому, деревни въ верховьяхъ дидойскихъ притоковъ Койсу, большой ауль Хупро, ввозъ отероенный послѣ разгрома 1857 года. Тушинскій отрядъ, между тѣмъ, привелъ къ покорности жителей верхняго ущелья Андійскаго-Койсу и черезъ Дидойское общество, истребляя лежащія на пути аулы, присоединился къ князю Меликову. Не видя конца опустошеніямъ, многія лез-

гинскія селенія стали выдывать аманатовъ. Въ это время разлилось по горамъ движеніе, начавшееся съ Аваріи. Выборные и значительные люди изъ всѣхъ окрестныхъ обществъ стеклись въ лагерь лезгинскаго отряда. Въ нѣсколько дней покорились общества: Дидо, Иланхеви, Тиндаль, Кварешно. Въ началѣ августа, исполняя планъ главнокомандующаго, князь Меликовъ предпринялъ смѣлое движеніе къ Технуцалу, черезъ снѣжные отроги Богоскаго хребта, по глубинамъ края, никогда еще невидѣвшаго Русскихъ. Этотъ походъ былъ совершенъ съ особенною быстротою и точностію. Лезгинскій отрядъ дошелъ до селенія Тинды, надъ Андійскимъ Койсу. Оттуда князь Меликовъ продолжалъ путь съ одной конницей и вышелъ на Конхидатль, слѣдуя между чеченскимъ обществомъ Джамамалъ и лезгинскимъ Богулалъ, которые Шамиль прозвалъ своею Сибирью.—Такимъ образомъ непокорный край былъ пройденъ по всѣмъ направленіямъ. Три отряда, вступившіе въ горы съ разныхъ сторонъ,—сѣверо западной, сѣверо-восточной и южной,—вошли въ связь, какъ было предположено, въ средней части Андійскаго Койсу, опираясь на центральную массу чеченскаго отряда. По возвращеніи изъ Конхидатля, князь Меликовъ долженъ былъ перейти съ своимъ отрядомъ съ верховьевъ Андійскаго-Койсу на верховья Аварскаго, приводя къ покорности южныя лезгинскія общества, занять Прибъ, считавшійся главнымъ пунктомъ всего Лезгистана, и прибыть подъ Гунибъ, гдѣ главнокомандующій назначилъ ему новое свиданіе. Какъ въ первой половинѣ похода, такъ и во второй, операціонныя линіи всѣхъ дѣй-

ствующихъ силъ должны были пересѣчься въ одной точкѣ, опредѣляющей общее направленіе похода; теперь, эта точка была перенесена съ середины Андійскаго-Койсу къ юго-восточной оконечности горъ, въ Андалаль. Заложивъ на самомъ мѣстѣ лагернаго расположенія мостовое укрѣпленіе, названное Преображенскимъ, главнокомандующій выѣхалъ 10-го августа, подъ прикрытіемъ небольшого конвоя, къ войскамъ сосредоточеннымъ въ Андалаль, черезъ Койсубу и Аварію. Чеченскій отрядъ остался въ Андіи, подъ начальствомъ генерала Кемферта, оканчивать предпринятія работы.

Путешествіе побѣдителя Кавказа черезъ покоренный имъ край имѣло видъ торжественнаго шествія. Его встрѣчали рѣчами и адресами, салютационные залпы гремѣли въ аулахъ, безчисленные толпы стекались чтобъ взглянуть на него. Князь Барятинскій проѣзжалъ Аварію, покорившуюся только двѣ недѣли тому назадъ, не въ головѣ войскъ, но какъ правитель, съ одною конвойною сотнею; иногда даже его сопровождали исключительно туземцы. Горцы поняли, что теперь война дѣйствительно кончена.

18-го августа главнокомандующій обогнулъ гунибскую гору и прибылъ на кегерскія высоты, въ главную квартиру дагестанскаго отряда. Съ этого мѣста можно было обнять глазомъ всю массу Гуниба, встающую къ востоку за глубокимъ обрывомъ Кара-Койсу.

Гунибъ, мѣтко прозванный солдатами горой-гитарой, имѣеть дѣйствительно очертаніе этого инструмента безъ шейки, наклоненнаго съ востока на западъ, къ лѣвому берегу Кара-Койсу. Онъ стоитъ уединенно въ группѣ окрестныхъ горъ, господствуя надъ ними. Скатъ Гуниба чрезвычайно кругъ, болѣе 45° и поднимаются на версту и болѣе, оканчиваясь отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ сажень вышины, которымъ окружена вся верхняя площадь горы, составляющая не менѣе 100 квадратныхъ верстъ; этотъ поясъ поднятъ и надъ внутреннюю сторону, такъ что самая поверхность горы образуетъ какъ бы чашку. У подошвы окружность Гуниба около 60-ти верстъ. Съ высшей, восточной окраины, на наклонной площади течетъ небольшая рѣчка, низвергающаяся потѣмъ каскадами въ Койсу. На Гунибѣ находятся аулъ и нѣсколько хуторовъ, мѣльницы, березовыя роицы, пастбища и пахатныя поля, — все, что нужно для жизни человѣка. На гору ведетъ только одна тропинка, съ берега Кара-Койсу, смертая на нѣкоторомъ протяженіи отвѣсными скалами. Шамаль перегородилъ это мѣсто высокою стѣною съ бойницами. На сѣверной сторонѣ вѣнецъ скалъ, оканчивающій крутизну, въ одномъ мѣстѣ немного раздвигается, оставляя узкій проходъ; горцы перерѣзали его завалами, хотя туда вовсе нѣтъ дороги. Съ другихъ сторонъ въ каменномъ поясѣ есть нѣсколько дождевыхъ промоинъ, по которымъ смѣлые охотники подымались съ помощію веревки; но на глазъ эти всходы совершенно недоступны. При силѣ, достаточ-

ной для занятія стрѣлками всей верхней окружности Гуниба, на что нужно не менѣе полуторы тысячи человѣкъ, эта гора дѣйствительно неприступна. Но у Шамиля было только четыреста ружей (считая въ томъ числѣ населеніе аула) и 3 пушки. Но даже при такихъ силахъ защитниковъ, гунибская позиція была чрезвычайно крѣпка; глядя на гору, нельзя было придумать съ какой стороны подступить къ ней.

При Шамилѣ находились только трѣ или четыре человѣка, замѣтные по ихъ прежнему положенію. Онъ привелъ съ собою на Гунибъ небольшое число своихъ домашнихъ мюридовъ, нѣсколько отчаянныхъ абрековъ, нѣсколько изувѣрныхъ послѣдователей тариката и сотню бѣглыхъ солдатъ, дотого обремененныхъ преступленіями, что они не смѣли воспользоваться дарованнымъ всепрощеніемъ и явиться съ повинной, вмѣстѣ съ товарищами. Созданное мюридизмомъ государство, тридцать лѣтъ боровшееся противъ Русской имперіи, началось горстью фанатиковъ и кончалось шайкою разбойниковъ.

Еще до прибытія главнокомандующаго, баронъ Врангель тѣсно обложилъ Гунибъ. Всѣ тропинки ведущія на полъ горы изъ лежащихъ внизу ауловъ были заняты отдѣльными колоннами. Съ восточной стороны, обращенной внутрь горъ, блокада была ввѣрена полковнику Радецкому; противъ юго-восточнаго угла и всей южной стороны — полковнику Тергукасову; по берегу Койсу — полковнику Кононовичу; съ сѣверной стороны —

генералу князю Тарханову. Застѣвшіе на горѣ мюрнды были заперты безвыходно.

17 Августа Шамиль прислалъ къ барону Врангелю парламентеровъ съ предложеніемъ перемирія. Предложеніе было принято. По прибытіи главнокомандующаго въ кегерскій лагерь, немедленно начались переговоры о сдачѣ, но не привели ни къ чему, не смотря на самыя великодушныя условія, объявленныя Шамилю и полную безопасность, обѣщанную его людямъ. Старый предводитель мюридизма очевидно колебался между убѣжденіями всей жизни, заставлявшими его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха и привязанностию къ многочисленному семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ; кромѣ того, выросшій въ непримиримой враждѣ къ Русскимъ, онъ еще не вполне довѣрялъ нашимъ обѣщаніямъ. Послѣднія слова Шамиля, заключившія переговоры, были: Гунибъ высокая гора; я сижу на ней. «Надо мной, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть штурмуютъ».

Во время переговоровъ, въ кегерскій лагерь прибылъ генералъ князь Меликовъ, исполнившій предписанное ему движеніе. Лезгинскій отрядъ прошелъ глубиною горъ съ верховьевъ Андійскаго Койсу на правый берегъ Кара-Койсу, привелъ къ покорности остальные племена Лезгистана, вездѣ встрѣчавшія наши войска съ радушіемъ, занялъ Прибъ и разрушилъ укрѣпленія этого аула. Изъ Приба князь Меликовъ выступилъ съ одною копноцею. Восточныя горы были покорены до по-

сѣдной деревни, кромѣ Гуниба, на которомъ соединилось все оставшееся отъ мюридизма.

23 Августа атака Гуниба была поручена, подъ главнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Врангеля, начальнику инженеровъ Кавказской арміи генералу Кеслеру. 24, колонна князя Тарханова заняла съ боя сады, лежащія на сѣверной сторонѣ Гуниба, и стала у самой подошвы горы; колонна полковника Кононовича поднялась изъ русла Койсу и заложила стрѣлковъ на первомъ уступѣ берега. Въ ночь съ 24 на 25-е предположено было устроить на полу-горѣ ложементы для этихъ двухъ колоннъ; но войска, разъ ринутыя въ бой, пошли дальше и дальше. Полковникъ Кононовичъ, подымаясь по дорогѣ, встрѣтилъ самое сильное сопротивленіе и долженъ былъ остановиться. Но въ то же время полковникъ Тергукасовъ, стоявшій противъ юго-восточнаго угла Гуниба, высмотрѣвъ предварительно большую прогину въ скалистомъ поясѣ вѣнчающемъ гору, устремился къ ней на разсвѣтѣ и съ помощію веревокъ и лѣстницъ, взшелъ на верхнюю площадь. Князь Тархановъ сдѣлалъ ночью фальшивую атаку, заставившую мюридовъ сбросить внизъ приготовленные ими груды камней. Два часа гора гудѣла подъ прыгающими обломками скалъ. Когда кончился этотъ каменный дождь, князь Тархановъ двинулъ свои колонны вверхъ къ прорыву, раздвигающему въ этомъ мѣстѣ скалы карниза, разметалъ непріятельскіе завалы и сталъ на горѣ. Наши войска заняли двѣ противоположныя окраины Гуниба. Большая часть защитниковъ горы бы-

ла истреблена или взята. Шамиль съ остальною частью заперся въ ауль, около котораго сошлись всѣ три колонны.

Въ полдень прибылъ на Гунибъ главнокомандующій и потребовалъ отъ Шамиля немедленной сдачи. Вокругъ небольшого аула, занятаго сотней мюридовъ, тѣсно стояли 14 баталіоновъ. Остатку вепріятеля не было возможности ни уйти, ни отбиться. Послѣ двухъ часовъ колебанія, старый имамъ вышелъ изъ аула и сдался на волю побѣдителя.

Въ березовой рощѣ, на камнѣ, гдѣ сидѣлъ князь Барятинскій, принимая плѣннаго Шамиля, вырѣзаны годъ, день и часъ окончанія кавказской войны «1859 года, 25-го Августа, 4 часа по полудни.»

Шамиль былъ взятъ ровно черезъ три года, изо дня въ день, съ назначенія князя Барятинскаго главнокомандующимъ — 25 августа 1856 года.

Князь Барятинскій извѣстилъ изъ подъ Гуниба армию о совершившихся событіяхъ двумя послѣдовательными приказами. — Первый приказъ былъ отданъ 22-го Августа:

«Воины Кавказа! Въ день моего пріѣзда въ «край, я призвалъ васъ къ стяжанію великой славы ГОСУДАРЮ нашему и вы исполнили надежду мою.»

«Въ три года вы покорили Кавказъ отъ моря Каспійскаго до Военно-грузинской дороги.»

«Да раздастся и пройдетъ громкое мое спасибо «по побѣжденнымъ горамъ Кавказа и да проникнетъ

оно со всею силою душевнаго моего выраженія «до сердець вашихъ.»

Второй приказъ отъ 26-го августа:

«Шамиль взятъ—поздравляю Кавказскую армию.»

Во время начальствованія князя Барятинскаго, до личнаго его выступленія въ походъ, у горцевъ взято 8-мь орудій; при окончательномъ покореніи горъ 52, — всего 60 орудій. Нашихъ плѣнныхъ освобождено свыше 2-хъ тысячъ обою пола.

Восточныя горы покорены навсегда. Такое явленіе какъ мюридизмъ не повторяется дважды въ жизни народовъ. Но даже мюридизмъ, выразившій послѣднюю степень фанатизма самаго фанатическаго изъ вѣрованій, превращавшій всего человѣка въ страсть и выросшій на самой благопріятной почвѣ, какая только могла встрѣтиться для того въ мірѣ, соединилъ противъ насъ горцевъ лишь въ слѣдствіе обстоятельствъ, совершенно исключительныхъ. Когда началась на Кавказѣ проповѣдь исправительнаго тариката, глубина горъ была еще неизвѣстна и почти недоступна; все совершавшееся въ ней было скрыто отъ нашихъ глазъ. Не взглянувъ хорошо въ характеръ вновь прибрѣтеннаго края, русская власть

начала свои дѣйствія ложной системой—уничтоженіемъ самобытныхъ общественныхъ учрежденій, ломкою властей, выросшихъ изъ народной почвы, заставлявшихъ каждое племя дорожить своею самостоятельностью; русское начальство собственными руками разбило плотины, чрезъ которыя мюридизму трудно было бы прорваться. Затѣмъ, для наружнаго удобства управленія, стали повсемѣстно вводить законодательство по шариату, предавая горское населеніе безграничному влиянію враждебнаго намъ ученія. Какъ только мюридизмъ, бывший еще малочисленною сектою, укрылся въ горахъ, какъ нарочно усилія Кавказскаго корпуса были направлены въ другую сторону и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ поборники исправительнаго тариката имѣли полный просторъ на восточномъ Кавказѣ. Горцы тридцатыхъ годовъ были подготовлены вѣками для нравственнаго пожара, внезапно охватившаго Кавказъ. Эти богато-одаренные люди жили только непосредственными впечатлѣніями, дожидаясь первой идеи, которая могла бы проникнуть въ ихъ умы. Въ кавказскихъ горцахъ сливаются свойства двухъ породъ, которыя они разгравичиваютъ. Съ страстною впечатлительностію Азіятцевъ, они соединяютъ энергію, независимость личности и предприимчивость Европейцевъ, такъ рѣзко отличающія ихъ отъ разслабленныхъ единовѣрцевъ, живущихъ за ними до самаго края азіятскаго материка. Мюридизмъ увлекъ горцевъ съ обѣихъ сторонъ ихъ природы, создавъ для нихъ идеальную жизнь, не требующій никакого нравственнаго усилія человека надъ собою, состоящей изъ битвъ,

приключеній, опасностей и грабежа, увѣнчанныхъ расмѣ. Пока нужно было только дѣйствовать, горцы стекались подъ знамена имама съ безпримѣрною ревностію. Но когда мюридизмъ сталъ устраивать ихъ жизнь на основаніи шаріата и наложилъ на человѣка религіозную опеку, они обратились противъ него. Предоставленные самимъ себѣ, глазъ на глазъ съ шаріатомъ, горцы не выдерживаютъ мусульманскаго характера. Черезъ нѣсколько времени религіозная сторона мюридизма исчезнетъ въ народномъ воспоминаніи; объ немъ останется только преданіе какъ о великой борьбѣ кавказскихъ племенъ противъ Русскихъ. Теперь, съ паденіемъ мюридизма, горское населеніе опять распалось на отдѣльныя племена. Древнія народныя учрежденія, сообразованныя съ потребностями русской власти, отчасти уже возстановленные, будутъ вездѣ приведены въ ясность и формально узаконены. Восточный Кавказъ, раздѣленный на двѣ большія области—Лѣваго крыла и Прикаспійскаго края, подраздѣленъ на 11-ть округовъ; въ каждомъ округѣ должны находиться судъ и расправа по обычаю, изъ народныхъ старшинъ и выборныхъ. Обществами, составляющими округъ, управляютъ наибы изъ почетныхъ, преданныхъ намъ туземцевъ. Этотъ образъ управления, въ первый разъ основанный въ Чечнѣ княземъ Барятинскимъ, во время его командованія лѣвымъ флангомъ, оправданъ долголѣтнимъ опытомъ. Вновь покоряемые Чеченцы твердо стояли за насъ даже при сомнительной еще борьбѣ; страна ихъ пользовалась относительно безопасностію, между тѣмъ какъ нельзя было пройти безъ сильнаго

конвой черезъ земли другихъ обществъ, покорныхъ уже полъ-столѣтїя. На Кавказѣ народное самоуправленіе, основанное на ясно опредѣленныхъ правахъ, съ устраненіемъ духовнаго вліянія, лучше охраняегь спокойствіе края, чѣмъ тысячи штыковъ. Но мѣръ того, какъ въ разныхъ частяхъ Кавказа замолкали выстрѣлы, храброе, но голодное населеніе горъ, складывало ружья и жадно принималось за мирный трудъ. Съ развитіемъ народнаго благосостоянія, непременно возникнутъ новыя общественныя потребности, неудовлетворяемыя древнимъ обычаемъ, и сами вызовутъ постепенное введеніе просвѣщеннаго законодательства.—Внутренность горъ дѣятельно раскрывается удобными дорогами. Въ послѣдніе три года, наши войска подвигались впередъ не иначе, какъ съ лопатою и топоромъ въ рукахъ; гдѣ прошли онѣ, тамъ теперь по бывшимъ горнымъ тропинкамъ ѣздятъ на колесахъ; а дороги въ горахъ тоже, что окна въ домѣ; ими только проходитъ свѣтъ снаружи. Черезъ годъ группа восточнаго Кавказа будетъ прорѣзана искусственными путями по всѣмъ направленіямъ; переправы и дефилеи будутъ ограждены небольшими сомкнутыми укрѣпленіями, требующими лишь нѣсколько ротъ гарнизона для всей страны. Кавказъ будетъ покоенъ, потому что будетъ доступенъ во всѣхъ глубинахъ и со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, воинственное населеніе горъ станетъ само себя охраной. Набранныя изъ туземцевъ войска служатъ также вѣрно какъ и русскія, что давно извѣстно на Кавказѣ, а для охраненія спокойствія въ горахъ, онѣ гораздо дѣятельнѣе послѣднихъ. Туземныя дружины, при-

влекая къ себѣ самую рѣшительную молодежь, облечены въ глазахъ горскаго населенія не только матеріальною, но чрезвычайно нравственною силою, которой оно не смѣетъ противиться; эти дружины составляютъ звено между горными племенами и русскою властью. Продолжительная, ожесточенная война слишкомъ сильно развила и безъ того воинственный духъ кавказскихъ племенъ, чтобъ не дать ему исхода; въ горахъ слишкомъ много людей, привыкшихъ кормиться однимъ оружіемъ, чтобъ оставить ихъ голодать безъ занятія. Эти самые люди—качаги, абереки, разбойники всякихъ наименованій, дѣлавшіе окрестности горъ непроходимыми на сто верстъ кругомъ, поступивъ охотниками въ горскія дружины, будутъ вѣрными солдатами, какъ это доказалъ конно-дагестанскій полкъ, лучшею полиціею въ горахъ и превосходнымъ войскомъ для внѣшней войны,—Французскими туркосами,—только гораздо вышшаго качества. Для содержанія спокойствія въ горахъ, устроенныхъ и раскрытыхъ, потребуется весьма немного войскъ. Кавказъ, поглощавшій до сихъ поръ половину дѣйствующихъ силъ имперіи, скоро самъ станетъ для нее источникомъ новыхъ силъ.

Покореніе восточныхъ горъ внезапно измѣнило условія оборонительнаго и наступательнаго положенія Кавказской Арміи. Съ нынѣшняго года перешеекъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями на вѣки укрѣпленъ за Россіею, какія бы политическія сочетанія ни произошли въ сосѣднихъ странахъ, какія силы ни были-бы направлены противъ Кавказа.—Но досихъ поръ имперія только

обезпечила себѣ владѣніе перешейкомъ. Для устройства этой страны въ томъ видѣ какъ оно должно быть, чтобы вполне соответствовать цѣлямъ и пожертвованіямъ государства, остается сдѣлать еще очень многое. Только черезъ нѣсколько лѣтъ напряженныхъ усилій, при неослабленныхъ средствахъ, можно будетъ сказать: готово!

Первое дѣло предстоящее на Кавказѣ, дѣло, которое должно окончить какъ возможно скорѣе, есть покореніе западныхъ горъ. Съ паденіемъ Шамля тылъ кавказской арміи обезпеченъ, разсыпанныя силы ея собраны; но то и другое совершенно еще не исполнѣно, покуда Кутаисское генералъ-губернаторство отдѣлено отъ Кубанской линіи широкимъ поясомъ непокорныхъ горъ, покуда значительная масса войскъ неподвижно прикована къ одной части края. Враги Россіи, кто бы они ни были, все еще имѣютъ союзника на Кавказѣ. Одна возможность бороться противъ Русской имперіи, постоянно доказываемая на дѣлѣ, въ какомъ бы отдаленномъ углу страны ни происходила борьба, необходимо держать все населеніе въ тревожномъ состояніи и разжигаетъ надежды, которыя безъ этого не могли бы существовать. Тѣмъ болѣе такой примѣръ опасенъ въ мусульманскомъ краѣ. Кромѣ того, непокорные Адыги владѣютъ берегомъ моря, открывающимъ имъ сообщеніе съ цѣлымъ свѣтомъ. Я нисколько не разделяю мнѣнія, чтобы земля Адыговъ была воротами, раскрытыми для вражескаго вторженія въ сердце Кавказа. Пройти эту землю также трудно союзникамъ какъ и врагамъ; а буйные Усбѣхъ

или Шапсуги, кромѣ того, могутъ быть чѣмъ нибудь союзниками развѣ только на три дня. Но и безъ посторонней поддержки, существованіе открытаго врага между Кубанью и Абхазіей довольно обременительно и опасно. Теперь, съ паденіемъ восточныхъ горъ, борьба на Кавказѣ нравственно рѣшена. Противъ такихъ дѣствующихъ силъ, которыми располагаетъ кавказская армія, Адыги не могутъ долго держаться; но только противъ такихъ силъ. Уменьшеніе арміи ранѣе полного успокоенія страны снова затянуло бы дѣло на Кавказѣ и въ сложности стояло бы гораздо дороже чѣмъ сильныя, но кратковременныя дѣйствія. Еслибъ въ 1816 году, съ назначеніемъ генерала Ермолова на Кавказъ, ему отдѣлили нѣсколько полковъ возвратившихся изъ заграницы, имперія избѣжала бы тридцатилѣтней войны съ мюридизмомъ и сократила свои жертвы сотнями милліоновъ рублей и сотнями тысячъ людей. Западныя горы должно покорить неотлагательно, не щадя для того никакихъ жертвъ.

Второе дѣло, необходимое для Кавказа и въ военномъ и въ общественномъ отношеніи, для арміи и для края вмѣстѣ, есть сооруженіе закавказской желѣзной дороги. Я немогу развитъ здѣсь этотъ вопросъ, уже обсуженный властію; для подобаго развитія понадобилась бы другая книга, такихъ же размѣровъ; но укажу его главные черты. Если въ истекшей войнѣ судьба страны, занятой слишкомъ двухсотъ-тысячной арміей, рѣшалась на полѣ сраженія 9-ю баталіонами, это проходило столько же отъ поглощенія нашихъ силъ

горскою войною, сколько отъ чрезвычайной медленности сообщеній, заставлявшей разбрасывать войска по всѣмъ пунктамъ, на которыхъ могъ показаться непріятель; иначе мы не успѣли бы туда во время; а на Кавказѣ, при извилистомъ очертаніи границы и сухопутной и морской, есть нѣсколько линій, ведущихъ прямо отъ окружности къ центру; линій, владѣніе которыми стратегически рѣшаетъ судьбу войны. Продовольствіе надобно было готовить за долго впередъ, съ величайшими затрудненіями, сообразно съ первоначальнымъ расположеніемъ войскъ, котораго потомъ уже нельзя было измѣнить, за невозможностію двигать магазины. Войска были прикованы къ своимъ провіантскимъ складамъ, не смотря на то, что военныя обстоятельства принимали иногда совсѣмъ другой оборотъ; отчего происходили раздробленность и слабость массы, въ совокупности довольно значительной.—Для того чтобы сила русскихъ войскъ въ Закавказьѣ и въ оборонительномъ и въ наступательномъ отношеніи соответствовала ихъ действительной численности, надобно прорѣзать край желѣзною линіею отъ моря до моря. Тогда Закавказскія войска, бывшія до сихъ поръ слабыми по своей раздробленности, составятъ одну массу и ударъ ихъ во всякую сторону станетъ неотразимъ. При быстромъ развитіи волжскаго и каспійскаго парадства, Закавказье, связанное въ одно цѣлое желѣзною дорогою, станетъ во всѣхъ своихъ пунктахъ на трехнедѣльномъ маршрутномъ пути отъ главныхъ центровъ государства, войдетъ въ общій составъ русскихъ областей. Въмѣсто многочисленной арміи, которую теперь по необходимос-

ти, даже и безъ горской войны, надобно содержать въ этомъ отдаленномъ пограничномъ краѣ, Закавказье надобно будетъ занимать сильно только въ военное время, какъ и всякую часть границы, соразмѣря эти силы съ видами правительства или дѣйствительною опасностію, а не совсякою возможною случайностію, какъ теперь, когда загорный край отстоитъ отъ внутренности Россіи на полгода пути. Экономія для государства будетъ огромная, могущество его со стороны кавказскаго перешейка утронется, а въ тоже время кавказская армія сдѣлается подвижною, какъ всѣ дѣйствующія войска имперіи. На благосостояніе загорнаго края желѣзная дорога будетъ имѣть тоже вліяніе, какое имѣетъ орошеніе на плодородную, но спаленную соляцемъ почву. До сихъ поръ всѣ природныя силы Закавказья спали въ землѣ; единственнымъ потребителемъ здѣсь была казна. Желѣзная дорога сдѣлаетъ эти области, доставлявшіе покуда только одинъ расходъ, самостоятельную и богатѣйшею частию имперіи. Наконецъ, линія желѣзной дороги отъ Баку до Поти, вѣнчающая наше положеніе на Кавказѣ, обезпечена въ экономическомъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ всякая изъ русскихъ линій, которымъ предстоитъ возбудить и привлечь къ себѣ движеніе, пока еще не существующее; между тѣмъ какъ груды товаровъ на 25 милліоновъ рублей, ежегодно наводняющія Персію и всю верхнюю Азію черезъ Трапезонтъ, дожидаются только удобнаго пути чтобы направиться по Закавказью и Каспійскому морю. Въ настоящую пору эта торговля пробивается черезъ самую негостепріимную страну — высокую

горную площадь турецкой Арменіи, безъ дорогъ и на выюкахъ. Желѣзная дорога между двумя морями необходимо притянетъ ее къ себѣ и удвоитъ количество товаровъ, уменьшивъ ихъ продажную цѣну. Стоимость дороги, по сдѣланнымъ уже исчисленіямъ, развѣ очень немногимъ превзойдетъ стоимость русскихъ линій; цѣнность груза трапезонской торговли должна съ избыткомъ окупить эту сумму, даже при высокихъ процентахъ. Это предпріятіе, необходимое въ политическомъ и военномъ отношеніи, въ тоже время выгодно въ отношеніи экономическомъ.

Съ завоеваніемъ западныхъ горъ и устройствомъ желѣзной дороги между Чернымъ и Каспійскимъ морями, кавказская армія войдетъ въ составъ дѣйствующихъ силъ имперіи. Покуда нельзя опредѣлить даже приблизительно на сколько это возвращеніе двухъ-сотъ тысячъ солдатъ, можетъ быть первыхъ въ свѣтѣ, исключенныхъ до сихъ поръ изъ итога русскихъ силъ, возвыситъ военное могущество государства. Безпрерывная и безпощадная война образовала на Кавказѣ цѣлый рядъ поколѣній, воспитанныхъ въ боевомъ ремеслѣ почти наследственно. Новобранецъ, вступивъ въ Кавказскій полкъ и еще не видавши непріятеля, привыкаетъ уже къ мысли о войнѣ, какъ о натуральномъ и повседневномъ дѣлѣ жизни; сдѣлавъ нѣсколько походовъ, онъ развивается лично, не только какъ солдатъ, но какъ боецъ. Онъ безпрестанно встрѣчается съ врагомъ одинъ на одинъ,—въ лѣсной цѣпи, на горной тропинкѣ, въ штурмуемой саклѣ, и привыкаетъ надѣяться только на себя,—на свое

сердце и свое ружье. Когда потом смыкается колонна из этих людей, совершенно увѣренныхъ въ себя по одиночкѣ, въ ней рождается такое убѣжденіе въ своей неодолимости, что устоять противъ нее можетъ только несоразмѣрная матеріальная сила. Мы довольно видѣли примѣровъ этому въ минувшей войнѣ. Подобное воспитаніе давалось только древнимъ войскамъ, гдѣ каждый солдатъ былъ боецъ, и утратилось совершенно въ войскахъ европейскихъ съ той минуты, когда долгъ солдата сталъ состоять лишь въ томъ чтобы идти массой за своимъ знаменемъ и слушать команды. Каковъ кавказскій солдатъ, таковъ въ своемъ родѣ и офицеръ. Русской отвагѣ нужно широкое поле; въ мирное время только на Кавказѣ гремитъ оружіе и манитъ въ эту сторону людей съ военными склонностями. Молодые офицеры, которыхъ сердце влечетъ къ боевой жизни, по немногу сами собою стекаются на Кавказъ. Горская война быстро развиваетъ ихъ военный инстинктъ, выдѣлываетъ изъ офицера настоящаго начальника, способнаго управлять людьми и распоряжаться боемъ. И въ лѣсу, и въ горахъ, какъ бы ни былъ многочисленъ отрядъ, ротный командиръ, вступившій въ дѣло, становится отдѣльнымъ начальникомъ, однимъ изъ виновниковъ общаго успѣха или неудачи; ему предоставляется вести почти не зависимое дѣло, въ которомъ его характеръ и распорядительность получаютъ самостоятельныя права. Огвѣтственность за военныя соображенія спускается на Кавказѣ гораздо ниже чѣмъ въ европейской войнѣ и люди, поставленные предъ ежедневною разсѣвкою опыта, сортируются сами собою.

Кромѣ того, особенныя обстоятельства жизни и дѣйствія развили въ кавказскихъ полкахъ, въ самой сильной степени, духъ военной семьи, гордость своего полковаго мундира и своего знамени, оправдываемая всегда какимъ вѣдѣть высокимъ военнымъ качествомъ, которое полкъ исключительно себѣ усвоилъ. Отношенія взаимной отвѣтственности между людьми всякихъ степеней выдѣлались въ нихъ гораздо тѣснѣе чѣмъ въ какомъ бы то ни было войскѣ и естественно внушили отдѣльному лицу полную увѣренность въ своей части, какъ части возможность полагаться на каждого изъ составляющихъ ее людей. Безпрерывные походы закалили кавказскаго солдата, сдѣлали изъ него перваго холода въ свѣтѣ, научили жить гдѣ бы то ни было и чѣмъ бы то ни было. Кавказская война образовала для Россіи армію, которая, подъ своимъ знаменемъ, готова считать себя дома на краю свѣта, которая съ разу понимаетъ всякое приложеніе военнаго дѣла, которую противникъ долженъ истребить, для того чтобъ побѣдить. Когда кавказскій баталіонъ становится лицомъ противъ врага, онъ считаетъ сраженіемъ только то время, которое ему нужно для того чтобы добѣжать до непріятельскихъ рядовъ; эту увѣренность раздѣляютъ по опыту все чины его, отъ командира до барабанщика.

Кромѣ регулярной арміи, кавказская война взростила для Россіи еще другое превосходное, единственное въ своемъ родѣ войско,—казаковъ линейныхъ и черноморскихъ. Одинаково способные къ сомкнутому строю и паѣздничей службѣ, кон-

ница и пѣхота вмѣстѣ, эти люди, безстрашные, неутомимые, быстрые какъ вѣтеръ. могутъ осуществить, употребляемые въ значительномъ числѣ, такія стороны военнаго дѣла, о которыхъ неслыхали прежде,— блокировать непріятельскую армію въ ея собственной странѣ, разъединить ее, обхватить съ тыла и фланговъ, разорвать сообщеніе между отдѣльными колоннами. До сихъ поръ линейскіе казаки бывали въ европейской войнѣ только дивизіонами и оставили однакожъ живыя воспоминанія о себѣ. Съ окончаніемъ кавказской войны, сорокъ тысячъ казаковъ, при надобности и больше, могутъ присоединиться къ арміи. Въ этомъ удивительномъ войскѣ выразились стороны русской природы, которыхъ нельзя и замѣнить въ спокойномъ быту. Лучшіе линейные полки формировались на нашихъ глазахъ, изъ поселянъ; до такой степени духъ казачества живетъ еще, если не въ умѣ, то въ крови русскаго человѣка. Въ нѣсколько лѣтъ эти поселяне, поставленные на порубежной непріятельской чертѣ, дѣлались самыми отважными и ловкими наѣздниками, настоящими абреками, првосходящими чеченскихъ, и въ тоже время послушными, вполне дисциплинированными солдатами, способными ко всякаго рода службѣ. Такъ быстро развивался въ этихъ поселянахъ военный духъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ дѣвушка, вчерашняя крестьянка, не хотѣла на посидѣлкахъ сказать ласковаго слова казаку, не слышавшему удальцомъ. Россія, при своемъ безмѣрномъ протяженіи, живетъ еще жизнью разныхъ столѣтій. На украйнахъ—кавказской, сибирской, киргизской, казачество существуетъ еще въ тѣхъ

же условіяхъ, какъ въ 16-мъ вѣкѣ оно существовало на Днѣпрѣ и на Дону. Войны и вмѣстѣ поселяне, казаки разрабатываютъ землю, занятую ими съ оружіемъ въ рукахъ, вносятъ русское отечество въ чуждыя пустыни и должны быть для имперіи тѣмъ же, чѣмъ американскіе передовые колонисты для Соединенныхъ Штатовъ. На Кавказѣ было бы невозможно управиться съ горцами безъ заселенія казаками передовыхъ линій. Черезъ нѣсколько времени кавказскіе казачьи полки будутъ еще далеко выдвинуты впередъ и казачье населеніе, подкрѣпляемое новыми выходцами, значительно возрастетъ. Тогда уже не сорокъ, а можетъ быть семьдесятъ тысячъ кавказскихъ казаковъ готовы будутъ стать подъ знамена, при первомъ призывѣ отечества.

Третій элементъ новой силы, которою покоренный Кавказъ даритъ имперію, состоитъ въ горскихъ войскахъ. При системѣ принятой нынѣ, число ихъ можетъ быть велико, а въ качествѣ нельзя сомнѣваться. Лучше конно-дагестанскаго полка и анапскаго эскадрона не можетъ быть войска. Для кавказскихъ горцевъ битвы и опасности такая же необходимость, какъ для древнихъ Скавдинавовъ. Надобно только дать правильный исходъ ихъ воинственности, чтобы Кавказъ выбросилъ изъ своихъ нѣдръ дружины, которымъ, можетъ быть, придется удивить свѣтъ подъ русскими знаменами.

Покореніе восточнаго Кавказа стоило имперіи большихъ жертвъ; покореніе западнаго будетъ

еще стоит, можетъ быть, въ продолженіе нѣкотораго времени. Но покореніе это будетъ совершено въ возможно короткій срокъ, естественныя и личныя силы страны будутъ правильно развиты, въ этомъ можно повѣрить человѣку, которому весь Кавказъ, хорошій оцѣнщикъ практическихъ людей, повѣрилъ съ перваго его шага сюда. Съ окончательнымъ усмиреніемъ перешейка, эта часть Русской имперіи вполнѣ вознаградитъ государство въ политическомъ и военномъ отношеніи, отчасти даже въ экономическомъ. Уже одно возвращеніе кавказской арміи въ итогъ дѣйствующихъ силъ, прекращеніе безплодныхъ жертвъ и всегдашняго опасенія за эту страну, составляютъ успѣхъ чрезмѣрной важности.—Можно съ основательностію думать, что еслибы горы были усмирены въ 1855 году, истекшая война приняла бы совсѣмъ другой оборотъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, это великое дѣло совершено; исполненіе остальнаго, при томъ же сильномъ управленіи, можно рассчитать впередъ на вѣрное. Утвержденіе безнорнаго русскаго владычества на Кавказскомъ перешейкѣ, вполнѣ устроенномъ, будетъ событіемъ всемірнымъ, всѣхъ послѣдствій котораго не исчерпаютъ и нѣсколько поколѣній. Въ настоящее время еще невозможно обнять человѣческимъ соображеніемъ всего, что можетъ развиться изъ окончательнаго покоренія Кавказа, этого моста переброшеннаго съ русскаго берега въ сердце

азіятскаго материка. Будущее не во власти человека; но люди властны быть достойными великаго будущаго. Покуда, будемъ довольны совершеннымъ и скажемъ съ Богданомъ Хмѣльницкимъ будетъ что будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.

КАРТА ВОСТОЧНОГО КАВКАЗА

Масштабъ

Въ Английскомъ дюймѣ 20 верстъ

Handwritten notes:
Кавказъ
Кавказъ

